КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Джон Диксон Карр

ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

«АЗБУКА»

Расследование ведет Гидеон Фелл

Вне подозрений
Джон Диксон Карр

Аннотация
Джон Диксон Карр. Вне подозрений
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая
Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая

Аннотация

Золотой век детектива подарил нам множество звездных имен. Почетное место в этой плеяде по праву принадлежит Джону Диксону Карру (1906–1977) – виртуозному мастеру идеально построенных «невозможных преступлений в запертой комнате». В 1933 году Джон Диксон Карр впервые представил публике сыщика-любителя доктора Гидеона Фелла. Внешность героя, предположительно, была списана с другого корифея детективного жанра – Гилберта Честертона, а его заслуги в истории детективного жанра, по мнению большинства почитателей творчества Карра, поистине вызывают уважение. Так, писатель Кингсли Эмис в своем эссе «Мои любимые сыщики» назвал доктора Фелла «одним из трех великих преемников Шерлока Холмса».

Процветающий адвокат Патрик Батлер, герой романа «Вне подозрений» (1949), уверен в себе и проигрывает крайне редко. И когда к нему одно за другим попадают два дела об отравлениях – совершенно очевидных с точки зрения обвинения, он без колебаний

берется во что бы то ни стало доказать невиновность своих подзащитных.

Джон Диксон Карр
Вне подозрений

BELOW SUSPICION
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1949

Published by arrangement with David Higham Associates Limited and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

© Е. А. Королева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

КЛАССИКА
ДЕТЕКТИВА

Глава первая

Тюрьма Холлоуэй, где содержатся женщины, отбывающие срок, и женщины в ожидании суда, находится в Ислингтоне. Ее окрестности не особенно радуют даже летом. А уж этот вечер, когда холодный мартовский ветер задувал порывами, подвывая в немногочисленных уличных фонарях, и вовсе тянул на вечер перед казнью.

К воротам тюрьмы подкатил лимузин «роллс-ройс» — его владелец, который не имел права водить даже маленькую машинку, мог позволить себе и лимузин, и шофера в качестве «текущих расходов». В салоне сидели мистер Чарльз Денхэм, стряпчий, и мистер Патрик Батлер, королевский адвокат.

Однако, когда Батлер открыл дверцу машины и Денхэм шевельнулся, собираясь выйти вслед за ним, адвокат жестом велел своему спутнику остаться.

— Нет, — произнес Батлер своим теплым, дружелюбным голосом.

Брови Денхэма, очень темные на фоне худощавого открытого лица, тревожно сошлись к

переносице.

— Разве тебе не кажется, что я обязан присутствовать при вашем разговоре?

— Но не при первом же знакомстве, Чарли. Нет. Мне хочется, — Батлер непринужденно взмахнул рукой и улыбнулся, — измерить ее эмоциональную температуру, так сказать.

Эта улыбка, эта совершенная непринужденность в сравнительно молодом человеке, кажется, вызывали у Денхэма профессиональную зависть.

— Против нее выдвинуто обвинение, — воскликнул Денхэм, — в убийстве!

— Ну разумеется, — жизнерадостно согласился Батлер. — Ведь иначе меня бы не было здесь, не так ли?

— Ладно, — пробурчал его товарищ, как будто в некоторой степени признавая его правоту. — Ладно! — Он поглядел из лимузина на уродливую, тускло освещенную громаду Холлоуэя. — Ненавижу женские тюрьмы! — прибавил Денхэм.

Мистер Патрик Батлер, красивый мужчина, известный одним как Великий Защитник, а другим — как «этот чертов ирландец», стоял одной ногой на подножке машины, заглядывая в салон; при этих словах он засмеялся. Лет через десять он, скорее всего, сделается слишком грузным и

румянец у него на лице будет пылать гораздо ярче. В данный момент ему было сорок, хотя выглядел он не старше тридцати. Его нахальный нос несколько уравновешивался широким улыбчивым ртом, а пренебрежительное отношение к интеллектуальным способностям окружающих — сияющими голубыми глазами. Не будь он по-настоящему добросердечным и щедрым до глупости, у него нашлось бы немало ненавистников.

— Точно говорю, — повторил Денхэм, — ненавижу женские тюрьмы!

— Ты просто слишком превозносишь слабый пол, — сухо сказал ему Батлер. — Заметь, я тоже люблю их! Мне нравятся их манеры, их глаза, их губы. — Он упомянул и прочие прелести. — Только я держу их на подобающем им месте, Чарли. Тебе не доводилось беседовать с Фергюсоном?

— Кто такой Фергюсон?

— Начальник этой тюрьмы.

Денхэм, выглядевший старше Батлера из-за вечно напряженного худощавого лица, хотя на самом деле был моложе его, нетерпеливо затряс головой, словно надеясь, что там прояснится.

— Фергюсон, — повторил он. — Ну разумеется! Как глупо с моей стороны. Однако…

— Знаешь, как сделать, чтобы они были счастливы в тюрьме? — не отставал Батлер, не теряя своего дружелюбия. — Выдать каждой по зеркалу и приличной расческе. И притворяться, что не замечаешь, из каких фантастических продуктов они делают себе пудру и помаду. Кроме того, на дворе сорок седьмой год. Тебе не кажется, что их жизнь здесь не намного хуже той, которую мы ведем на свободе?

Денхэм с трудом сглотнул комок в горле.

— Послушай, — произнес он. — Мы приехали сюда не для того, чтобы рассуждать о заключенных женского пола. Мы здесь, чтобы помочь мисс Эллис, невиновной девушке. — Голос его приобрел металлические нотки. — Ты же не считаешь ее виновной?

Веселость Батлера испарилась. Выражение его лица сделалось едва ли не зловеще серьезным.

— Дорогой друг, конечно же она невиновна! Дай мне только переговорить с ней полчаса, это все, о чем я прошу.

И он удалился, вышагивая с достойной императора самоуверенностью.

Спустя пятнадцать минут Патрик Батлер, держа шляпу в руке, стоял посреди маленькой комнаты с белеными стенами, где за двумя зарешечен-

ными окнами, выходившими на запад, алело подернутое дымкой небо. С потолка свисала одинокая электрическая лампочка, забранная сеткой. В ее свете комната была расчерчена холодными сетчатыми тенями, паутиной оплетавшими простой сосновый стол и два стула.

Патрик Батлер бывал здесь не раз. И тем не менее, несмотря на легкомысленный тон, каким он разговаривал с Денхэмом, это место никогда ему не нравилось. Он словно оказывался запертым в камере в самом сердце пирамиды Хеопса, испытывая удушливое ощущение, будто невидимые руки колотят по решеткам со всех сторон. Такой большой и источающий уверенность, в своем чудесном пальто, обретенном в результате сложных манипуляций с купонами на черным рынке, он сел по одну сторону стола. И «матрона» ввела мисс Джойс Эллис.

«Боже! — подумал Батлер. — Какая хорошенькая! Хотя, наверное, правильнее сказать, интересная. Это если бы в ней была капелька живости. Не мой типаж. Но очень привлекательна».

Джойс Эллис, среднего телосложения, темноволосая девушка с большими серыми глазами, встревожилась, когда он поднялся из-за стола. Ей пришлось кашлянуть, прочищая горло, прежде

чем она смогла заговорить.

— Мистер Денхэм? — произнесла она вопросительно, оглядывая комнату в поисках Чарли, но не находя его. Она явно испугалась.

— Боюсь, мистер Денхэм не смог прибыть, — произнес Батлер в самой своей сердечной манере старшего брата. И просительно улыбнулся. — Но, я надеюсь, вы не возражаете против меня? Я буду представлять вас в суде. Моя фамилия Батлер. Патрик Батлер.

— Патрик Батлер? — эхом откликнулась девушка.

Он понял, что его имя ей известно.

«Матрона» — женщин, которые служат в тюрьмах, никогда не называют охранницами или надзирательницами — не осталась в комнате вместе с ними. Но эта дама в синей униформе будет стоять под дверью, наблюдая в стеклянный глазок, и тут же войдет, если Батлер попытается хотя бы пожать руку своей клиентке.

Мгновение после того, как закрылась дверь, Джойс Эллис стояла, пристально глядя на него.

— Но я… у меня нет денег! — воскликнула она. — Я не смогу… я хочу сказать…

Батлер звучно рассмеялся. Он был выпускник Вестминстерского университета и оксфордского

колледжа Крайст-Чёрч. Однако довольно часто и совершенно осознанно уснащал свою речь словечками с дублинским выговором, который англичане называли провинциальным, — им это нравилось, они на это покупались.

— Ей-ей, что вы, да разве ж это важно?

— Но это очень даже важно!

— Да это вообще тут ни при чем, — совершенно искренне сообщил он. Батлер настолько наплевательски относился ко всем финансовым вопросам, что Фортуна, со своей стороны, осыпала его денежным дождем. — Если вам станет от этого легче, милочка, я получу свой гонорар с очередного богатенького дельца с черного рынка, который действительно будет виновен.

Совершенно неожиданно, против ее воли, слезы навернулись на глаза девушки.

— Значит, вы верите, что я этого не делала! — воскликнула она.

Батлер выразил согласие улыбкой. А его разум, этот бесстрастный измерительный прибор, выдавал свою оценку: «У нее прекрасная фигура; эти безобразные тряпки скрывают ее. Скорее всего, она чертовски горячая штучка; как хорошо, что в это дело не замешан никакой мужчина. И она произведет отличное впечатление, когда будет

давать показания. Эти непролившиеся слезы выглядят так натурально».

— Мне важно знать, — произнесла Джойс с горячечной откровенностью, — что вы не верите в мою виновность. Я… я читала о вас.

— О, мои скромные услуги обычно переоценивают.

— Ничего подобного! — возразила Джойс, стискивая руки и опуская глаза в пол. Она сидела за столом напротив него, за решеткой теней от забранной сеткой лампы.

— Как бы там ни было, — продолжила она, — давайте отложим мою благодарность до другого раза. Не хочу показаться дурочкой и расплакаться. Мне нужно рассказать вам… о событиях?

Батлер на мгновение задумался.

— Нет, — решил он. — Давайте лучше я расскажу вам, как было дело, а по ходу буду задавать вопросы. Кстати, сколько вам лет?

— Двадцать восемь, — ответила Джойс. Она поглядела на его с недоумением.

— А какие-нибудь подробности, милочка? — В богатых модуляциях его голоса она превратилась в «милашку». — Например, о вашей семье?

— Мы жили на севере Англии, мой отец был священником. — Она с трудом глотнула. — Я

понимаю, что это похоже на глупый анекдот из книжки, но он правда был священником. Мои родители погибли во время воздушного налета на Халл еще в сорок первом.

— Расскажите мне что-нибудь о себе.

— Боюсь, тут нечего рассказывать. Дома я довольно много работала, однако меня не научили ничему по-настоящему полезному. Во время войны я была в женской вспомогательной службе ВВС. Я… мне там не особенно нравилось, хотя, подозреваю, не стоит говорить такое вслух.

— Продолжайте.

Беседа получалась весьма непринужденной, даже непоследовательной. Однако Батлеру, излучавшему уверенность, словно печка — тепло, удалось прогнать напряжение из ее тела и черную тоску из ее души.

— Хорошо! — согласилась она. — После войны мне, разумеется, было не из чего выбирать. Мне повезло получить это место компаньонки-сиделки-секретарши у миссис Тейлор.

— И вас обвинили, — негромко подхватил Батлер, — в том, что вы отравили миссис Тейлор сурьмой, или же рвотным камнем, вечером двадцать второго февраля.

И тут на один жуткий миг оба ощутили взгляд

«матроны» через стеклянный глазок. Этот взгляд как будто поглотил всю комнату.

Джойс, не отрывая глаз от стола, едва заметно кивнула. Ее указательный палец провел по столешнице вертикальную линию, затем пересек ее горизонтальной в нижней части. Ее темные волосы, коротко остриженные, что уже вышло из моды, блестели в резком свете лампочки. Снова накатило удушливое ощущение тюрьмы, где ей оставалось ждать суда еще две недели.

— Долго вы прожили у миссис Тейлор?

— Почти два года.

— Какое у вас сложилось мнение о ней?

— Мне она нравилась, — ответила Джойс, оторвавшись от своих рисунков.

— Из моих записей следует, — не отставал Батлер, — что миссис Милдред Тейлор было около семидесяти. Она была очень богатой, очень толстой и воображала себя инвалидом.

Серые глаза сверкнули.

— Погодите! — перебила Джойс. — «Воображала себя инвалидом» — не совсем… Я даже не знаю, как это точнее сказать!

— Ну же, милочка! Постарайтесь как-нибудь сказать.

— Ладно. Она обожала принимать лекарства.

Любые и все подряд. Например, если ей казалось, что у нее что-то с сердцем, и при этом ей случайно попадались на глаза чужие таблетки от расстройства желудка, она принимала эти таблетки просто так, посмотреть, как они подействуют. И она вечно пичкала себя английской солью и солями Немо.

Батлер кивнул.

— Насколько я понял, со смерти своего мужа, — продолжал он, — она жила в Бэлхэме рядом с общинными землями. В старомодном большом доме с каретным сараем на задворках.

— Да!

— Но в самом доме ночевали только вы с миссис Тейлор?

— Да! Все слуги спят в комнатах над каретным сараем. Оттого-то мое положение сейчас столь ужасно!

— Тише-тише, милашка! — Дублинский акцент снова ее успокоил. Румяная физиономия Батлера была просто воплощенным состраданием. Как же здорово, подумал он с восхищением, Джойс Эллис разыгрывает свою роль трепещущей невинности!

— Понимаете, — продолжала девушка, — миссис Тейлор нечасто выбиралась из дома. И еще

ненавидела автомобили. Когда ей требовалось куда-нибудь поехать, кучер возил ее в экипаже, который называется ландо. К каретному сараю примыкает конюшня, и она всегда держала собственную лошадь. И именно там…

— Именно там кто-то раздобыл отраву?

— Да. Боюсь, что так.

— В деревянном шкафчике, который висит на стене конюшни, — уточнил Батлер, — хранилась старая жестяная коробка из-под солей Немо, где уже давно не было никаких солей. Зато она была на четверть заполнена смертельным ядом, который именуется сурьмой. Кучер… как его зовут?

— Гриффитс, — отозвалась Джойс. — Билл Гриффитс.

— Кучер, — продолжал Батлер, — делал раствор и натирал им лошадь, чтобы шкура блестела. — Он пристально поглядел на нее. — Сурьма представляет собой белый кристаллический порошок, который легко растворяется в воде, и выглядит он в точности как соли Немо.

— Говорю же, я ее не убивала!

— Разумеется, не убивали. Давайте дойдем до конца истории: расскажите мне в точности, что происходило днем и вечером накануне ее… смерти.

— Ничего особенного не происходило. Там никогда ничего не происходило.

На лице Батлера помимо его воли, должно быть, отразилось раздражение. И тут же страх и нарастающее раскаяние заблестели в ее серых глазах.

«Боже мой, — подумал он, — да она влюбляется в меня!» Такое частенько случалось с его клиентами женского пола и неизменно вызывало неловкость.

— День был холодный и ветреный, — заговорила Джойс. Она отвела от Батлера взгляд и сейчас как будто смотрела в прошлое. — Миссис Тейлор весь день оставалась в постели, в камине жарко горел уголь. Утром я сделала ей прическу — миссис Тейлор, несмотря на возраст, любила красить волосы, чтобы сияли, как медный чайник, — но она выглядела не столь жизнерадостной, как обычно. После обеда у нее были посетители.

— Ясно. Кто именно?

— Доктор Бирс, ее лечащий врач, заглянул около половины третьего. Молодая миссис Реншоу — мистер и миссис Реншоу единственные родственники миссис Тейлор, — так вот, молодая миссис Реншоу пришла примерно в три. Это меня удивило.

— Вот как? Почему же это вас удивило?

Джойс с сомнением взмахнула рукой:

— Ладно! Реншоу живут довольно далеко, в Хэмпстеде. Они редко забираются в такие дикие дебри Южного Лондона, как Бэлхэм и Тутинг-Коммон. Как бы там ни было, Люсия Реншоу пришла. Она натуральная блондинка и ужасно хорошенькая.

«В отличие от меня», — подразумевал тон Джойс. Она хотела было прибавить что-то еще, но передумала и закусила нижнюю губу.

— Продолжайте! — велел Батлер.

— Миссис Тейлор, и миссис Реншоу, и доктор Бирс находились в передней части дома, в спальне миссис Тейлор, — на самом деле это гостиная, просто там стоит старомодная деревянная кровать, тяжеловесная и массивная. Я была у себя, в самой дальней части дома, читала, пока у меня в комнате не раздался звонок.

Понимаете, — пояснила Джойс, — миссис Тейлор требовала много внимания к себе. Но при этом она не терпела, чтобы кто-то находился поблизости, «мельтешил перед глазами», когда ей хотелось побыть одной. И потому в мою комнату был проведен электрический звонок. И из-за него… из-за него я попаду на виселицу.

Нет, пожалуйста, не перебивайте! — восклик-

нула Джойс, когда ее собеседник попытался что-то вставить. — Позвольте мне договорить!

Когда я услышала его безумный трезвон, я чуть ли не бегом кинулась в комнату миссис Тейлор. Доктор Бирс и миссис Реншоу уже ушли. Миссис Тейлор сидела на кровати, сжимая в руке кнопку вызова. Кнопка, из тех, что используют в больницах, болтается на длинном белом шнуре, который прикреплен к стене за высоким старомодным изголовьем ее кровати. Иногда кнопка заваливается за изголовье, и тогда приходится вставать на кровать, чтобы выудить ее.

Миссис Тейлор была в ярости. Никогда прежде я не видела ее такой. Понимаю, это звучит глупо и абсурдно, но причина заключалась в следующем: она зашла в ванную комнату, и оказалось, что жестяная банка с солями Немо пуста. И вот теперь она жаждала этих солей, как… как пьяница жаждет виски. И в своей ночной рубашке из розового шелка она казалась еще толще, чем была на самом деле.

Конечно же, я сразу сказала, что сейчас сбегаю в «деревню» и куплю новую банку. На самом деле, это не деревня, а просто торговый центр на окраине, в начале Бедфорд-Хилл-роуд, рядом со станцией метро. Но когда я была уже на полпути,

я вдруг вспомнила, что сегодня четверг. У всех короткий день. И чтобы найти открытую аптеку, придется ехать на метро до самого Вест-Энда.

Я оглянулась на дорогу: голые деревья раскачивались на ветру, и дома стояли словно замороженные, и я не знала, что мне делать дальше. Миссис Тейлор велела сразу же возвращаться домой. Вот я и пошла домой. Но когда пришла…

Здесь Батлер перебил ее.

— Погодите минуточку, — попросил он. — Когда вы вернулись, в комнате миссис Тейлор был кто-нибудь, кроме нее?

— О да! Там была Элис. Элис Гриффитс, жена кучера, она в доме и горничная, и официантка. Элис уже не первой молодости и со странностями, однако она всегда была очень добра.

— Продолжайте!

— Когда я сказала миссис Тейлор, что сегодня все рано закрываются, но я могу прямо сейчас поехать в Вест-Энд, она страшно разозлилась и даже слушать ничего не хотела. Она заявила, что теперь не станет принимать никакие соли Немо, даже ради спасения собственной жизни. Она заявила, что все на свете против нее. А еще поглядела на меня и прокричала: «Я знаю одну юную леди, которая останется без наследства,

как только я позвоню своему стряпчему». И Элис это слышала.

Миссис Тейлор, видите ли, отписала мне по завещанию пятьсот фунтов. Я это знала, все это знали. Эти деньги я ничем не заслужила. Но она все равно включила меня в завещание. Мистер Батлер, умоляю, поверьте, я никого не стала бы убивать ради пятисот фунтов — то есть ради любых денег. Беда в том, что теперь поздно объясняться. А больше в тот день ничего не происходило, пока не случилось самое страшное.

Джойс закрыла лицо ладонями, крепко прижав пальцы к глазам. Затем, стиснув зубы, поскольку предстояло рассказать о самом худшем, она приступила.

— В половине восьмого, — сказала она, — я принесла миссис Тейлор поднос с ужином. Она… ну… заметно оттаяла, хотя пару раз заговаривала о том, как благотворно соли Немо действуют на пищеварение. Я не знала, что отвечать на подобные замечания, потому не отвечала ничего.

Я уже говорила, что прислуги в доме три человека, если не включать в это число меня. В общем, это Элис Гриффитс, Билл Гриффитс и Эмма, кухарка. Все они по требованию миссис Тейлор покидали дом к девяти вечера. Так было

и в тот раз.

Затем я, как и обычно, перестелила миссис Тейлор постель. Взбила ей подушки, положила на ночной столик книги и пачку сигарет. Моей финальной обязанностью в списке ежедневных дел было обойти весь дом и запереть, словно крепость: двери, окна — вообще все. Последнее, что я сделала, — повернула ключ в замке задней двери.

Моя комната как раз рядом с задней дверью. Я немного почитала, а потом заснула, несмотря на сильный ветер. И всю ночь, мистер Батлер, звонок в моей комнате молчал.

Джойс подалась вперед, сцепив руки.

— Они говорят, я лгу, мистер Батлер. Говорят, звонок в моей комнате совершенно исправный и был исправным. Говорят, миссис Тейлор наверняка нажимала на кнопку, когда почувствовала ужасную боль. Только она не нажимала. Могу поклясться, что не нажимала. Я чутко сплю, и я бы непременно услышала.

Боже, я почти жалею, что не солгала! Надо было сказать, что я приняла пару таблеток снотворного, или что-нибудь еще. Таблеток полным-полно в медицинском шкафчике миссис Тейлор. Но если ты ни в чем не виноват, как мне казалось,

закон тебя и не тронет. Не имеет права. Так нас приучили думать. Я никогда не жила по-настоящему. И вот теперь я заперта здесь в ожидании, пока меня повесят.

«Никогда не жила? — удивился про себя Батлер. — С таким-то личиком и особенно с такой фигурой? Да ну брось!»

Но даже намека на это сардоническое изумление не отразилось на его крупном краснощеком лице с длинным носом.

— Вы забегаете вперед, — напомнил он довольно резким тоном, словно дал ей пощечину, чтобы прекратить истерику.

— Простите! — сказала Джойс, взяв себя в руки. Она снова устыдилась своих сетований. — Мне ужасно жаль. Если вы верите в мою невиновность, можно считать, что за моей спиной целая армия.

— Да. Хорошо. — Он вдруг залился румянцем. — Что было наутро?

— Каждое утро, — сказала Джойс, — я вставала в восемь, чтобы отпереть заднюю дверь и впустить Элис. Элис разжигала огонь в кухонной плите внизу и затапливала все печи, которые требовалось. Чуть позже Эмма, кухарка, приходила, чтобы приготовить миссис Тейлор утренний чай,

и Элис относила его наверх в половине девятого.

В то утро я проснулась по привычке — вам ведь такое знакомо — за несколько минут до восьми. Когда Элис постучала в заднюю дверь, я вышла прямо в халате и отперла ей. Но было очень холодно, потому я снова вернулась в постель и немного подремала. Миссис Тейлор обычно звала меня не раньше десяти, а то и позже.

Затем, когда было еще только без четверти девять, звонок заверещал как бешеный. Бешеный! Длинными трелями с короткими паузами между ними. Я подумала, это миссис Тейлор снова разозлилась. И потому я кинулась в ее комнату, так и не одевшись. Только это оказалась не миссис Тейлор. Когда я добежала до ее комнаты…

Джойс умолкла, коротко дернув головой и содрогнувшись всем телом.

— В коридоре перед дверью меня встретила Элис Гриффитс, — сказала она, — и завела внутрь. Элис остановилась по одну сторону от кровати с чайным подносом в руках. По другую сторону стояла кухарка Эмма, только что выпустившая кнопку звонка. Кнопка еще раскачивалась на шнуре прямо у щеки миссис Тейлор.

А миссис Тейлор… в общем, она лежала на боку, скорчившись, посреди смятых простыней.

Я поняла, что она мертва. Ее лицо так ужасно расплылось, как это бывает у покойников. Элис с Эммой в тот момент обе обернулись и глядели на меня остекленевшими глазами, как будто наглотались таблеток.

На прикроватном столике стоял высокий стакан с чайной ложечкой и каким-то белесым осадком на дне. Рядом со стаканом была открытая жестяная банка с солями Немо. На этой жестянке нашли отпечатки пальцев миссис Тейлор. — Джойс прибавила, не меняя тона: — И еще мои.

Глава вторая

Мутно-красное небо за двумя зарешеченными окнами сделалось иссиня-черным. Электрический свет казался еще более унылым, резким и безжалостным.

Серая шляпа и перчатки Патрика Батлера лежали на столе. Темно-синее пальто распахнулось, когда он откинулся назад вместе со стулом, отчего тот жалобно пискнул, балансируя на задних ножках. Глядя куда-то в потолок, здоровенный ирландец улыбался загадочной отрешенной улыбкой. Затем стул со стуком встал на место, а Батлер взглянул на Джойс.

— Эта жестянка от Немо, как я понимаю, — проговорил он с живостью, — та самая жестянка, которая хранилась в конюшне. В ней была только сурьма?

— Да.

— Соли Немо, — продолжал Батлер, — не шипучие. Если кто-то дал ей эту банку…

— Дал ей банку! — произнесла Джойс и закрыла глаза. В ее словах сквозила жуткая ирония.

— Миссис Тейлор, — продолжал адвокат, —

всыпала в стакан с водой две-три чайные ложки чистой сурьмы. Она размешала и проглотила порядочную дозу, не заметив ничего странного. Сурьма лишена запаха и вкуса, как и мышьяк.

— Но только я могла дать ей эту банку! Неужели вы не понимаете?

— Ну… — Он поджал губы.

— Я была с ней одна. Дом был заперт изнутри. Никто не мог войти. Мне не верят, когда я говорю, что звонок молчал. Мне действительно были отписаны деньги в завещании, и еще я… была расстроена и рассержена в тот день. — И тут всплыл вопрос, который она пыталась задушить в себе с самого первого момента. — Мистер Батлер, есть ли у меня хоть какой-то шанс?

— Послушайте, — произнес он серьезно. — Я хочу, чтобы вы доверились мне еще на минуту-другую, пока я не закончу разбирать вашу историю. Вы сможете?

— Хорошо. Конечно. Как скажете.

— В таком случае вернитесь к тому моменту, когда вы только что увидели в постели мертвую миссис Тейлор. Вы ясно представляете себе эту картину?

— До ужаса ясно! — Она не стала признаваться, что ощутила едва ли не физическую тошноту,

потому что он не ответил на ее вопрос.

— Когда вы только увидели ту банку на прикроватном столике, вы мысленно связали ее с банкой из конюшни? С той жестянкой с сурьмой?

Джойс поглядела с изумлением:

— Боже правый, нет! Никто об этом не думал, пока полиция не начала задавать вопросы. Я… я подумала только, что это настоящая жестянка с солями, которую она откопала где-то у себя.

— Расскажите, что вы делали после того, как увидели тело.

— Я подошла к миссис Тейлор и потрогала ее. Она была холодная. Элис с Эммой так перепугались, что путались в словах, — я с трудом их понимала. Я взяла жестянку с прикроватного столика и заглянула в нее, а потом поставила обратно. Меня не отпускала мысль, откуда же она ее достала.

— По этой причине полиция и обнаружила ваши отпечатки на жестянке?

— Да. Именно так.

— Вы только в тот раз прикасались к жестянке?

— Только в тот.

— Вам, конечно, известно, что и Элис Гриффитс, и Эмма Перкинс утверждают, что не видели, как

вы брали жестянку?

Тошнота, охватившая Джойс, усилилась.

— Да, я знаю, — ответила она. — Только это неправда. Прошу, поймите меня! Я не хочу сказать, что они нечестны. Они честны. Просто они были в расстроенных чувствах, они попросту не помнят. Люди часто не помнят подобных мелочей, даже если им напомнить.

Батлер бросил на нее быстрый заинтересованный взгляд, улыбаясь так же загадочно, как улыбался недавно потолку.

— «Даже если им напомнить», — повторил он. — Интересно! — И прибавил: — А миссис Тейлор не рвало той ночью? Только не смотрите на меня с таким недоумением, моя милая. Так рвало?

— Нет. Это… это первое, о чем спросил доктор Бирс. Но мы осмотрели всю комнату, ничего такого не было.

— Известно, что, если проглотить большую дозу сурьмы, минут через пятнадцать-двадцать начинается сильная рвота.

— Но она точно отравлена сурьмой! — воскликнула Джойс. — Когда меня доставили в магистратуру перед заключением в тюрьму и перечислили доказательства, которые будут

переданы в суд, патологоанатом сказал, это была сурьма!

— Ага, да-да, — довольно пробурчал Батлер. Он вскинул брови. — Это одна из лучших черт нашей судебной системы. Обвинителям приходится излагать дело целиком перед магистратом. Тогда как от нас этого не требуется, мы просто держим свои аргументы в секрете. Боже! Они понятия не имеют, какие карты у меня на руках!

В его басовитом голосе, даже приглушенном, слышалось ликование.

— Это невыносимо! — невольно вырвалось у Джойс. — Прошу вас, умоляю! Есть у меня хоть какой-то шанс?

— Я вам скажу, — ответил он спокойно. — Если вы доверитесь мне, последуете моему совету, все обвинения окажутся попросту беспочвенными.

И снова Джойс поглядела на него с изумлением, и ее нежный рот раскрылся. Он смотрел на нее, лучась весельем, которое стороннему наблюдателю, не завороженному так, как Джойс Эллис, могло бы показаться почти жутким.

— Обвинения окажутся беспочвенными? — воскликнула она.

— Именно.

— Не смейтесь надо мной! Прошу, только не

смейтесь надо мной!

Батлер был по-настоящему уязвлен.

— Неужели вы думаете, что я смеюсь над вами, милочка? Я говорю совершенно серьезно.

— Но доказательства, предоставленные магистрату… — Она покопалась в памяти. — А вас ведь не было у магистрата!

— Не было. Зато был мой помощник.

— А что до… до подготовки моей защиты…

— Ей-ей, красотуля! — укоризненно произнес он, и в его голосе снова зазвучал дублинский акцент. — Я уже подготовил вашу защиту. Я побывал в доме миссис Тейлор, расспросил свидетелей. Потому-то я и хочу, чтобы вы перестали тревожиться.

— Но вдруг вы ошиблись!

— Я никогда не ошибаюсь, — произнес Батлер.

В его тоне не было и намека на высокомерие, хотя говорило в нем ощущение интеллектуального превосходства. Он произнес это утверждение так просто, как мог бы сообщить, что всегда проводит отпуск на юге Франции.

Джойс была окончательно сбита с толку, голова шла кругом, осталось всего несколько связных мыслей. Она совершенно ни в чем не виновата, она же действительно не убивала миссис Тейлор.

Только это, похоже, не имело никакого значения для тех бесстрастных лиц и указующих перстов, загнавших ее в угол. Она тогда ярилась и кричала — мысленно, не позволяя себе выказывать чувства, — протестуя против такой возмутительной несправедливости. Но теперь…

Патрик Батлер был не совсем прав, решив, что она успела влюбиться в него. Но это было настолько близко к правде, что разница не имела значения, и еще несколько встреч превратят это в самую настоящую непререкаемую истину. Для нее он был сродни божеству, почти как… и она снова принялась рисовать узоры на столешнице. Она все для него сделает, что угодно, лишь бы сохранить хорошее мнение о себе! Сердце колотилось так, что она задыхалась и с трудом различала его лицо.

Батлер рассмеялся.

— Заметьте, — подчеркнул он, — это не значит, что я не могу ошибаться по иным поводам. Я могу поставить не на ту лошадь. Я могу, видит Бог, вложить деньги не в то предприятие. Могу даже неверно оценить женщину, хотя это редко.

Джойс, несмотря на свое положение, когда палач уже буквально брал ее за плечо, ощутила укол ревности.

— Но поверьте мне, я никогда не ошибаюсь насчет исхода суда или в своей оценке свидетелей. Итак!

Здесь голос Батлера зазвучал резче, и он подался к ней:

— Есть два момента, жизненно важных для вашей защиты, которые я хочу прояснить, прежде чем уйду.

— Уйдете? — переспросила Джойс. Она огляделa комнату. — О! Да! Конечно, вам надо идти. — И она вся задрожала.

— Первый момент, — продолжал Батлер, — касается кнопки звонка на шнуре, висевшем над кроватью миссис Тейлор.

— Да?

— Я ее видел, как вы понимаете. Как вы и говорили, это белая выпуклая кнопка на длинном белом шнуре. Она свисает сверху и чуть сбоку, шнур закреплен за кроватью из орехового дерева по моде шестидесятых-семидесятых прошлого века, с высоким резным изголовьем с заостренным верхом. Когда утром вы увидели миссис Тейлор уже мертвой, вы говорите, кнопка свисала, почти касаясь ее щеки?

— Да, и это правда!

— Прекрасно! — с удовольствием согласился

Батлер. — Однако, когда накануне вечером вы укладывали ее в постель… — он еще сильнее подался вперед через стол, — где находилась кнопка тогда? Она свисала рядом с ней или же болталась за кроватью?

Джойс лихорадочно копалась в памяти.

— Мистер Батлер, честное слово, не помню.

— Ну же, подумайте! Наверняка вы машинально отметили ее положение? На случай, если миссис Тейлор вызовет вас среди ночи?

— Нет. Потому что она никогда не вызывала меня по ночам. Миссис Тейлор искренне верила, что не может сомкнуть глаз, — Элис подтвердит, поскольку Элис жила в доме, пока миссис Тейлор не наняла меня, — хотя на самом деле спала без задних ног.

— Подумайте! — не отставал Батлер, гипнотизируя ее своими голубыми глазами. — Нарисуйте мысленно комнату! Обои в желтую полоску, старая мебель для гостиной, кровать! Где находилась кнопка звонка?

Джойс старалась изо всех сил.

— У меня смутное ощущение, — призналась она откровенно, — что она висела за изголовьем кровати. Миссис Тейлор много жестикулировала во время разговора. Только я…

— Великолепно! — выдохнул ее защитник, глядя с неприкрытым одобрением. — Мой второй, и последний, вопрос…

— Но это же только ощущение! — запротестовала Джойс. — В любом случае — какая разница? Не представляю…

— Стойте! — прервал Батлер. — Не пытайтесь думать. Позвольте думать мне. Так вот, мой второй, и последний, вопрос, повторю я, касается задней двери и ключа от задней двери.

— Как раз это я помню отлично!

— Вот как? Это же прекрасно, моя милая! Вы сказали, кажется, что напоследок, прежде чем уйти в тот вечер к себе, вы заперли заднюю дверь?

— Да!

— На задней двери нет засова, как мы оба знаем. Только ключ. А теперь скажите: это тот самый ключ от задней двери?

Сунув руку под пальто, он покопался в кармане и достал ключ. Старый ключ среднего размера, с небольшим пятном ржавчины, типовой ключ от задней двери любого дома Викторианской эпохи.

— Это тот самый ключ? — повторил он.

— Откуда вы его… — Джойс взяла себя в руки и сглотнула комок в горле. — Это тот самый ключ, — подтвердила она. — Я имею в виду, он

выглядит в точности как тот ключ.

— Все лучше и лучше! — просиял улыбкой ее адвокат, убирая ключ обратно в карман. — Затем вы сказали, — тут в его голосе зазвучали нотки, обычные для Олд-Бейли[1], — что отперли заднюю дверь для Элис Гриффитс на следующее утро?

— Да! В восемь часов.

— Именно. И теперь я понимаю, — произнес Батлер учтиво, — что вы забыли кое о чем, что могло бы заметно вам помочь.

— Забыла что?

— А точно так, как вы сами сказали: когда люди сильно расстроены, они что-то забывают, и им нужно напомнить. — Тут он поглядел ей прямо в глаза. — Я совершенно уверен, что, когда вы вышли, чтобы отпереть дверь, ключа в замочной скважине не было.

— Не было в замочной скважине? — бестолковым эхом откликнулась Джойс.

— Не было. Я уверен, — он выразительно глядел на нее, — что ключ вы обнаружили на полу коридора прямо под дверью. И вам пришлось поднять его и вставить в замок, прежде чем вы

---

[1] Notes: 1

Олд-Бейли — традиционное наименование центрального уголовного суда в Лондоне, данное по названию улицы, на которой расположено здание.

смогли впустить Элис.

Напряженное молчание длилось, наверное, секунд десять. Батлер слышал, как в этой гробнице тикают его наручные часы. Словно не желая ее смущать, он, воплощенное спокойствие и непогрешимость, без всякого интереса рассматривал беленые стены и насвистывал сквозь зубы.

— Но это же неправда! — выпалила Джойс.

Патрик Батлер, королевский адвокат, вряд ли изумился бы сильнее, даже если бы прямо сейчас в комнате рухнул потолок.

— Неправда?

— Нет! Ключ был в замочной скважине.

Снова повисла тишина, пока Джойс поеживалась под его изучающим взглядом. Его ошеломление смешивалось с нарастающим гневом, от которого еще больше раскраснелись щеки. Да что за дьявол, эта девчонка вообще понимает, с чем играет? Она же умная, она должна сознавать, как это скажется на ее защите, если она заявит, что ключа не было в замке. Что же это за чертовщина? Если только…

Стоп! Он понял. И как только он подумал, что понял причину, весь гнев Батлера испарился, сменившись неким подобием умозрительного восхищения. Получилось бы несколько неловко,

если бы Джойс Эллис и дальше упорно выдерживала свою роль, однако он понял. Он даже похвалил ее за это. Вот эта женщина ему по сердцу.

— Мистер Батлер! Я…

Батлер поднялся из-за стола, взяв шляпу и перчатки.

— Вы, разумеется, понимаете, — проговорил он ободряюще, — что это всего лишь предварительный разговор. Увидимся снова через пару дней. К тому времени, я совершенно уверен, вы вспомните.

В ее голосе прозвучала настоящая паника:

— Послушайте, мистер Батлер!

— В конце концов, вам же очень повезло.

— Повезло? О… Вы имеете в виду, что меня защищаете вы? Поверьте, это я понимаю! Однако…

— Тсс, тише! — сказал Батлер. Если бы «матрона» не наблюдала, он, наверное, потрепал бы ее по подбородку. — Я вам уже сказал: вы переоцениваете меня. Нет. Я имею в виду, повезло с ходом событий. Несчастная миссис Тейлор погибла вечером двадцать второго февраля. Вас арестовали… когда?

— Всего через неделю. А что?

— Так вот! Ваше дело, так получилось, успели

втиснуть в нынешнюю сессию центрального уголовного суда — слушание состоится через две недели с небольшим. Заподозрили, арестовали, судили — и оправдали! — меньше чем за месяц. Недурно, а? — Его присутствие окутывало, словно пуховым одеялом, заглушая ее слова. — До встречи, милочка! Собирайтесь с духом!

— Мистер Батлер, прошу, послушайте! Я не то чтобы отказываюсь произнести ложь. Просто это…

Однако Джойс увидела, снова ощутив себя запертой в ловушке, что «матрона» уже вошла в комнату. Охранник в синей форме, чьи шаги гулко отдавались в коридоре, появился, чтобы проводить посетителя к выходу.

Спустя пять минут, когда Джойс истерически рыдала у себя в камере, Патрик Батлер вышел из тюрьмы Холлоуэй, весьма довольный собой. Гладкий темный лимузин стоял чуть поодаль. Джонсон, шофер Батлера, вышел и распахнул перед ним дверцу. А на заднем сиденье дожидался старый добрый Чарли Денхэм, превратившийся в настоящий комок нервов.

— Что там? — тут же спросил стряпчий.

— Все отлично, старичок. И я хочу выпить. Джонсон, поехали в клуб «Гаррик»!

— Погоди! — возразил Денхэм. Он так властно рубанул по воздуху рукой, что шофер выпустил ключ зажигания. Затем Денхэм включил свет в салоне, чтобы видеть лицо своего компаньона.

«Старому доброму» Чарли Денхэму было года тридцать два. Он был худощавый, но крепкий молодой человек, а его унылая шляпа-котелок, его унылое пальто, жесткий воротничок и бесцветный галстук были безупречны с профессиональной точки зрения, как и он сам. Однако же никогда еще он не выглядел таким унылым, как в этот вечер.

В подобии лунного сияния, лившегося с потолка лимузина в шикарный салон с серыми подушками, ограждавший их от уличной темноты и холода, под скулами Денхэма залегли глубокие тени. Темнела тонкая полоска усов, глаза под темными же бровями были глазами идеалиста.

— Так что там? — спросил он снова. — Что ты о ней скажешь?

Батлер обдумал вопрос.

— Не мой типаж, — сообщил он добродушно. — Но очень привлекательная, это я признаю. Сексуальностью от нее так и веет.

На лице Чарльза Денхэма заиграли желваки. Он смотрел на Батлера так, словно на его вопрос

тот ответил скабрезной шуткой.

— Пат, — протянул Денхэм. — Мне кажется, ты всерьез веришь, что три четверти женщин на свете интересуются исключительно сексом.

— Ну, я этого не говорил. — Ухмылка адвоката подразумевала, что он считает таковыми девять десятых всех женщин.

— Подозреваю, это потому, что к тебе только таких и влечет.

— Ну, — сказал Батлер, — ее ко мне повлекло. Это несомненно.

— Врешь! Я тебе не верю!

— Тсс-тсс, тише, сынок! — воскликнул Батлер, по-настоящему изумленный. Он всмотрелся в лицо компаньона. — Сам в нее втюрился, что ли?

— Нет. Не совсем так. Это…

— И кой черт толкнул тебя на старые грабли! — благодушно пророкотал Батлер. В следующий миг его тон изменился: — Я знал, что ты поверенный старой миссис Тейлор, Чарли. Но никак не мог понять, с чего ты так печешься об этой девчонке Эллис.

— С того, что она не виновата, вот с чего! Ты ведь веришь, что она не виновата, правда?

Батлер замялся, прежде чем ответить. Эти двое дружили уже несколько лет, однако со старым

добрым Чарли, с его британскими идеалами и адской совестливостью, никогда не знаешь наверняка.

— Хочешь услышать честный ответ, — спросил он, — или обычную вежливую ложь, принятую между стряпчим и адвокатом?

— Конечно, я хочу честный ответ!

— Она виновна, как сам дьявол, — улыбнулся Батлер. — Но не переживай, Чарли. Я предпочитаю, чтобы мои клиенты были виновными.

Несколько мгновений Денхэм воздерживался от комментариев. Он опустил голову, уставившись на носы начищенных до блеска ботинок. Зябкий ветерок посвистывал вокруг автомобиля, вынудив шофера за стеклянной перегородкой поднять воротник пальто.

— Из чего же следует, что Джо… мисс Эллис виновна? — спросил Денхэм.

— Частично из улик, но в основном из атмосферы. Я всегда могу понять по атмосфере.

— Точно? Что, если ты ошибаешься?

— Я никогда не ошибаюсь.

Денхэму и раньше доводилось слышать это утверждение. Иногда оно бесило его до такой степени, что он был готов на, как это именовал его педантичный разум, «словесное оскорбление,

соединенное с оскорблением действием». Он терял способность здраво рассуждать, забывая о чувстве юмора; и тем не менее он не собирался сдаваться без боя.

— Значит, — произнес Денхэм, поднимая голову, — ты предпочитаешь, чтобы твои клиенты были виновны?

— Естественно! — Батлер в изумлении поднял брови. И хмыкнул: — Какая доблесть — или радость — в том, чтобы защищать невиновного?

— Выходит, ты считаешь все это игрой, в которой необходимо победить противника? Такое у тебя понимание закона?

— Ну а какое понимание закона у тебя?

— Справедливость первым делом! Честь. Этика…

Патрик Батлер от души рассмеялся.

— Послушай, Чарли, — начал он мягко. — Знаешь, на кого ты сейчас похож? Ты прямо как девятнадцатилетний юнец, который встает на заседании «Оксфордского союза» и сурово вопрошает: «Станете ли вы защищать человека, зная наверняка, что он виновен?» Ответ: конечно станете. На самом деле это наш долг. Любой человек согласно закону имеет право на защиту.

— На честную защиту, да! Не на сфабрикован-

ную.

— Неужели кто-то предполагает, что я фабрикую защиту?

— Нет, слава богу! Потому что даже слухи о подобном тебя погубят. — В голосе Денхэма звучала едва ли не мольба. — В Англии такое даром не проходит, Пат. В один прекрасный день ты свернешь себе шею.

— Ладно, но давай дождемся, пока это случится.

— И дело тут не только в этичности, — продолжал увещевать Денхэм. — Вот представь себе, ты добился оправдания хладнокровного убийцы, который убил из алчности, ненависти или вовсе без всякой причины, и теперь он может делать это снова?

— Ты сейчас имеешь в виду нашу клиентку? — вежливо осведомился Батлер.

Молчание. Денхэм потер рукой лоб. Его лицо, на котором отражалось недоумение, белело в лунном сиянии лампочки.

— Позволь задать тебе еще один вопрос, Пат, — не сдавался он. — Ты считаешь Джойс Эллис набитой дурой?

— Напротив. Она очень умная женщина.

— Отлично! В таком случае, если она отравила

миссис Тейлор, как, по-твоему, она могла свалять такого дурака, оставив все эти чертовы улики против себя?

— В книжном детективе не могла. И не сваляла бы.

— И что это значит?

— Это отличная карта, — задумчиво проговорил Батлер, — и, конечно же, я разыграю ее. Только присяжные… — он покачал головой, — присяжные четко отделяют то, что происходит в книжных детективах, от происходящего в зале суда. Нынче убийцы, слава богу…

— Хватит балагурить!

— Я не шучу. Убийцы, повторю я, обычно пребывают в таком состоянии ума, что совершают невероятные глупости. Это известно каждому читателю газет. И любой адвокат, который решит построить защиту на этом «никто и никогда не сделал бы подобного», проиграет раньше, чем жюри приведут к присяге. Не мой случай, Чарли!

У Денхэма пересохло в горле. Прежде чем снова заговорить, он протянул руку и погасил свет в салоне.

— Что насчет Джойс? — спросил он из темноты. — Ты собираешься сфабриковать ее защиту?

— Дорогой Чарли! — Судя по голосу, его со-

беседник был шокирован. — Разве я хоть раз фабриковал защиту?

— Ну хватит!

— Двое из основных моих свидетелей, — сухо проговорил Батлер, — будут свидетелями со стороны обвинения. Один из них, доктор Бирс, будет говорить правду. Вторая, миссис Элис Гриффитс, будет говорить то, что считает теперь правдой.

— Надеюсь, я могу тебе довериться. Ты ходишь по грани… Бог мой, Пат, предположим, что-то пойдет не так?

— Все пойдет как надо.

— Точно?

— Ставлю эту машину против ужина, — холодно произнес Батлер, — что присяжные уже через двадцать минут вынесут вердикт «невиновна». — Затем он наклонился, чтобы постучать в стеклянную перегородку за спиной у шофера. — В клуб «Гаррик», Джонсон!

Глава третья

Присяжные отсутствовали тридцать пять минут. В первом зале для заседаний центрального уголовного суда, известного так же как Олд-Бейли, царила сонная атмосфера, и казалось, что народу здесь меньше, чем было на самом деле. Часы — прямо под карнизом небольшой галереи для публики — показывали без пяти четыре во вторник, двадцатого марта.

Так или иначе, теперь все уже закончилось.

Колючий дождь со снегом забарабанил по плоской стеклянной крыше над белым сводом зала суда. Стены под этой белизной были отделаны невысокими панелями из светло-коричневого дуба. Свет ламп, скрытых под панелями, выбивался по краям, придавая всему сонному залу с его гнетущей атмосферой театральный вид.

Снова ударил мокрый снег. Кто-то закашлялся. Вдалеке раздался шелест вращающейся двери. Даже звуки в этом помещении казались какими-то заторможенными. Зрители на галерее сидели неподвижно, словно угрюмые манекены, — никто не выходил, чтобы не потерять место. Они так

смотрели на подсудимую, что вердикт «виновна», конечно, вызвал бы огромный ажиотаж. Вердикт «невиновна» был бы не столь драматичным.

Под галереей для публики, где стояли длинные скамьи, предназначенные для защиты, Патрик Батлер тоже сидел неподвижно, в переднем ряду слева.

Он был там совершенно один. Седой парик с аккуратно завитыми буклями по бокам обрамлял лишенное выражения лицо. Плечи под черной шелковой мантией оцепенело застыли. Он не отрываясь глядел на наручные часы, лежавшие на краю стола перед ним.

Почему же присяжные не возвращаются? Почему присяжные не возвращаются?

Он, разумеется, не может проиграть. Это просто немыслимо. Кроме того, он буквально размазал по полу бедного старого Таффи Лоуднеса, то есть мистера Теодора Лоуднеса, королевского адвоката, проинструктированного департаментом государственных обвинителей и представляющего сторону обвинения. И все равно…

Почему он вообще так переживает из-за этого чертового дела?

Патрик Батлер быстро поглядел влево, на чудовищных размеров скамью подсудимых, теперь

пустую, над ограждением которой с трех сторон поднимались стеклянные стенки, оставляя открытой только четвертую сторону, обращенную к судье. Две «матроны», охранявшие здесь Джойс Эллис, отвели ее вниз, в камеру, до оглашения вердикта.

Что ж, теперь совершенно очевидно, что она в него влюблена. По непонятной причине это приводило его в бешенство. Он не понимал ее странного поведения, ее странных ответов на его вопросы за прошедшие две недели.

И Батлер мысленно вернулся во вчерашнее утро, в десять часов — время начала процесса, теперь завершившегося. Он снова слышал шепот и шорох, пока парики адвокатов на скамьях кивали друг другу, покачивались, словно экзотические цветы. Он снова видел судью в красной мантии на возвышении слева, в кресле с высокой спинкой, прямо под сверкавшим золотом мечом правосудия.

И снова у него в ушах раздавался речитатив судебного пристава:

— Если кто-нибудь может донести милордам королевским судьям или господину генеральному королевскому прокурору на этом процессе — наш верховный повелитель король против подсуди-

мой — о каких-либо преступлениях, убийствах, правонарушениях тяжких и менее тяжких, организованных или совершенных подсудимой, пусть скажет, чтобы услышали все, ибо подсудимая предстала перед судом в ожидании вердикта. И все те, кто связан обязательством выступать в качестве обвинителя или свидетеля по делу подсудимой, пусть говорят, обвиняют и свидетельствуют, или же они лишатся этого права. Боже, храни короля!

Секретарь суда поднялся на свое чудовищное возвышение пониже кресла судьи. Он развернулся и посмотрел на скамью подсудимых через длинный, занятый стряпчими стол в этом колодце правосудия.

— Джойс Лесли Эллис, вы обвиняетесь в убийстве Милдред Хоффман Тейлор, совершенном в ночь с двадцать второго на двадцать третье февраля. Джойс Лесли Эллис, вы виновны или нет?

Джойс, стоявшая в огороженном пространстве между двумя «матронами», смотрелась на удивление живо в своей одежде «на выход»: коричневый английский костюм и желтый вязаный свитер. Только глаз она не поднимала.

— Я… я невиновна, — ответила она.

— Можете сесть, — сказал судья, указывая на

стул у нее за спиной.

Судья Стоунмен, чей белый парик вполне можно было принять за настоящие волосы — таким старым и морщинистым было его лицо, — казался каким-то маленьким и отстраненным в своей алой мантии. Присяжных — одиннадцать мужчин и одну женщину — быстро привели к присяге без вопросов какой-либо из сторон. Мистер Теодор Лоуднес, невысокий толстяк с зычным кашлем, поднялся, чтобы открыть слушание дела со стороны короны.

— Да будет угодно вашей светлости и присяжным заседателям…

Вступительная речь мистера Лоуднеса была сосредоточенно ясной, сосредоточенно сдержанной, какой и должна быть любая подобная речь. Однако он был известен как человек суетливый и напористый. Несмотря на все его «мы попытаемся продемонстрировать» и «я лишь предположу», он набросал портрет женщины, разозленной до крайности и опасавшейся потерять наследство в пятьсот фунтов, которая отравила свою благодетельницу, а затем равнодушно слушала трели звонка, умолявшие о помощи.

Разве миссис Милдред Тейлор не устроила скандал, требуя те соли? Очень хорошо! Она

получит то, что сочтет солями Немо — которые, как продемонстрирует сторона обвинения, легко раздобыть в незапертом шкафу в незапертой конюшне.

— Вы услышите, — продолжал мистер Лоуднес, — что яд этот действует не сразу. И вы можете задаться вопросом, стала бы миссис Тейлор или любой другой на ее месте звать на помощь. Однако же подсудимая отрицает, что так было. Вы можете задаться вопросом, почему на жестяной коробке не найдено никаких иных отпечатков пальцев, кроме отпечатков подсудимой и покойницы. Вы воистину можете задаться вопросом, кто еще мог принести сурьму в дом, который сама подсудимая, давая показания окружному детективу, инспектору Уэлсу, описала как «запертый, словно крепость».

По залу суда разнеслись едва слышные шепотки и поскрипывание, как будто переговаривались сами мысли.

— Плохо дело, — пробормотал один из коллег Батлера на задней скамье. — И как же будет выкручиваться ирландец?

— Понятия не имею, — буркнул другой. — Но уже скоро мы увидим фейерверки.

И они увидели. Фейерверки начали взрываться,

когда мистер Лоуднес выслушивал показания своего четвертого свидетеля, миссис Элис Гриффитс, после обычных предварительных вопросов.

— Не могли бы вы рассказать нам, миссис Гриффитс, где вы были примерно без четверти четыре пополудни двадцать второго февраля?

— Да, сэр. Вы имеете в виду, когда я пришла в комнату миссис Тейлор посмотреть, хорошо ли горит огонь в камине?

Жирная физиономия мистера Лоуднеса с поблескивавшим на носу пенсне была обращена к потолку.

— Не хочу задавать наводящие вопросы, миссис Гриффитс. Просто расскажите вашу историю.

— Ну, я пришла.

— Куда пришли?

— Зашла в комнату! — сказала свидетельница.

Едва слышимая дрожь смеха, особенно рядом с местами привилегированной публики из Корпорации городских земельных ресурсов за скамьями адвокатов, повисла над залом. Судья Стоунмен всего на мгновение поднял взгляд, и всякий намек на веселье испарился.

Миссис Гриффитс оказалась решительно настроенной невысокой толстухой лет сорока пяти. Несмотря на поношенное платье, а в таких были

все женщины в зале суда, она явилась в новой шляпе с ярко-розовыми цветами. От уголков рта у миссис Гриффитс тянулись морщины, придававшие лицу недовольное выражение. Она была сконфужена, напугана всем происходящим и оттого сердита.

Мистер Лоуднес хладнокровно взирал на нее:

— Была ли погибшая на тот момент одна?

— Да, сэр.

— Что она вам сказала?

— Она сказала, к ней заходили миссис Реншоу и доктор Бирс, но на чай не остались. Она сказала, доктор Бирс ушел первым, за ним миссис Реншоу. Она сказала, что они с миссис Реншоу повздорили. Из-за религии.

— Из-за… А, понятно. Значит, покойная была религиозна?

— Ну, она всегда так говорила. Но в церковь никогда не ходила.

— Меня сейчас интересует следующее. Миссис Тейлор отзывалась как-нибудь о подсудимой?

— Ну… да, сэр.

— Ваше нежелание отвечать делает вам честь, миссис Гриффитс. Но прошу вас, расскажите, чтобы все услышали.

— Мадам назвала мисс Эллис… нехорошим

словом. Она сказала…

— Каким именно нехорошим словом? — вмешался судья Стоунмен.

Элис Гриффитс порозовела, как цветы на ее шляпе.

— Она сказала… так называют гулящих девок, сэр.

— «Так называют гулящих девок», — задумчиво повторил мистер Лоуднес. — Что-то еще?

Кто-то звучно откашлялся. Патрик Батлер в черной мантии, развевавшейся вокруг него, словно плащ дуэлянта времен Регентства, поднялся во весь свой немаленький рост.

— Милорд, — произнес он зычно. — Прошу прощения, что прерываю моего ученого коллегу. Но позвольте мне уточнить, пытается ли мой ученый коллега доказать, что подсудимая была на самом деле гулящей девкой?

— Милорд, я не имел в виду ничего подобного! — воскликнул мистер Лоуднес. — Я всего лишь хочу доказать, что покойная была в гневе!

— В таком случае, милорд, не могу ли я предложить моему ученому коллеге строже придерживаться фактов? Может вызвать недоумение, если я в приступе гнева назову своего ученого коллегу ублю…

— Во дает! — высказался шепотом адвокат с задней скамьи.

— Приводить примеры необязательно, мистер Батлер, — перебил судья стальным тоном. — Вы же, со своей стороны, мистер Лоуднес, могли бы выражаться яснее.

— Приношу свои извинения, ваша честь, — угрюмо отозвался обвинитель. — Впредь постараюсь.

Затем на свет явилась малоприятная история о том, как гневалась миссис Тейлор, о завещании, о пяти сотнях фунтов и о крике миссис Тейлор: «Я знаю одну юную леди, которая останется без наследства, как только я позвоню своему стряпчему». Мистер Лоуднес был вполне доволен.

— А теперь, миссис Гриффитс, вернемся в утро двадцать третьего февраля. Вы утверждали, как я помню, что вы с мужем — а еще Эмма Перкинс, кухарка, — занимаете комнаты над каретным сараем?

— Да, сэр.

— Не угодно ли взглянуть на топографический план? Может быть, присяжные заседатели тоже пожелают свериться со своими планами. Благодарю.

Долго слышался шорох бумаги, пока разворачивали

чивались планы.

— По заведенному в доме порядку, вы каждое утро в восемь часов спускались из своей комнаты к задней двери? И вас впускала подсудимая, отпиравшая вам дверь?.. Мне показалось, вы кивнули?

— Да, сэр.

— И подсудимая отперла вам дверь утром двадцать третьего февраля? Как обычно?

— Да, сэр. — Тут свидетельница оцепенела, широко распахнув блекло-голубые глаза. — Ой! Я чуть не забыла. Там было кое-что еще…

— Кое-что еще, миссис Гриффитс?

— Да, сэр. — Розовые цветы на шляпе решительно закивали. — В то утро ключа не было в замке.

Тишина. Мистер Лоуднес хлопал глазами.

— Прошу вас, поясните.

— Его не было в замочной скважине. — Она ответила просто, но с нажимом. — Ключ лежал на полу в коридоре, прямо под дверью. И мисс Эллис пришлось поднять его и вставить в замок, прежде чем открыть дверь.

Ее слова вызвали легкую сенсацию. Судья, делавший заметки в записной книжке размером с гроссбух, поглядел на нее.

— Если Батлер, — пробормотал кто-то, заглушая

остальной шепот, — сможет доказать, что посторонний проник в дом с дубликатом ключа…

— Минуточку, — резко проговорил мистер Лоуднес. Перед ним вдруг замаячила весьма неприятная перспектива перекрестного допроса собственного свидетеля. — Об этом ничего не было сказано полиции, как мне кажется. И в суде магистрата тоже?

— Нет, сэр, потому что никто меня об этом не спрашивал! — парировала свидетельница, которая явно верила в каждое произнесенное ею слово. — Но с тех пор я все думала об этом.

— Так что же, миссис Гриффитс? Дверь была закрыта и заперта?

— Да, сэр.

— В таком случае откуда же вам знать, что подсудимая подняла ключ с пола? Разве вы ее видели?

— Нет, сэр. Может быть, мне не следовало об этом говорить. Но я слышала, как она нащупывала ключом скважину — такой характерный звук, а потом вставляла ключ.

— Но все равно, вы ведь не видели. Или вы заглядывали в замочную скважину?

Миссис Гриффитс почему-то пришла от этих слов в негодование.

— Нет, сэр, я никогда в жизни не делала ничего подобного!

— Может быть, — произнес мистер Лоуднес, с жаром воздев палец, — то, что вы услышали, или подумали, что услышали, было обычным щелчком ключа, повернувшегося в замке?

— Ничего подобного, сэр! Кроме того, — прибавила свидетельница, — дверь была открыта в какой-то момент среди ночи. Потому что мы с Биллом — то есть с мистером Гриффитсом — оба слышали, как она хлопала на ветру, а потом замок защелкнулся и стало тихо.

На этот раз сенсация была подлинной.

И слова свидетельницы стали совершенной неожиданностью для самого Патрика Батлера.

До сих пор он прикидывался, будто изучает материалы дела, глухой и безучастный ко всему. Но теперь он так разволновался, что едва не выдал себя. Вся эта история с ключом, вытащенным из замочной скважины, насколько он знал, была ложью. С помощью долгих и терпеливых расспросов и высказанных исподволь предположений он вкладывал идею в голову миссис Гриффитс — или думал, что вкладывает, — пока она не поверила в нее сама.

И вот теперь Элис Гриффитс, честная женщи-

на, выдала историю о задней двери, хлопавшей среди ночи. Кто-то ведь мог проникнуть в дом. А если допустить, что сфабрикованная защита — настоящая? Допустить, что Джойс все-таки не виновата?

Он поглядел на нее на скамье подсудимых. Первый раз за все время Джойс подняла голову: покрывшись мертвенной бледностью, она во все глаза смотрела на миссис Гриффитс. Затем ее серые глаза устремились на Батлера, но она тут же отвела взгляд. Он на какой-то момент оказался настолько выбит из колеи, что не слышал вопросов и ответов, пока его помощник, Джордж Уилмот, не дернул его за рукав.

— Так вы говорите, миссис Гриффитс, что хлопавшая дверь разбудила вас среди ночи. В котором часу это было?

— Сэр, этого я не знаю! Мы не включали свет и не смотрели на часы.

— Мы?

— Мы с мужем.

— Но могли бы вы назвать хотя бы приблизительное время, миссис Гриффитс?

— Ну, верно, было около полуночи. Более-менее.

— Почему вы решили, что услышанный вами

звук издавала задняя дверь?

— Потому! — колко ответила свидетельница. — Я подошла к окну и посмотрела. Дул сильный ветер, и луна светила из-за туч. Но я видела дверь, сэр. Она громыхнула еще раз, а потом захлопнулась, как будто защелкнулся замок. Это правда! Спросите мистера Гриффитса!

Голос судьи, хотя и мягкий, был похож на удар мясницкого топора.

— Ограничьтесь ответами, — сказал он, — на вопросы стороны обвинения и воздержитесь от комментариев, пока вас о них не попросят.

Миссис Гриффитс, которую привело в ужас это маленькое лицо мумии в алой мантии, попыталась сделать реверанс прямо на свидетельском месте.

— Да, милорд. Простите, милорд.

— В то же время, — мягко продолжал судья, — я хочу совершенно прояснить этот момент. Вы сообщили полиции об этой хлопавшей двери?

— Нет, сэр, милорд.

— Почему же?

— Милорд, — выпалила свидетельница, — потому что я думала, это не важно. А это важно?

Сама наивность этого вопроса заставляла поверить ей. Душа Патрика Батлера ликовала.

Какой-то миг судья пристально всматривался в миссис Гриффитс, втянув голову в плечи, словно раздумывал, не забраться ли ему в судейское кресло с ногами. Затем он слабо отмахнулся.

— Можете продолжать, мистер Лоуднес.

— Благодарю, милорд. Отложим пока что в сторону эти новые показания, — произнес обвинитель, бросив многозначительный взгляд на присяжных. — Вы говорите, что в восемь утра дверь отперла и впустила вас подсудимая? Отлично! Это подсудимая рассказала вам сказку насчет ключа, «лежавшего прямо под дверью»?

— Нет, сэр!

— Неужели? — голос мистера Лоуднеса так и сочился насмешливым скептицизмом.

— Она ничего не говорила. Просто вернулась к себе в комнату.

— Что вы сделали дальше?

— Я спустилась в кухню, разожгла огонь и налила себе чашку чаю.

— А потом?

— Эмма… пришла миссис Перкинс. Она тоже выпила чаю. После чего я приготовила чай для хозяйки, поставила все на поднос и понесла в ее комнату.

— Опишите, что было потом.

Пухлая миссис Гриффитс, обрамленная дубовыми панелями кафедры для свидетелей, как будто съежилась.

— Так вот, сэр, я раздвинула шторы. И как раз собиралась поставить на стол поднос, когда увидела хозяйку. Тут мне так поплохело, что я чудом удержала поднос. Она была мертвая.

Выдержав небольшую паузу, чтобы эти короткие слова как следует запечатлелись у всех в голове, мистер Лоуднес кивнул.

— Возьмите, пожалуйста, эти фотографии, миссис Гриффитс, и просто взгляните на первую.

Свидетельнице передали одну из книжиц в желтой обложке с полицейскими фотографиями. Несколько присяжных раскрыли такие же у себя.

— Так лежала покойная, когда вы впервые увидели ее?

— Именно так, сэр. Вся постель перевернута, как будто она металась от боли. А это темное пятно у нее на щеке — румяна.

— Что вы сделали потом?

— Я побежала по коридору к задней лестнице и кликнула Эмму, перегнувшись через перила.

— Речь о миссис Перкинс, кухарке?

— Да, сэр. Я крикнула: «Эмма!» А она: «Что

случилось?» И я сказала: «Ради бога, поднимись сюда, случилось что-то ужасное».

— Миссис Перкинс поднялась из кухни?

— Да, сэр. Мы стояли по бокам от кровати. Я все еще держала поднос. Мы думали, ее хватил удар.

— Вы имеете в виду, с миссис Тейлор случился инсульт?

— Ну да. И Эмма сказала: «Я позвоню мисс Эллис, она должна знать об этом».

— А теперь посмотрите на фотографию под номером два. Вы увидите там белый шнур с кнопкой звонка, который висит рядом с покойной, где она могла бы легко до него дотянуться. Кнопка так и висела, когда вы только увидели покойную?

— Нет, сэр, — тут же отозвалась свидетельница. — Она висела внизу, за изголовьем кровати.

Было бы неправдой сказать, что мистер Теодор Лоуднес издал такой звук, словно его ударили в живот. Это было бы ниже его достоинства. Однако он уронил на стол перед собой все свои записи по делу, и из них вылетела розовая промокашка.

— И я не рассказывала об этом полиции, — прибавила миссис Гриффитс, — потому что они об этом не спрашивали. Они увидели кнопку и, я подозреваю, решили, что она всегда была там!

Резкий окрик с судейского места заставил ее

умолкнуть. Мистер Лоуднес бросил взгляд на длинный стол для стряпчих в колодце зала суда, на котором были разложены снабженные аккуратными ярлыками вещественные доказательства. За столом, в числе прочих, сидел один человек, сейчас оцепеневший от внезапного осознания, что явно нарушил свои должностные обязанности, — окружной детектив, инспектор Гилберт Уэлс.

Мистеру Лоуднесу пришлось принимать решение в какую-то долю секунды, и он его принял.

— Если полиция не задавала вам каких-то вопросов, — заметил он небрежно, — у них наверняка имелись веские причины считать их несущественными. Насколько легко было дотянуться до кнопки в том ее положении?

— О, очень легко, сэр!

— Даже если покойная приняла сурьму, она все равно с легкостью дотянулась бы до кнопки звонка?

— О да, сэр! С легкостью!

— Каким образом?

— Ну… Так, как сделала Эмма, когда позвонила.

— И как же она это сделала?

— Он встала на кровать, подцепила шнур и вы-

тянула его через спинку кровати. Затем нажала на кнопку и не отпускала.

— А подсудимая сразу же ответила на звонок?

Миссис Гриффитс замялась, как будто ее распирало изнутри какое-то сильное переживание.

— Нет, сэр. Мы знали, что звонок исправен, потому что его было слышно из ее комнаты. Я вышла в коридор, чтобы дойти до ее комнаты и позвать ее. Но я встретила ее по дороге.

— Вы встретили ее в коридоре?

Розовые цветы на шляпе заколыхались от яростного кивка.

— Что сказала вам подсудимая?

— Мисс… подсудимая сказала: «В чем дело? Умерла она, что ли?»

— Ясно. Подсудимая произнесла слова: «Она умерла» — раньше, чем вы успели хоть что-то сказать об усопшей?

— Да, сэр.

— И даже на самом деле раньше, чем вы вообще успели заговорить?

— Да, сэр.

Джойс Эллис на скамье подсудимых, кажется, едва дышала. По залу суда прокатилась одна из тех волн переживаний, беззвучных, как мысли, однако осязаемых, как веревка палача. Все глаза

были сосредоточены на ней.

— Как бы вы описали выражение лица подсудимой, когда она произносила эти слова? Спокойное, взволнованное или какое-то еще?

— Она была сильно взволнована, сэр.

— И что сделала подсудимая?

— Она прошла в комнату мадам, посмотрела на мадам и потрогала ее. Мы с Эммой плакали. Мисс Эллис села в кресло. Она закрыла лицо руками — вот так, сэр, а потом сказала: «Нет, нет, нет!» — как будто охваченная горем. Мы с Эммой снова заплакали.

— Хорошо, миссис Гриффитс. Вы что-нибудь заметили на прикроватном столике по правую руку от покойной?

Свидетельница ответила утвердительно. Ей для опознания предъявили жестяную банку с расписной этикеткой «Стимулирующие соли Немо» в букетиках голубых цветов. Затем миссис Гриффитс опознала высокий стакан с осадком на дне и чайную ложечку. Еще она поведала леденящую кровь историю о сурьме в конюшне.

— Когда подсудимая находилась в комнате покойной, она что-нибудь говорила об этой жестянке?

— Я… я не помню, даже если и говорила, сэр.

— А что вообще говорила подсудимая?

— Ну, она вдруг успокоилась, стала такой же, как всегда, и сказала: «Лучше бы позвонить доктору Бирсу».

— И кто-нибудь позвонил?

— Да, сэр. Позвонила Эмма.

Тут все жесты мистера Теодора Лоуднеса сделались весьма внушительными. Опустив ладони на стол перед собой, он перенес на них весь свой вес, подавшись вперед.

— Насколько я понимаю, вы находились в той комнате с момента, когда обнаружили тело, и до самого приезда полиции?

— Я не выходила из комнаты ни на минутку, чистейшая правда.

— Взгляните на жестяную банку с солями Немо, миссис Гриффитс. Касалась ли подсудимая этой банки, брала ли ее в руки за то время, что вы оставались в комнате?

— Нет, сэр, не брала.

— В таком случае, поскольку на банке были найдены отпечатки подсудимой, она должна была держать ее в руках до того, как вы обнаружили мертвое тело? Вы находитесь под присягой, миссис Гриффитс: прикасалась ли подсудимая к банке, пока вы оставались в комнате?

— Нет, сэр, не прикасалась!

Мистер Лоуднес, в своем пенсне и со своим поставленным голосом, позволил себе выдержать паузу, обводя взглядом присяжных. Затем, завернувшись в свою черную мантию, он сел.

А Патрик Батлер поднялся для перекрестного допроса.

Глава четвертая

Джойс Эллис, сидевшая неподвижно и глядевшая через зал на судью, уже ощущала себя приговоренной к смерти.

Пока она находилась в тюрьме в ожидании суда — там ей разрешалось носить собственную одежду, читать газеты, книги и даже принимать посетителей, — было легче отгородиться от мыслей о том, в чем ее обвиняют. В особенности после всего, что сказал ей Патрик Батлер.

Но неотвратимый день настал. И когда она осознала, что действительно поднимается по узенькой железной лестнице и проходит через люк на скамью подсудимых, колени у нее задрожали, и она испугалась, что не сможет говорить, когда ее спросят.

Поначалу перед глазами все расплывалось. Зал суда, смутно подумала она, как классная комната, в особенности потому, что никто тут никогда не торопится и не повышает голос. Ей показалось, что было бы легче, если бы люди кричали и толпились вокруг, как это показывают в кино. Впереди и слева от нее находилось возвышение

для судьи. Впереди и справа располагались на нескольких скамьях адвокаты, а еще, как она узнала потом, некоторые привилегированные зрители, сидевшие позади них на местах, выделенных для Корпорации городских земельных ресурсов.

Первый из зрителей, кого она разглядела сквозь пелену перед глазами, был невероятно толстый господин в пелерине, с разбойничьими усами и пенсне на черной ленте. Его Джойс не знала. Зато следующей оказалась Люсия Реншоу.

Люсия Реншоу, племянница миссис Тейлор. Люсия Реншоу, которая нанесла тетушке безобидный мимолетный визит в день… смерти.

«Черт побери, — подумала Джойс едва ли не в панике, — она-то что здесь делает?»

Джойс на данный момент не испытывала к Люсии ни любви, ни неприязни. И никогда не испытывала. Однако присутствие Люсии, ее лицо, фигура и одежда — все было настолько броским и ярким, что она походила на актрису на освещенной сцене.

Люсия, с золотистыми сияющими волосами, завитыми на затылке, куталась в норковое манто. Люсия была полной, но не слишком. Красота ее лица — белоснежная кожа и голубые глаза —

была так умело подчеркнута косметикой, что казалась совершенно естественной.

И Люсия по-настоящему умела наслаждаться жизнью, даже в эти унылые времена очередей за сигаретами и всеобщего отчаяния. Глядя на Джойс, она подняла тонкие брови и ободряюще улыбнулась.

«Не дрейфь, дорогуша! — говорил ее взгляд. — Эти обвинения против тебя попросту нелепы!» После чего Люсия с искренним интересом принялась рассматривать зал суда, словно ребенок, оказавшийся на рождественском представлении.

«Наивная крошка!» — с бешенством подумала Джойс, дочка священника.

Джойс вздрогнула, когда ее поднял с места голос секретаря суда.

— Джойс Лесли Эллис, вы обвиняетесь в убийстве Милдред Хоффман Тейлор…

А потом встал тот ужасный коротышка в пенсне и принялся выворачивать факты наизнанку так, что Джойс едва с ума не сошла. Элис Гриффитс, говорившая после него, протянула руку помощи, подбодрив ее; после чего (бедная старушка Элис!) эта же самая женщина представила все в тошнотворно черном цвете.

А она невиновна! Невиновна!

Когда Патрик Батлер приступил к перекрестному допросу, сердце Джойс, кажется, перестало биться. А он ни разу даже не взглянул в ее сторону, по крайней мере она этого не заметила.

Батлер дружелюбно посмотрел на миссис Гриффитс, которая в ответ как-то нервно ему улыбнулась. Он дружелюбно посмотрел на присяжных. Когда зазвучал его голос, как будто преисполненный здравого смысла, предыдущие интонации мистера Лоуднеса показались манерными и жеманными.

— Итак, миссис Гриффитс, — начал он, — кое-что мы установили. Не так ли?

— Сэр?

— Дом ведь вовсе не был «заперт, как крепость», если процитировать моего ученого коллегу?

— Нет, сэр, ничего подобного!

Отталкиваясь от хлопавшей среди ночи двери и от отсутствия ключа в замочной скважине, Батлер задавал яркие и живые вопросы, чтобы доказать, что любой — любой человек с подходящим ключом — смог бы попасть в дом.

— Не хочу и дальше мучить вас, миссис Гриффитс, — продолжал он, словно старинный друг. — Однако же я осмелюсь предположить, что, может

быть, слова подсудимой: «В чем дело? Умерла она, что ли?» — вы услышали не совсем верно?

— Все верно, сэр. Это чистейшая правда!

— Уважаемая миссис Гриффитс, я нисколько не сомневаюсь, что вы искренне так считаете. — В голосе Батлера прозвучало потрясение, а затем тон сделался доверительно теплым. — Но позвольте вам объяснить. Вы говорите, мисс Эллис выглядела «взволнованной», когда вы увидели ее в тот момент?

— Да, сэр.

— Но вы ведь видели ее за три четверти часа до того, не так ли? Когда она открыла вам заднюю дверь? Вот именно! Она и в тот, первый раз показалась вам взволнованной?

— Ну… нет, сэр!

— Нет. И тем не менее, если бы она действительно отравила миссис Тейлор, она должна была бы казаться взволнованной и в первый раз. А она не казалась?

— Если подумать, то нет!

— Именно! Итак, дальше вы сообщили, что Эмма — миссис Перкинс — нажала на кнопку звонка, чтобы вызвать мисс Эллис. Будет ли верно сказать, что она звонила громко и непрерывно?

— О да! Наверное, целую минуту.

— А миссис Тейлор при жизни имела привычку вызывать свою секретаршу и компаньонку прямо с утра?

— Никогда, сэр! Она звонила не раньше десяти.

— Именно. И до этого времени оставался еще час с четвертью. И потому я попрошу вас поставить себя на место мисс Эллис. Итак?

Батлер, несмотря на нешуточно трудное положение, развлекался от души, вовсе не думая о дрожавшей на скамье подсудимых девушке.

— Что ж, давайте предположим, — продолжал он, — что вы лежите в постели, дремлете, как это было с мисс Эллис. И внезапно, более чем за час до привычного вам времени, звонок начинает бешено и непрерывно звонить. Разве вы, скажем мягко, не изумитесь слегка?

— О да! Я бы изумилась!

— И разволновались, миссис Гриффитс? В том смысле, что это бы вас раздосадовало?

— Это было бы вполне естественно, сэр.

Батлер слегка подался вперед:

— Вот я и говорю, миссис Гриффитс, вы услышали, как подсудимая произнесла: «В чем дело? Умерла она, что ли?» Но не выражали ли ее слова всего лишь вполне естественное раздражение?

Целая волна шорохов и скрипов прокатилась

по тихому в целом залу суда. Миссис Гриффитс, с разинутым ртом и остекленевшим взглядом, кажется, всматривалась в прошлое.

— Да! — ответила она после долгой паузы.

— В таком случае, если подумать, можете ли вы сказать, что именно таким был настрой подсудимой, когда она произносила эти слова?

— Я могу это сказать, — воскликнула свидетельница, — и я говорю!

— И наконец, миссис Гриффитс, по поводу этой несчастной жестянки с сурьмой на прикроватном столике. — Здесь мистер Батлер слегка, зато весьма величественно повернул голову, бросив короткий сочувственный взгляд на мистера Теодора Лоуднеса. — Вы говорите, — продолжал Батлер, — как только вошли в спальню покойной, решили, что она умерла от удара?

— Да, сэр. Ничего другого мне и в голову не пришло.

— Вы не заподозрили, что миссис Тейлор умерла от отравления?

— Нет, нет и нет!

— Не возникло ли у вас каких-либо подозрений по поводу жестяной банки на столике?

— Нет, сэр. С чего бы? Я вообще вряд ли обратила на нее внимание, можно сказать.

— Именно! — возликовал адвокат. — Вы вряд ли обратили на нее внимание. — Он снова сделался очень серьезным, очень проникновенным. — В таком случае, будет неправдой сказать, что вы наблюдали за этой жестянкой, не так ли?

Глаза свидетельницы снова остекленели.

— Что вы! Я…

— Позвольте мне выразится иначе. Странно утверждать, что вы едва заметили жестянку и в то же время наблюдали за ней, это ведь противоречит вашему собственному рассказу.

Миссис Гриффитс волновалась все сильнее.

— Прошу прощения, если выражаюсь неясно, — принялся успокаивать ее Батлер. — Вы наблюдали за жестяной банкой?

— Нет, сэр. Не так, как вы говорите!

— Когда мисс Эллис вошла в комнату покойной?

— Где-то без четверти девять, как мне кажется.

— Очень хорошо. А в котором часу приехала полиция?

— О, это случилось уже гораздо позже. Может быть, через час. Тот инспектор приехал только после того, как к нам пришел доктор Бирс.

— И все это время вы не наблюдали за жестянкой. Можете вы клятвенно подтвердить, миссис

Гриффитс, что подсудимая ни разу — ни единого разу! — не прикасалась к банке с сурьмой?

Потрясение отразилось на лице Элис Гриффитс. Она принялась озираться по сторонам, словно ища поддержки, но увидела одни только каменные лица, лишь Патрик Батлер смотрел дружелюбно.

— Так вы можете клятвенно подтвердить это, миссис Гриффитс?

— Нет, сэр. Я вовсе в этом не уверена.

— Благодарю вас, миссис Гриффитс. На этом все.

И он сел на место.

Мистер Лоуднес, успевший к этому моменту выйти из себя и раскрасневшийся, словно пион, вскочил для повторного допроса, в ходе которого Элис Гриффитс лишь укрепилась в своих сомнениях. После нее на свидетельском месте оказался Уильям Гриффитс, кучер, садовник и разнорабочий, который подтвердил слова жены насчет хлопавшей двери и дал дополнительные показания по поводу сурьмы в конюшне. Эмма Перкинс, кухарка, после долгого и еще более утонченного перекрестного допроса со стороны Патрика Батлера — дрогнула и допустила, что Джойс могла прикасаться к жестяной банке.

Однако больше никаких фейерверков не наблюдалось вплоть до момента перед самым дневным перерывом, когда сторона обвинения вызвала доктора Артура Эванса Бирса.

— Меня зовут Артур Эванс Бирс, — так начинаются его показания, которые и сегодня можно прочесть в архивных записях. — Я проживаю в Бэлхэме, на Дюк-авеню, сто тридцать четыре. Я врач общей практики, а еще подрабатываю на полставки в качестве судмедэксперта в местном отделении городской полиции.

Медицинские работники, как и полицейские, обычно самые осторожные и самые сдержанные свидетели. Однако доктор Бирс, хотя и, несомненно, осторожный, явно был готов откровенно выложить свои соображения по любому вопросу.

Доктор Бирс был худой, костлявый мужчина под сорок, с редеющими каштановыми волосами, под которыми сквозила вытянутая рябая узкая плешь. Эта плешь доминировала над длинным носом, песочного оттенка бровями и узким ртом, и даже над пристально глядевшими карими глазами. Он стоял, опустив руки на ограждение кафедры для свидетелей, расположенной между скамьей для присяжных с одной стороны и возвышением судьи — с другой. Доктор Бирс так и

лучился уверенностью.

— Примерно без пяти девять утра, в пятницу, двадцать третьего февраля, меня вызвали по телефону в дом миссис Тейлор, который называется «Приорат», сообщив, что она умерла.

Мистер Теодор Лоуднес взмахнул рукой каким-то гипнотизерским жестом, и рукав его черной мантии хлопнул.

— Новость удивила вас, доктор Бирс?

— И весьма сильно.

— Насколько я знаю, вы какое-то время были лечащим врачом миссис Тейлор?

— Если точно, последние пять лет.

— Пять лет. Были ли у нее какие-то проблемы со здоровьем?

— Никаких. По моему мнению, она запросто смогла бы дойти пешком до Китая, да еще и с багажом. Но вот состояние ее ума здоровым не назовешь. — Мистер Лоуднес нахмурился.

— Здоровым не назовешь? Не могли бы вы пояснить?

— Миссис Тейлор в свои семьдесят лет имела привычку красить волосы и наносить косметику на лицо и постоянно спрашивала меня, не знаю ли я какие-нибудь омолаживающие средства, способные сделать ее привлекательной для

мужчин.

— Но ведь это все безобидные слабости?

Доктор Бирс поднял брови, отчего многочисленные морщины собрались на лбу, потянувшись к веснушчатой проплешине.

— Ну, это с какой стороны посмотреть.

— Если бы кто-то дал ей то, что она сочла бы банкой с солями Немо, как вы считаете, она приняла бы снадобье?

— Если бы жестянку дал ей человек, которому она доверяла, то она, как мне кажется, приняла бы что угодно.

— «Человек, которому она доверяла». Понятно. Можете ли вы сказать, были ее отношения с подсудимой задушевными или нет?

— По моему мнению, чрезмерно задушевными. Во всем доме атмосфера была нездоровая. Я не назвал бы ее подходящей для человека, — здесь доктор Бирс бросил короткий взгляд на Джойс, — с таким небольшим жизненным опытом.

— Вы имеете в виду подсудимую?

— Да.

Мистер Лоуднес заговорил сухо:

— Доктор, как судмедэксперту доводилось ли вам сталкиваться с жестокими преступлениями, совершенными людьми с небольшим жизнен-

ным опытом?

— В книгах — да.

— Я имею в виду — в реальной жизни. Неужели вы никогда не слышали о Мари Лафарж? О Констанции Кент? О Мари Морель?

— Боюсь, эти леди жили еще до меня.

— Я привожу это как исторический факт, сэр!

— Так я и принимаю это… как исторический факт.

— Когда вы прибыли в «Приорат» после телефонного звонка, что вы делали и к каким выводам пришли?

— Я осмотрел покойную. — Доктор Бирс еще сильнее стиснул пальцы. — Я пришел к выводу, что смерть вызвана большой дозой какого-то сильнодействующего яда, вероятно сурьмы.

— В котором часу наступила смерть?

— Опять-таки, по моему мнению, накануне вечером, в промежутке между десятью часами и полуночью. Помимо этого, мне нечего сказать.

— Что вы сделали затем?

— Я позвонил в полицию, сообщил, что не имею права выписать свидетельство о смерти. Позже я получил инструкции от коронера провести патологоанатомическое вскрытие. Я вынул из тела некоторые органы и передал их специалисту из

Министерства внутренних дел.

— Вы изучили жестяную банку и стакан с прикроватного столика?

Доктор Бирс изучил, о чем и заявил весьма решительно. В жестянке содержалась чистая сурьма, в осадке на дне стакана в остатках воды обнаружилась одна десятая грана сурьмы. Здесь мистер Лоуднес снова обратился к показаниям третьего свидетеля, выступавшего в начале заседания: сэр Фредерик Престон, эксперт из Министерства внутренних дел, подтвердил, что в теле погибшей было обнаружено тридцать два грана этого яда.

— Это большая доза сурьмы, доктор Бирс?

— Очень большая. Да.

— Симптомы в таком случае проявляются внезапно или постепенно?

— Совершенно внезапно, спустя пятнадцать-двадцать минут.

— Теперь я попрошу вас высказать ваше авторитетное мнение, доктор, — не отступал обвинитель, отчетливо проговаривая каждое слово. — Хотя симптомы проявились внезапно, смогла бы покойная дотянуться до кнопки звонка рядом с ней?

— О да. Запросто.

— Благодарю вас, доктор. У меня больше нет вопросов.

Джойс Эллис схватилась рукой за горло. Однако, когда поднялся представитель защиты, по атмосфере в зале суда стало ясно, что близится переломный момент, на горе или на радость.

Батлер пристально всматривался в свидетеля.

— Доктор, — начал он, — не могли бы вы описать для нас, как именно проявляются симптомы отравления?

Доктор Бирс отрывисто кивнул:

— Я бы сказал, что в большинстве случаев это металлический привкус во рту, тошнота, непрекращающаяся рвота…

— Ага! — Этот одинокий слог пролетел по залу, словно стрела. — Могу я уточнить, рвало ли покойную?

— Нет, не рвало.

— Совершенно согласен с вами, доктор! И все же не объясните ли вы, на чем основан ваш вывод?

— Это первый явный симптом, какой ощущает пациент. — Доктор Бирс отрывисто выговаривал слова, настороженный и внимательный. — Рвота обычно сильная и неудержимая. Я никогда не слышал и не читал о случаях, когда следы рвоты не были бы обнаружены. Кроме того, органы

пищеварения показали бы…

— Вот именно! Как же отсутствие рвоты сказалось на других симптомах?

— Иногда, — отвечал доктор Бирс, безрадостно улыбнувшись короткой профессиональной улыбкой и внимательно глядя карими глазами, — в этом как раз состоит разница между выздоровлением и смертью. Остальные симптомы делаются интенсивнее.

— И эти симптомы?..

— Саднящая боль во рту и в горле, застой крови в области головы, судороги рук и ног, резкие судорожные боли в животе…

— Судороги! — воскликнул Батлер. — Итак, я совершенно согласен с вами в том, что миссис Тейлор дотянулась бы до кнопки звонка, если бы та находилась рядом с ней. Но, предположим, шнур с кнопкой болтался за изголовьем кровати?

— Прошу прощения?

— Доктор, вы слышали показания свидетельниц Элис Гриффитс и Эммы Перкинс?

Вопрос был чисто риторический. Свидетелям в центральном уголовном суде — за редким исключением для полицейских — не позволялось выслушивать показания других свидетелей. Пока

Батлер пересказывал, о чем говорили Элис и Эмма, высокий лоб доктора Бирса как будто делался все выше, словно он рос, стоя на свидетельском месте.

— Вам понятна суть, доктор Бирс?

— Понятна.

— Чтобы дотянуться до кнопки, покойная должна была подняться с постели и отодвинуть тяжелую кровать от стены, запустив туда руку. Либо же она должна была встать на кровать, как мы слышали раньше. При тех интенсивных судорогах, какие вы описали, как вы считаете, смогла бы она проделать все это?

— Нет, я так не думаю.

— На самом деле могли бы вы утверждать, что это решительно невозможно?

— Я бы сказал, — отрезал свидетель, — это настолько маловероятно, что практически невозможно. Да! — Батлер возвысил свой зычный голос.

— Значит, миссис Тейлор не звонила, — уточнил он, — потому что не смогла дотянуться до кнопки?

И, не дожидаясь ответа, Батлер сел.

Было слышно, метафорически говоря, как с грохотом обрушилась часть обвинений, выдви-

нутых короной. Для зрителей, совершенно точно, и для присяжных, весьма вероятно, перекрестные допросы Элис и Эммы были как хук слева и хук справа по обвинению. А теперь Батлер, похоже, добил его.

Джойс краем глаза наблюдала за поведением прекрасной Люсии в ходе этого последнего перекрестного допроса. Люсия даже приподнялась с места, прижимая руку к норковому манто на груди и не сводя глаз с доктора Бирса, словно пыталась общаться с ним телепатически.

И еще Джойс поглядывала на мистера Чарльза Денхэма. Мистер Денхэм, который вел себя с ней так достойно, сидел с побелевшим лицом за столом для стряпчих, водя пальцами по горлышку графина с водой. При последнем вопросе Батлера к доктору Бирсу Денхэм закрыл глаза, словно молясь про себя.

Начиная с этого момента и до конца дневной сессии и бóльшую часть следующего дня защита как будто развивалась сама собой.

Со свидетелями из числа полицейских Патрик Батлер был неумолим. Хотя он вроде бы выказывал безграничное почтение к судье и присяжным, снисхождения к полиции он — как и обычно — не ведал. Его бретерские замашки ошеломили

и смутили даже такого опытного полицейского, как окружной детектив инспектор Уэлс.

— Во время своего расследования вы спрашивали у Элис Гриффитс и Эммы Перкинс, в каком положении находилась кнопка звонка?

— Нет, сэр. Однако…

— Вы просто решили, что кнопка всегда находится там, где вы впервые увидели ее?

— Вы позволите мне объяснить, сэр? Я решил, что покойная смогла бы нажать на кнопку, где бы та ни находилась.

— Следовательно, вы позволяете себе сомневаться в выводах врача. Это так?

— Доктор Бирс просто высказал свое мнение, не более того.

— Значит, вы сомневаетесь в верности мнения вашего же свидетеля? Получается, вы действовали, основываясь на безосновательном предположении?

— В некотором смысле да.

— В некотором смысле! — повторил Батлер и сел.

Свидетели тянулись бесконечной вереницей. На второй день суда, двадцатого марта, Батлер открывал и закрывал сессию со стороны защиты. Он вызвал Джойс Эллис на свидетельское место,

и, несмотря на суровый перекрестный допрос со стороны мистера Лоуднеса, она произвела хорошее впечатление. Адвокат защиты извлек из кармана ключ, как он сказал, от задней двери собственного дома, продемонстрировав, что тот прекрасно подходит к задней двери «Приората». Вызвав свидетельниц, он подтвердил, что в задней двери дома миссис Тейлор установлен замок «Грирсон», какими оснащены девять десятых домов, построенных в Лондоне в пятидесятые-шестидесятые годы прошлого века. В своей заключительной речи он был просто блистателен, и мистер Лоуднес барахтался где-то у него в кильватере.

Это был триумф, или же так казалось. Джойс, едва ли смевшая надеяться, поняла, что надеется изо всех сил. Пока…

Пока, с тошнотворной внезапностью, весь эффект не был испорчен. Он был испорчен заключительной речью судьи Стоунмена.

«О да, — признавался судья Стоунмен гораздо позже некоторым из своих, — я чувствовал, что девушка невиновна. Но интуиция, пусть и основанная на опыте, не доказательство. Большинство пиротехнических эффектов мистера Батлера, — при этих словах ученый судья, не

размыкая губ, вероятно, выделывал какие-то сардонические трюки своей вставной челюстью, — имели лишь косвенное отношение к нашему делу. И моим долгом было указать на это присяжным».

И он, в холодных и безжалостных словах, произнес заключительное слово в пользу стороны обвинения.

— Боже! — вырвалось у Чарльза Денхэма за столом для стряпчих.

Заключительное слово судьи длилось час и десять минут. Джойс, пытавшейся съежиться уже до полного исчезновения, это казалось вечностью. Немногие из присутствовавших в том зале смогут когда-нибудь забыть мягкий голос судьи, его живые старческие глазки, которые то опускались в записную книжку, то поднимались, его долгие паузы, во время которых сморщенное личико словно обращалось в пустоту, пока он размышлял.

Не произнеся ни слова, способного послужить основанием для апелляции, господин судья Стоунмен намекнул, что Элис Гриффитс, Уильям Гриффитс и Эмма Перкинс лгут, непреднамеренно или нарочно.

— Конечно, уважаемые господа присяжные,

напоминаю вам еще раз, что о фактах судить вам. Не мое дело толковать факты. С другой стороны, вам, возможно, будет трудно поверить, что…

И это все длилось и длилось бесконечно!

Джойс как в тумане отметила, что в этот день Люсии Реншоу среди зрителей не было. Судебный пристав, на цыпочках подойдя по скрипучим половицам к столу стряпчих, зашептал что-то на ухо Чарльзу Денхэму. Денхэм вздрогнул, огляделся по сторонам, а затем, после минутного колебания, украдкой вышел из зала. Патрик Батлер — голос судьи все еще гудел — сидел без движения, опустив голову, упираясь локтями в стол и закрывая ладонями уши, но даже по его затылку было понятно, что он жаждет крови.

Один раз переполненный гневом Батлер сделал движение, чтобы встать. Однако его помощник, с умоляющим видом вцепившись ему в мантию, забормотал что-то, из чего Джойс различила только «неуважение к суду».

— Присяжные заседатели, сейчас вам предстоит удалиться перед оглашением вердикта. Старшина присяжных, если вам потребуются какие-либо вещественные доказательства, представленные в ходе слушания, пожалуйста, дайте мне знать.

Присяжных — с теми же замороженными лицами и пустыми взглядами, с какими они старательно просидели все слушание, — всем гуртом вывели из зала. Одна из «матрон» тронула Джойс за руку.

— Идем вниз, милочка, — сказала «матрона» сочувственным тоном, который уничтожил последнюю надежду.

И вот, без четверти четыре, пока мокрый снег шлепался на стеклянный купол крыши, а присяжных не было уже тридцать пять минут, Патрик Батлер сидел неподвижно — один на передней скамье из предназначенных для адвокатов, в почти пустом зале суда — и таращился на наручные часы, лежавшие на столе перед ним.

Тридцать пять минут!

Если верить общеизвестной судейской истине, чем дольше совещается жюри присяжных, тем лучше для обвиняемого. Однако Батлер в это не верил или не хотел в это верить. Он желал быстрого оправдания, взрыва аплодисментов, волны удовлетворения, которая неизменно окатывала его.

Просто немыслимо, повторял он себе снова и снова, чтобы он проиграл это дело. О Джойс он не думал вовсе. Его гордость пострадает, он

вспылит и выкинет какую-нибудь невозможную глупость, если проиграет. И над всем этим у него в сознании запекшимся кровавым сгустком горела ненависть к судье Стоунмену.

В противоположном от него конце зала вращающаяся дверь в коридор, где стояли на страже полисмены без шлемов, снова зашуршала, впуская кого-то. Чарльз Денхэм, гулко шагая по натертому полу в этой напряженной тишине, обошел зал по кругу, направляясь к скамьям адвокатов.

Патрик Батлер, чтобы унять дрожь в руках, взял желтый карандаш и принялся его вертеть.

— Где ты был? — спросил он.

— Выходил, чтобы ответить на телефонный звонок, — сообщил Денхэм каким-то странным тоном. И прибавил: — Может быть, это поможет сбить с тебя спесь.

Пальцы Батлера вцепились в желтый карандаш. Слово «спесь» резануло его. Он неоднократно утверждал, и всерьез верил, что в нем нет ни унции тщеславия.

— О чем ты, Чарли?

— У тебя машина здесь? — спросил Денхэм.

— Да. Припаркована рядом с главным входом, ярдах в тридцати ниже Олд-Бейли. — Батлер имел в виду улицу, а не здание суда. — А в чем

дело? Что происходит?

— Позже объясню, — пообещал Денхэм. Его темные глаза смотрели неподвижно. — Ты, между прочим, проиграл дело.

— Хочешь побиться об заклад, Чарли?

— Ты сфабриковал защиту, — настаивал Денхэм, — и старина Стоуни понял это.

Пальцы Батлера переломили желтый карандаш пополам.

— Может быть, тебе будет интересно услышать, — проговорил он сдавленно, — что моя защита, за исключением двух моментов, была так же честна, как…

— Но ты не переживай! — перебил его стряпчий. — Судя по тому, что я только что услышал, у нас есть все основания надеяться на успешную апелляцию.

— Я не подаю апелляций, — отрезал Батлер. — В этом не возникает нужды.

— Помоги тебе Господь, Пат.

— Спасибо, — прорычал Батлер. — Я предпочитаю надеяться на себя. Что там у тебя за таинственные новости?

— Ты видел сегодняшние газеты? Или заметил вчера среди публики Люсию Реншоу?

— Кто такая Люсия Реншоу?.. А! Ты имеешь

в виду племянницу миссис Тейлор? А при чем тут она?

— Вчера, — пояснил Денхэм, — она сидела на местах Корпорации позади тебя. И сегодня утром…

По залу прокатилось внезапное оживление. Зрители на галерее для публики поднялись. Секретарь суда беззвучно прошел за креслом на судейском возвышении и постучал в почти незаметную среди панелей дверь. За этой дверью находилась комната для отдыха судьи, которую открывал его личный секретарь.

— Потом договорим, — выпалил Денхэм. — Присяжные возвращаются.

После чего все тянулось целую вечность, словно в вызванном марихуаной сновидении.

Зрители на галерее облизывали губы. Присяжные растянулись вереницей на полмили, прежде чем наконец собрались вместе и расселись. Судья Стоунмен, отрешенный, словно йог, сидел в своем кресле с высокой спинкой. Подсудимую, едва не терявшую сознание, поддержали, заводя на ее место и разворачивая лицом к судье.

Когда поднялся старшина присяжных, секретарь суда уже стоял перед ним.

— Присяжные заседатели, вы вынесли вер-

дикт?

— Да.

— Вы решили, что подсудимая, Джойс Лесли Эллис, виновна или невиновна в убийстве?

— Невиновна.

Хлопки в ладоши, быстро затихшие, вторили стуку мокрого снега по крыше. Патрик Батлер, опустив голову, выдохнул так, что звук походил на рыдание. Джойс Эллис пошатнулась и едва не упала.

— Вы говорите «невиновна», и это ваш общий вердикт?

— Да.

Судья Стоунмен слабо развел руками.

— Пусть ее освободят, — произнес он.

Судебный пристав оглашал расписание на завтра: очередное дело, очередное горе. Судья поднялся. Суд встал. А потом случилось нечто, подобное взрыву гранаты.

Потому что Патрик Батлер, королевский адвокат, был больше не в силах сдерживаться. Он величественно выпрямился, когда судья Стоунмен повернулся к двери своей комнаты для отдыха. Батлер совершенно преобразился. Его голос прогромыхал через весь зал, ударяя в спину судьи, отчетливый и ликующий, полный радости

победы и презрения:

— Ну как тебе такое, старая мартышка?

Глава пятая

Спустя двадцать минут, подняв повыше воротник пальто, Батлер вышел из парадных дверей центрального уголовного суда.

Он очень устал, был несколько раздражен, но все равно ликовал. Он произнес, в адрес судьи Стоунмена, наверное, самые возмутительные слова, какие когда-либо звучали в этих стенах. Но Патрику Батлеру было плевать.

После суда, в гардеробной, когда его коллеги-адвокаты (каждый в сопровождении собственного секретаря) вешали в шкафчики свои мантии и укладывали в кожаные коробки парики, никто ни словом не упомянул этот инцидент. Они бубнили ему поздравления с победой, причем некоторые — тоном, приберегаемым для похорон. Батлер в ответ улыбался. Его слова в адрес старика Стоуни, разумеется, нельзя считать неуважением к суду — слушание-то уже завершилось. Однако старина Стоуни, были уверены все, может устроить ему веселую жизнь.

Пусть только старик Стоуни попробует!

Мокрый снег впился в лицо тонкими иглами,

когда он вынырнул из главного входа. Улица под названием Олд-Бейли, уходившая под горку в северном направлении до Ньюгейт-стрит и тянувшаяся на юг до Флит-стрит, черно блестела в свете редких огней, словно венецианский канал. Он торопливо зашагал в сторону своей машины, когда кто-то выдвинулся из тени здания.

— Мистер Батлер, — прозвучал голос Джойс Эллис.

Про себя он застонал от отчаяния. Дело же завершено! Он так устал! Он…

— Я хотела вас поблагодарить, — сказала Джойс.

Несмотря ни на что, Батлер был тронут и заинтригован, когда взглянул на нее. Поверх своего плохо пошитого английского костюма она набросила клеенчатый дождевик, иссеченный мокрым снегом.

— Но послушайте, вы ведь без пальто!

Джойс как будто удивилась:

— Пальто?

— Да будь оно неладно, у вас же должно быть пальто! Вы же не можете расхаживать по улицам без пальто!

— Это не важно! — Она отмахнулась от его слов, хотя взгляд ее потеплел, потому что он проявил

заботу. — Просто… мистер Батлер, вы мне кое-что обещали.

— Обещал вам кое-что, милашка?

— Да. Я не стала бы вам напоминать, но только это до крайности важно для меня. Вы сказали, если я скажу на суде в точности то, что вы велите мне сказать, вы ответите на один вопрос по окончании слушания. Прошу вас, не уходите от ответа!

— Ладно… в таком случае пройдемся до моей машины, там удобнее.

— Нет! — Ее глаза и рот умоляли его. — Ведь там мистер Денхэм. Он замечательный, однако… я не хочу, чтобы он слышал. Не могли бы мы зайти куда-нибудь и поговорить пять минут?

В душе Батлер клокотал от негодования. Однако победила его добрая натура.

— Идемте, — предложил он.

Прямо на противоположной стороне улицы находилось заведение, именовавшее себя кофейней. Некогда, еще до войны, здешние стойки из полированного дуба и столы в кабинетах вдоль одной из стен воссоздавали диккенсовскую атмосферу не хуже гравюр восемнадцатого века с изображением старинной Ньюгейтской тюрьмы.

Сейчас, толкнув скрипучую дверь, Батлер

увидел, что заведение стало грязным и неприглядным. Одинокая электрическая лампочка горела в дальнем конце. Там же, в дальнем конце, обитал попугай, по слухам похожий на одного прославленного судью и обученный этим представителем закона произносить латинские изречения вперемешку с ругательствами; попугай все еще был здесь, состарившийся и полуслепой, и сейчас он подал голос.

Вдыхая затхлый запах засохших кофейных пятен и зябкой сырости, Батлер усадил свою спутницу за столик в кабинете, устроившись напротив. Какой-то предыдущий посетитель оставил смятую газету прямо поверх пустой сахарницы, засиженной мухами. В глаза Батлеру бросился один заголовок:

СУПЕРИНТЕНДАНТ ХЭДЛИ О ВОЛНЕ ОТРАВЛЕНИЙ

Попугай снова закричал. Из недр заведения выдвинулся в тусклом свете какой-то силуэт — хозяин, без воротничка, шаркая ногами, двинулся к ним, глядя на посетителей с отвращением.

— Два кофе, пожалуйста.

— Кофе нет, — отрезал хозяин, и в его глазах промелькнуло удовлетворение.

— В таком случае, чаю.

Хозяин с неохотой признал, что чай у него, вероятно, найдется, и пошаркал прочь. Патрик Батлер взглянул на Джойс.

— Так что же, милочка? — произнес он самым задушевным своим тоном.

Джойс пыталась заговорить, но не смогла.

Батлер, поглядев на нее исподтишка, признал про себя, что она очень хорошо выдержала все испытания в суде. Он помнил, как после такого же заседания лицо одной его клиентки буквально постарело на глазах, а кисти рук приобрели синюшный оттенок.

Джойс, хотя и перенервничавшая так, что никак не могла унять дрожь в руках, не постарела и не подурнела. Ее глаза то и дело устремлялись на него, большие серые глаза с черными ресницами. Растаявшие снежинки блестели на коротко остриженных и взъерошенных черных волосах. Ее рот, по мнению Патрика Батлера, был настолько чувственным и притягательным, что он, как мужчина здравомыслящий, запретил себе думать о нем.

Наконец Джойс негромко заговорила:

— Вы же на самом деле не верите в мою невиновность, верно?

Батлер выглядел потрясенным.

— Да бросьте! — с укоризной отозвался он. — Неужто вы не верите в британское правосудие? Это жюри присяжных оправдало вас, красотуля. Они поверили тому, что вы рассказали. Вы свободная женщина, свободная как ветер. Чего же вам еще?

— Неужели это проявление неблагодарности — желать чего-то еще? В самом деле? Я всего лишь…

Появление чая на мгновение прервало их разговор. На столе оказались две толстостенные белые кружки, содержавшие напиток, цветом напоминавший помои. Батлер между тем украдкой выудил под столом свой бумажник, извлек оттуда фунтов пятьдесят-шестьдесят и зажал в руке.

— Скажите-ка мне, милочка, — произнес он успокаивающим тоном. — Какие у вас планы на будущее?

— Не знаю. Я пока так далеко не заглядывала.

— Я-асно! Но вам точно понадобятся деньги. Конечно, будет наследство от миссис Тейлор…

— Боюсь, я не смогу даже прикоснуться к ее деньгам. Мне будет мерещиться ее лицо, когда я буду их тратить.

— Подобные чувства, — продолжал Батлер

все тем же успокаивающим тоном, — делают вам честь. И потому, если вы просто примете это, — его сжатая рука скользнула по столу, — от доброжелательного друга, который…

Джойс неожиданно потеряла над собой контроль. Ее локоть с грохотом опрокинул белую кружку, и чай цвета помоев каскадом выплеснулся на пол. Джойс, придя в себя, смотрела на все это с ужасом, как будто действительно только что совершила преступление.

— Мне ужасно жаль. Но умоляю, не предлагайте мне денег. Прошу вас.

— Ладно, милочка, но нешто я…

— Да хватит уже! — невольно вырвалось у Джойс.

— Хватит что?

— Прекратите имитировать этот ваш ирландский говор. Он идет вам не больше, чем кокни или ланкаширский акцент. Что-то в суде вы не отважились так разговаривать!

— Nolle prosequi![2] Так тебя и растак! — завопил попугай и почистил клюв о прутья своей клетки.

Патрик Батлер ощутил, как кровь бросилась в голову. Он как будто невзначай, искушая, сунул

---

[2] Notes: 2

Юридический термин, означающий отказ от судебного преследования *(лат.)*.

деньги в сложенную мятую газету у него под рукой.

— Я наблюдала за вами в суде, — продолжала Джойс. — Иногда мне казалось, вы верите мне, но потом… Я перестала понимать. Вы потрясающий адвокат, это я знаю. Но на самом деле вы романтический актер. Вы все играли, играли и играли.

Теперь кровь, кипевшая от гнева, зашумела у него в ушах.

— Разве это не является проявлением неблагодарности с вашей стороны? — поинтересовался он.

— Да, так и есть, — признала Джойс со слезами на глазах. — Но когда мы впервые встретились в Холлоуэе, вы сказали, что верите мне.

— Ну разумеется!

— Потом же вы сказали… если мы хотим добиться реальной справедливости, нам часто приходится лгать в мелочах. А потом, еще позже, возникла вдруг эта тема двери, хлопавшей в ночи.

— Я не слышал ни слова из этой истории, — отозвался он чистосердечно, — пока Элис Гриффитс не сообщила об этом со свидетельского места.

— Но, мистер Батлер, не хлопала среди ночи никакая дверь! Это была одна из больших ста-

вень наверху — я поднялась туда и закрепила ее. После первого дня слушания вы велели мне подтвердить это заявление при даче свидетельских показаний.

Здесь глаза Джойс, отчаявшиеся и непонимающие, напрасно попытались перехватить взгляд собеседника.

— Элис и Билл Гриффитс, — не отставала она, — честные люди. Почему же они солгали?

— Вам следовало бы радоваться, что они это сделали, мисс Эллис. Это спасло вашу хорошенькую шейку.

— Значит, вы не верите, что я невиновна? И не верили с самого начала?

— Я скажу вам то, — отозвался Батлер с грубоватой прямотой, — ровно то, что сказал Чарли Денхэму. Вы виновны как сам дьявол. Почему бы не проявить рассудительность и не признать это?

Он как будто ударил ее наотмашь по лицу. Повисло долгое молчание.

— Понятно, — протянула Джойс и облизнула губы.

Медленно, потому что коленки у нее подгибались, она соскользнула со скамьи, встала и вышла из кабинета. Не глядя на Батлера, застегнула на

все пуговицы свой клеенчатый дождевик. Теперь дрожь сотрясала все ее тело. Джойс отошла на два шага и неожиданно обернулась.

— Я боготворила вас, — сказала она. — И боготворю до сих пор. И всегда буду. Но в один прекрасный день, может быть уже скоро, вы придете ко мне и признаете, что вы ошибались. — Ее голос зазвучал пронзительно. — И только, ради бога, не говорите, что никогда не ошибаетесь!

И она побежала к выходу.

Застекленная дверь громыхнула. Попугай снова закричал. По затхлой кофейне пронесся сквозняк, и брошенная газета взлетела, приземлившись на скамейку напротив Батлера. Засунутые в нее банкноты выскользнули, рассыпавшись среди пятен от кофе. Батлер не торопился их собирать.

Будь прокляты все женщины, которые устраивают сцены, чтоб их разорвало! Батлер, которому почему-то вдруг сделалось стыдно, все равно не мог понять Джойс. Он отхлебнул из своей кружки чуть теплой гадкой бурды и тут же отставил. С раздражением собрал упавшие банкноты. Затем он поднял голову и обнаружил, что рядом с кабинетом стоит Чарльз Денхэм.

— Ради всего святого, — выпалил Батлер, — только не начинай!

— Чего не начинать?

— Откуда мне знать? Ничего!

— Мои поздравления, — пробурчал Денхэм, скользнув на место напротив, — по поводу вердикта.

— Не с чем тут поздравлять. Я же говорил тебе, что так и будет.

Несмотря на ровный тон Денхэма, его темные глаза метали молнии, как это было в зале суда, а ноздри широко раздувались.

— Я начал говорить тебе еще во время процесса, — продолжал он, — что появились новые факты. Вчера вечером, пока Джойс находилась в зале суда, случилось кое-что еще.

— Да ну? И что же?

— Ты сказал, что не знаешь Люсию Реншоу, которая была вчера на заседании. А ее мужа ты знаешь? Дика Реншоу?

— Никогда о таком не слышал. А должен был?

— Мистер Реншоу, — сообщил Денхэм, — был отравлен вчера ночью очередной изрядной дозой сурьмы. Он скончался после жуткой агонии примерно в три утра. Вероятно, он был отравлен тем же человеком, который убил и миссис Тейлор.

Старый попугай закричал и заметался по своей клетке в приступе безумного волнения. Патрик

Батлер, успевший вынуть серебряный портсигар и щелкнуть зажигалкой, сидел неподвижно, пристально глядя на Денхэма. Затем задул пламя зажигалки.

— Тем же человеком… Послушай, Чарли! Эти Реншоу тоже твои клиенты?

— Да. Как и миссис Тейлор.

— И Реншоу тоже отравлен. Полиция кого-нибудь подозревает?

— Да. Саму Люсию Реншоу. И я вынужден признать, — Денхэм отвел взгляд, — что положение у нее скверное. Вероятнее всего… да, вероятнее всего, ее арестуют.

Батлер громыхнул кулаком по столу.

— О боже! — воскликнул он в исступлении. — Ты что, хочешь сказать, мне придется снова отправиться в суд и надрать задницу полиции? И примерно по такому же делу об отравлении?

— Пат, не забегай вперед! Разве ты не видишь сути всего этого?

Денхэм улыбнулся. С момента оправдания Джойс он превратился в совершенно иного человека — загнанный и затюканный молодой человек последних недель исчез. Он снова сделался приятным в общении, спокойным, ненавязчивым, каким и был. Но ощущалось в нем

некоторое напряжение — возможно, новое, — даже когда он улыбался.

— Джойс, — заметил он угрюмо, — точно не убивала Дика Реншоу. И по моему мнению, — тут он замялся, — красотка Люсия тоже этого не делала. Мы вляпались в такое, что и подумать страшно. Вот, смотри!

Денхэм подхватил лежавшую рядом с ним смятую газету, развернул ее на столе и указал на тот самый небольшой заголовок:

СУПЕРИНТЕНДАНТ ХЭДЛИ О ВОЛНЕ ОТРАВЛЕНИЙ

— Не трудись читать, — посоветовал Денхэм. — У меня имеется секретная информация, которой здесь не напечатали. Я получил ее от доктора Фелла.

— Доктора Фелла?

— Надеюсь, ты слышал о докторе Фелле? Он тоже был на суде. Если бы ты хоть раз обернулся, то увидел бы его у себя за спиной.

Батлер разволновался. Он отложил портсигар и зажигалку.

— Ты не мог бы объяснить мне, — спросил он, — о чем ты вообще толкуешь?

— За последние три месяца, — ответил Денхэм,

постукивая по газете, — от яда погибли девять человек, ни один случай не раскрыт. И все в разных частях страны.

— Это же просто подражатели, мальчик мой! — Батлер потерял терпение. — Подобное происходит постоянно.

— Я сказал, за последние три месяца. Большинство из них — до гибели миссис Тейлор. А теперь слушай! — Чарльз Денхэм вытянул шею, напряженно сведя брови к переносице. — Ни в одном из этих случаев — ни в одном, Пат! — полиции не удалось установить, чтобы кто-то из подозреваемых приобретал яд. Ты ведь понимаешь, что это значит.

Батлер присвистнул. Ведь покупка отравы — не важно, под какой личиной или за какой фальшивой подписью в гроссбухе аптекаря, — почти неотвратимо указывает на убийцу.

— Да брось же, мальчик мой! — фыркнул Батлер, немного злясь оттого, что Чарли снова стал самим собой. — Нет никаких сомнений, откуда взялся яд в деле миссис Тейлор.

— Не знаю, не знаю! — отозвался Денхэм.

— Ты о чем?

— Скажи-ка мне, Пат. Не заметил ли ты чего-либо странного сегодня на суде?

— Странного? — переспросил Батлер. — Этот человек спрашивает меня, — с жаром обратился он к стенам кофейни, — не заметил ли я чего-нибудь странного! Откровенно говоря, Чарли, заметил. Судья, мать его, Стоунмен…

— Нет-нет, не судья! Я говорю о свидетелях. В частности, о том докторе.

— Докторе Бирсе?

— Да, — подтвердил Денхэм, нервно проведя ладонью по лицу. — Он пытался что-то сообщить нам, только ему не позволили правила дачи показаний. Однако же он сказал, ты вспомни, что атмосфера в доме миссис Тейлор была нездоровая. Он сказал, это была неподходящая атмосфера для такого неискушенного человека, как Джойс.

Тут тон Денхэма изменился, в нем прозвучало смущение.

— А кстати, — прибавил он, — где Джойс? Мне показалось, я видел, как она входила сюда вместе с тобой.

— Входила.

— Я ждал в машине. Я… я надеялся…

— Она не захотела видеть тебя, Чарли. Она мне так и сказала.

— О… Ясно. В конце концов, — тут Денхэм улыбнулся и изо всех сил попытался рассмеяться, — у

нее нет никаких причин хотеть увидеть меня. Ни единой. — (Повисла пауза.) — Ты, разумеется, выяснил ее адрес?

— Нет, боюсь, этого я не сделал. И если позволишь мне дать тебе совет, Чарли, держись подальше от этой женщины. Если не хочешь однажды получить кружку пива с мышьяком.

— Как ты мудр в своей глупости! — пробормотал вполголоса Денхэм после очередной паузы. — И как глуп в своей мудрости!

— Ты не расскажешь мне, — с неохотой поинтересовался Батлер, — что там с этими кошмарными девятью отравлениями? И этой женщиной, Люсией Реншоу, обвиненной в убийстве своего мужа? Есть у нее какие-нибудь мотивы для убийства?

Денхэм замялся.

— На самом деле, — признал он, — они не особенно ладили…

— Это не доказательство, Чарли. Это просто определение качества брака. Почему полиция ее подозревает?

— Потому что, очевидно, Люсия единственная, кто мог это сделать! И все же…

— Чего именно ты ждешь от меня?

— Разумеется, я не могу официально нанять те-

бя как адвоката. Нам неизвестно, в какую сторону прыгнет кошка, в смысле полиция. Но сейчас всего пять часов. Не мог бы ты поехать в Хэмпстед и переговорить с нею до ужина?

— Могу, — сердечно заверил его Батлер. — Я могу, Чарли, и я сделаю даже больше. Дай мне пять минут поговорить с этой леди, и я скажу тебе, виновна она или нет.

— Пат, — произнес его приятель после паузы, в которую успел схватиться за голову, — я должен тебе столько, что едва ли когда-нибудь смогу расплатиться. Нет, подожди, я серьезно! Но эта твоя последняя победа… ты просто с катушек съехал! Ты что, возомнил себя Господом всемогущим?

— Ничего подобного. — Батлер выглядел потрясенным. — Просто, — пояснил он любезно, берясь за свою шляпу, — я никогда не ошибаюсь.

Глава шестая

Дом скончавшегося Ричарда Реншоу и его жены, называвшийся «Дом аббата», находился в Хэмпстеде, на Кэннон-Роу.

Взобравшись на Хаверсток-Хилл и Рослин-Хилл, лимузин повернул направо на светофоре у станции метро «Хэмпстед» и пополз дальше по склону, следуя изгибу Хай-стрит, которая в конце концов упирается в Круглый пруд. Однако нужный им неприметный поворот нашелся гораздо раньше. Повернув еще несколько раз на коротком отрезке пути, машина оказалась на сонной Кэннон-Роу.

И Патрик Батлер, стремительно выскочив из машины, испытал первое потрясение.

— Боже мой, Чарли! Это же… — Тут он осекся.

Под налитым чернотой небом, с которого наконец-то перестал сыпать то ли дождь, то ли снег, футах в сорока от забора из поставленных внахлест тонких досок возвышался дом.

Другие дома на Кэннон-Роу были просто тусклыми силуэтами с тускло-желтыми окнами. Зато этот монстр, хотя не такой уж огромный,

возносился к небу беловато-серым размазанным пятном, потому что был оштукатурен и выстроен в том стиле, который именуется викторианской готикой. По бокам от арки парадной двери располагались по два высоких стрельчатых окна, одно над другим. Вдоль крыши тянулся миниатюрный зубчатый парапет с миниатюрной же декоративной башенкой на одном углу.

— Это ведь дом миссис Тейлор, — произнес Батлер, отлично помнивший тот уродливый образ. — Могу поклясться, что в передние окна по бокам стучат те же самые деревья!

— Почему бы нет? — бросил Денхэм.

— Почему нет?!

— Оба дома, — пояснил Денхэм, — были построены дедом миссис Тейлор в середине шестидесятых. Один — в Бэлхэме, который был тогда модным районом. Другой — здесь, в районе, модном до сих пор. И в задней двери этого дома, — прибавил он, — тоже замок «Грирсон».

Сырой ветер раскачивал деревья, отчего их ветки, тоненько поскрипывая, скреблись в оконные стекла. Эти два дома хотя бы внутри оказались разными. Батлер с облегчением отметил это, когда юная горничная открыла им парадную дверь.

Зато атмосфера истерики, дохнувшая на них, была красноречива, как и царивший внутри беспорядок. Восемнадцатилетняя горничная, Китти Оуэн, была бы хорошенькой, если бы не излишняя худоба. Открыв дверь, Китти в ужасе пятилась от них, пока Денхэм не назвался.

— Прошу прощения, сэр. — Горничная с трудом сглотнула комок в горле. — Я подумала, это снова из полиции. Но я не знаю, сможете ли вы увидеть мадам. У нее была истерика.

— Между прочим, миссис Реншоу сама пригласила нас, — улыбнулся Батлер.

Китти по неизвестной причине заметно вздрогнула. Она смотрела на Батлера застывшим взглядом, в котором читался глубинный страх.

— Я пойду спрошу, — сумела выдавить она. — На могли бы вы подождать здесь?

За дверью, на которую она указала, находилась гостиная в викторианском стиле, теперь богато обставленная местами засаленной довоенной мебелью и украшенная несколькими неплохими антикварными вещицами. Лампы под абажурами лили свет на обюссонский ковер.

Посреди комнаты застыл так, словно только что перестал метаться из стороны в сторону, доктор Артур Эванс Бирс.

— Батлер! — воскликнул доктор Бирс, когда состоялось знакомство. — Конечно, мы же встречались в суде. Мне показалось, что вы вроде бы похожи… но, естественно, в парике и мантии вы выглядели совершенно иначе.

Сам же он и при ближайшем рассмотрении излучал все то же — только усиленное — сдержанное, деловитое дружелюбие, к которому примешивалось разочарование врача, наблюдающего, как государственная медицина рушит все его начинания. Его вытянутый лысеющий череп с брызгами веснушек заставлял вспомнить портреты Шекспира. Пожатие костлявой ладони оказалось крепким.

— Вы ведь… э… не встречались за пределами зала суда? — уточнил Денхэм.

— Нет, — ответил Батлер. — Я узнал от этого свидетеля все, что было необходимо.

— Вы спасли мисс Эллис жизнь, — заявил врач. — Горжусь знакомством с вами, сэр.

— А я — с вами, доктор, — отозвался Батлер, возвышаясь над ним с галантным видом господина из восемнадцатого столетия. — Вы лечащий врач миссис Реншоу?

— Едва ли, — сухо проговорил доктор. — Миссис Реншоу, насколько мне известно, получает

медицинскую помощь на Харли-стрит или Девоншир-плейс. — Его карие глаза под рыжеватыми бровями смотрели настороженно. — Но сегодня под конец дня она позвонила мне, явно не в себе, и попросила прийти сюда в качестве друга.

— Как миссис Реншоу чувствует себя сейчас?

— Понятия не имею. Она меня так и не позвала. Думаю, мне лучше уйти.

— Скажите мне, доктор, этот дом тоже кажется вам «нездоровым»?

— Прошу прощения?

— Мой юный друг, — Батлер говорил о Чарли Денхэме так, словно тому было четырнадцать, — напомнил мне слова из ваших показаний. Вы сказали о доме миссис Тейлор: «Во всем доме атмосфера была нездоровая». Можно ли сказать то же самое об этом доме?

— Сэр, я…

В этот самый момент в дверь впорхнула горничная Китти.

— Только один из вас может подняться, — доложила Китти. — Мистер Батлер, прошу вас.

Батлер замешкался, ведь доктор Бирс, кажется, готов был ответить. Однако же пошел за Китти.

Она проводила его в главный коридор, а затем — в холл с высокими потолками в дальней

части дома, откуда начиналась — поднимаясь сначала вдоль левой стены, а затем вдоль задней — деревянная лестница, ведущая на галерею с балюстрадой, где оказалось несколько дверей в спальни. Здесь было темновато — электричество экономили, и несколько раз Батлер спотыкался. Китти постучала в самую последнюю дверь в ряду, у лестничного пролета вдоль правой стены, и открыла ее.

— Да? — произнес женский голос из недр комнаты.

Люсия Реншоу, в весьма эротичном пеньюаре из плотного белого кружева, сидела в мягком кресле сбоку от переносного электрического обогревателя, придвинутого к каминной решетке. Она поднялась с места, явно смущенная и слегка ошеломленная.

И Патрик Батлер, этот циничный холостяк, испытал самое сильное потрясение в жизни.

Он смутно сознавал, что находится в комнате с высоким потолком и высокими окнами со старомодными ставнями и что на маленьком столике между двуспальными кроватями стоит одинокая лампа. В глубине комнаты, чуть слева от него, он видел недра современной ванной, выложенной белым кафелем.

Что до всего остального…

— Мистер Батлер? — окликнула Люсия Реншоу негромко.

Она явно недавно горько плакала. Однако сейчас об этом говорили лишь красные жилки на белках выразительных голубых глаз. Волосы Люсии, густые, тускло-золотистые в таком освещении, были распущены и лежали, рассыпавшись по плечам, разделенные прямым пробором, словно у мадонны.

Люсия была довольно высокая, хотя Батлеру показалось, она среднего роста или даже миниатюрная. Такие слова, как «пышущая здоровьем» и «цветущая», которые обычно вызывали у Батлера смех, теперь теснились в его сознании. Оттенок ее кожи, нежный персик, контрастировал с белым кружевом пеньюара. И плотные кружева не вполне скрывали тот факт, что — очевидно, из-за спешки и от расстройства — она успела надеть под него лишь бюстгальтер и трусики. На ногах у нее были розовые атласные тапочки.

— Мистер Батлер? — повторила она торопливо.

И это голый факт, что Патрику Батлеру, словно школяру, пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос не дрогнул.

— Да, миссис Реншоу.

— Они все против меня, — сказала Люсия. — Они все меня ненавидят. Вы поможете мне?

— Я сделаю даже больше. Я вас спасу.

Батлер питал нешуточную слабость к галантным манерам восемнадцатого века, которой и объяснялась вся его велеречивость, и потому он не ощутил ничего мелодраматичного в ее словах, как и в том, что последовало за ними. Люсия импульсивно протянула ему руку, а он с такой же серьезностью склонился и поцеловал ее. «Боже! — только и подумал он. — Боже мой!»

— Я знала, что вы согласитесь, — сказала Люсия. — Когда я только услышала вас вчера в суде… Суд! — Она содрогнулась. — Присаживайтесь, прошу вас.

— Благодарю.

Она указала на второе мягкое кресло по другую сторону мерцавшего оранжевым обогревателя. С какой грацией, с какой бесконечной грацией в этот век неуклюжих движений опустилась она в кресло! Люсия откинула за спину густые золотистые волосы. Ее персиковая кожа по-прежнему резко контрастировала с белоснежными кружевами, когда она глубоко вздохнула.

— Я люблю, когда все хорошо! — вырвалось

у нее. — Я наслаждаюсь жизнью! Я никогда не выхожу из себя и не злюсь на людей, даже в наше время. Но теперь…

— Ваш муж скончался. Мне жаль.

— Мне тоже жаль. Но только из-за воспоминаний о прошлом. — Люсия отвернулась, крепко зажмурившись. — Вчера вечером я просила Дика дать мне развод. Потому я и оказалась в этой комнате, когда он умер.

Батлер сам не понял, что безотчетно встревожило его.

— Ваш муж скончался в этой комнате?

— Да. Я… — Люсия с сомнением умолкла. Она тоже встревожилась.

Ее голубые глаза, подернутые тонкой пеленой слез, нарушавшей совершенную красоту лица, блуждали по комнате. А затем она робко съежилась, словно ощутив какую-то угрозу.

— Мне не стоило здесь оставаться, да? Но я почти все время была так ужасно расстроена и сбита с толку, что попросту не понимала, где нахожусь. Может быть, нам перейти в другую комнату?

— Нет, совершенно точно нет! — Готовое уже выскочить «милочка» застряло в горле. — То, что вы сделали, миссис Реншоу, более чем естественно.

— О, вы действительно так считаете?

— Конечно. И чтобы вам помочь, миссис Реншоу, я должен сначала услышать, что произошло. Вы сказали, что просили мужа о разводе?

— Да.

— А что вы имели в виду, сказав: «Потому я и оказалась в этой комнате, когда он умер»?

— Я хотела сказать, что ночевала здесь. — Люсия опустила глаза. — Мы уже больше года живем в разных комнатах. Но вчера вечером я решила спать здесь.

— Когда намеревались просить его…

— О, причина не в том, о чем вы подумали!

— Я ничего такого не думал!

Оба умолкли, до ужаса сконфуженные, а Батлер еще и солгал. Внезапно охваченный ненавистью к усопшему Ричарду Реншоу, он никак не мог отделаться от мучившего его вопроса.

— Каким был ваш муж?

— А вот это просто невероятно. Он был очень похож на вас.

— На меня?

— О, я не имею в виду внешнее сходство. Дик был очень смуглый, почти черноволосый, у вас же светлая кожа и светло-каштановые волосы. Однако же его голос, его осанка, некоторые же-

сты…

Да черт бы его побрал! Батлеру, сознававшему, что его рассудок находится не в лучшей форме, хватило здравого смысла произнести вслух только:

— Прошу вас, расскажите мне вашу историю.

Люсия снова опустилась в кресло. Раскрасневшееся лицо побледнело.

— Дик, — продолжила она, — уезжал по делам. Вчера днем, когда я уже пришла, меня ждала телеграмма, сообщавшая, что он возвращается поездом, который прибывает в одиннадцать на Юстонский вокзал. И вот я… я приняла решение. Я сказала Китти, это моя горничная, чтобы приготовила постели в этой комнате, наполнила водой графин и вообще все подготовила.

Батлер, пока звучал ее голос, украдкой оглядывал комнату.

Двуспальные кровати были сейчас аккуратно заправлены, желтоватые покрывала на них разглажены. Между кроватями, только повыше на стене, висело довольно большое распятие из слоновой кости. Оно удивило Батлера, хотя он сам не знал почему. Это антикварное желтоватое распятие отчетливо выделялось на фоне коричневых стенных панелей.

Под ним, рядом с лампой на прикроватном столике, поблескивал стеклом графин. Обычный графин с водой на ночь, круглый, с высоким узким горлышком, с перевернутым стаканом, надетым на него сверху. Воды там осталось на одну пятую. И если внимательно присмотреться, можно было заметить на стеклянной поверхности слабые грязные разводы: остатки «серого порошка» в тех местах, где полиция снимала отпечатки пальцев.

Домашнее убийство под распятием из слоновой кости.

Батлер снова сосредоточил свое внимание на Люсии.

— Ну и разумеется, — говорила Люсия, — Китти начала приводить спальню в порядок только в одиннадцать. Я уже переоделась у себя в комнате, дальше по коридору, потому и присматривала за ней здесь. Я велела ей перестелить постели, а не просто проветрить, она так и сделала. Под конец она взяла этот графин…

Люсия, скосив глаза под тяжелой прядью волос, попыталась кивнуть на графин и тут умолкла.

— Продолжайте же! — подтолкнул ее Батлер.

— Китти понесла графин в ванную, в эту. Я наблюдала за ней — умывальник хорошо видно,

потому что он напротив двери. Она вылила остатки воды, которая была в графине, сполоснула его несколько раз, а потом наполнила свежей водой из-под крана.

— Что дальше?

— Она поставила графин на стол, где он стоит и сейчас, надев сверху стакан. После чего я сказала, что она может идти к себе. Но с каждой секундой после одиннадцати я паниковала все сильнее и сильнее.

— Почему?

— Из-за Дика! — Она поглядела на него широко раскрытыми голубыми глазами. — Все время, пока его не было дома, я собиралась с силами, чтобы заговорить о разводе.

— Почему вы захотели получить развод?

Люсия уставилась на обогреватель.

— Я не обращала внимания даже на его постоянные измены. — Она помолчала. — Нет, это неправда. Мы ведь любим привирать или прикидываться искушенными в жизни, верно? Я обращала внимание. Но не потому, что я… я любила его. Это было ужасное, чудовищное унижение.

Батлер таращился в пол. Он догадывался — или думал, что догадывается, — чего ей стоило об

этом сказать.

— Расскажите о прошлой ночи.

— Примерно без четверти двенадцать я услышала, как подъехало такси. Я сидела здесь, на этой кровати. — Она кивнула на кровать слева. — Понимаете, я должна была поговорить с ним немедленно. Когда заводишь речь о чем-то, что мужчине не нравится, он просто отвечает: «У меня сейчас и без того полно забот, мы поговорим об этом позже!» И ты соглашаешься — по крайней мере, я соглашаюсь, — если только не довести себя до определенного состояния. Потому я и ждала в этой комнате. Спустя столько времени!

— Как долго отсутствовал ваш муж?

— Больше трех недель. Он на самом деле собирался уехать всего на несколько дней, но ему позволили снова запустить одну из его старых фабрик, и он остался проследить за процессом или что там полагается. В любом случае он вернулся. Я услышала, как хлопнула входная дверь, как-то сердито…

В своем воображении Батлер услышал это, услышал тяжелые шаги Дика Реншоу по лестнице, не застеленной ковром.

— Он открыл дверь, — продолжала Люсия. Ее голос зазвенел. — Он остановился и поглядел на

меня как-то странно, держа в руке чемодан и сдвинув шляпу на затылок. Я сидела на кровати со своим вязанием — Китти принесла мне корзинку с рукоделием еще перед началом уборки. Дик сказал: «Привет! Это что, воссоединение?» Я сказала, нет, ничего подобного, и заговорила о разводе.

Лицо Дика окаменело. Он ничего не сказал. Он начал разбирать чемодан, раскладывая вещи, пока я говорила. Когда он покончил с вещами, то с большой неохотой переоделся в пижаму, и все это без единого слова. К тому моменту я уже была в ужасе. Конечно, я договорилась обо всем с мисс Кэннон, на случай если он…

— Минуточку! — прервал Батлер.

Разум Батлера споткнулся на словах «мисс Кэннон». «Мисс Кэннон с Кэннон-Роу», — вертелось в голове, словно детский стишок.

— Вы обо всем договорились, — уточнил Батлер, — на случай если он… что?

— О, на случай если он меня ударит или что-нибудь еще, — ответила Люсия, изумленно вскинув тонкие дуги бровей на столь искусно подкрашенном лице, что косметики не было заметно вовсе. Похоже, она не ощущала в своих словах ничего необычного и даже не заметила, как ее

собеседник вскипел от гнева.

— Я… понятно. А кто такая мисс Кэннон?

— О, Агнес Кэннон была при мне с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Она была моей гувернанткой. Даже не знаю, как ее правильнее назвать, — она величина постоянная. Если бы Дик вышел из себя, она должна была прийти и пригрозить вызвать полицию.

— А он вышел из себя?

— Нет, все получилось гораздо хуже. — Люсия задрожала. — Он присел на край своей кровати, в пижаме и тапочках, и просто смотрел на меня. В какой-то миг мне показалось, он собирается… вы понимаете, заявить свои супружеские права. Но затем взгляд у него изменился. Он взял со столика графин.

Люсия умолкла, прижав руку к груди.

— Я должна объяснить, — прибавила она. — У Дика имелась одна привычка, неизменная. Он однажды сказал мне, что зародилась она еще на старших курсах. Каждый вечер, перед самым сном, он пил воду прямо из графина. Не наливая в стакан. Он просто брал графин и пил так, что казалось, он никогда не остановится.

После чего, я имею в виду прошедшую ночь, он откинул покрывало на кровати. Но ложиться не

стал, а сел и сказал мне: «Если ты не достанешь доказательства моей измены, а ты не достанешь, о разводе можешь забыть, ты же знаешь, что сталось с твоими частными шпиками, когда ты попыталась». И он продолжал говорить — негромко, зато об ужасных вещах.

Совершенно неожиданно — прошло, наверное, минут десять-пятнадцать — на его лице появилось какое-то странное выражение. У него как будто пересохло во рту, и он принялся водить по деснам языком. Дик встал, пошел в ванную, бормоча что-то насчет чистки зубов. А следующее, что я услышала из ванной, его начало ужасно рвать. Мистер Батлер, я…

В общем, я соскочила с кровати и крикнула: «Что с тобой? Что случилось?» Но его все рвало и рвало. Потом он кое-как вернулся обратно и упал на кровать. Глаза у него остекленели. Он перевернулся на бок и сказал — не мне, куда-то в пространство — несколько слов, которых я поначалу вообще не поняла. Он сказал: «Где был ты, мой Рональд?»[3]

Повисла тишина.

Слова старинной баллады, одной из тех, что

---

[3] Notes: 3

Строка из шотландской баллады «Лорд Рональд». Перевод С. Маршака.

наводят жуть, повисли в комнате, как будто все зло прошлых времен накатывало незримыми волнами.

— Потом, — продолжала Люсия, — Дик посмотрел прямо мне в лицо и сказал… то, что я не хочу повторять.

— Боюсь, это необходимо. Что же он сказал?

— «Ты меня отравила, потаскуха». После чего перекатился на живот и забился в судорогах.

Очевидно, это воспоминание стало для Люсии последней каплей. Она вскочила с места. Схватившись одной рукой за каминную полку из старинного черного мрамора, она глядела на электрический обогреватель. Несмотря на ее столь очевидную в этом белом пеньюаре зрелую женственность, такие слова в ее устах прозвучали так же неуместно, как в устах маленькой девочки, а когда она снова устремила на Батлера умоляющий взгляд, то и выражение лица Люсии было как у обиженного ребенка.

— Я, между прочим, пыталась вызвать врача. — Она говорила, словно возражая кому-то. — Я позвала мисс Кэннон, и мы с ней все звонили и звонили. Наш семейный доктор оказался на вызове. Мы пытались вспомнить фамилии других врачей по соседству. Но не смогли. Тогда мы

начали обзванивать друзей.

— Вам не пришло в голову набрать девять-девять-девять и вызвать «скорую»?

Люсия устало пожала плечами:

— Нет. В подобные моменты (и это правда!) как-то особенно глупеешь. Врач пришел только к трем часам. К этому времени все мы уже носились по дому — мисс Кэннон, Китти и я, и передняя дверь была нараспашку. Появился полисмен.

Теперь в глазах Люсии отражался ужас, и четкая линия рта расплылась.

— Доктор поспешил наверх. Но было уже поздно. Бедняга Дик бился в таких конвульсиях, что мисс Кэннон сказала: «Не могли бы вы как-то его удержать? Видеть это невыносимо!» Прежде чем врач успел раскрыть свой чемоданчик, Дик застонал и… больше уже не дышал. Я не сознавала, насколько все серьезно, пока не увидела, как полисмен вынул карандаш с блокнотом.

Все против меня! — выпалила Люсия. — Все меня ненавидят!

— Найдется один человек и за вас, — заявил Батлер, поднимаясь на ноги и всем своим существом демонстрируя силу духа.

— Вы это серьезно, мистер Батлер? Вы серьез-

но?

— Разумеется. — Однако разум его был мертв или же онемел от одного только невыносимого сострадания к ней. — Это была сурьма, так?

— Да.

— В графине с водой?

Люсия быстро кивнула, не поднимая на него глаз.

— Почему вы говорите, что все против вас? — спросил он.

— Потому что все думают, как вы понимаете, что только у меня была возможность подсыпать в графин яд. Во всяком случае, так они говорят.

— Послушайте меня! Ваша горничная, — Батлер говорил, подчеркивая каждое слово, — прополоскала графин и наполнила его из крана в ванной. Не могла ли сама Китти добавить яд в этот момент?

— Нет.

— Почему нет?

— Полиция сказала, когда всыпаешь в воду эту гадость, необходимо ее размешать и помешивать некоторое время, пока не растворится, иначе будет заметно. В любом случае Китти вообще ничего не делала. Я же наблюдала за ней. — Здесь Люсия бросила на него вороватый взгляд испод-

тишка. — Я могла бы свалить на нее, только…

— Только что?

— Забыла сказать, что и мисс Кэннон была тогда здесь. Она тоже присматривала за Китти.

— Ну а потом?

— Китти поставила графин на столик, я уже говорила вам. Они с мисс Кэннон вместе вышли из комнаты.

— Ну а потом, повторю я свой вопрос, когда вы остались здесь одна?

— Мисс Кэннон, — ответила Люсия, — занимает комнату на другом конце галереи. Я велела ей оставаться там и наблюдать за моей дверью, пока Дик не вернется домой, а потом слушать, на случай если… ну, я уже говорила. Никто не входил в эту комнату, кроме самого Дика.

Патрик Батлер, обходительный и никогда не теряющий спокойствия, ощутил, как паника стиснула ему горло, и в прохладной комнате сделалось как-то слишком тепло. Он сражался с наваждениями, словно лев.

— Не мог кто-нибудь прокрасться сюда и отравить воду в графине? Например, через окно?

— Нет, — Люсия с трудом сглотнула, — я бы заметила. Кроме того, ставни обоих окон были заперты изнутри.

— Погодите! Может быть, что-то случилось с краном в ванной?

— Нет. Полиция об этом сразу подумала.

— Все, что я могу вам сказать, — Батлер заверил ее в самой благородной манере, — беспокоиться не о чем. Не переживайте, слышите меня? Предоставьте все мне. Понимаете, миссис Реншоу…

— Вы не могли бы… не могли бы звать меня Люсией?

— А вы не возражаете?

Люсия протянула ему обе руки, и он крепко пожал их. В этой женщине, подумал он, есть и красота, и сила чистого духа, которые передавались в ее рукопожатии. Даже сейчас ее лицо было искренним, почти нежным. Она, подумал он, невинное создание, которое любит жизнь и даже не отпускает от себя старую гувернантку, потому что не в силах расстаться с нею. Люсия…

Внезапный стук в дверь заставил их обоих отскочить друг от друга, словно бы они были в чем-то виноваты. Еще больше волнения, почти истерики, ворвалось в комнату, когда открылась дверь.

В дверном проеме стояла невысокая, опрятно одетая женщина, которая тоже, судя по глазам, недавно плакала от переживаний. Ее мягкие

и пушистые белые волосы не позволяли верно оценить ее возраст: мисс Агнес Кэннон (с Кэннон-Роу), наверное, еще не было и сорока пяти. Белые волосы подчеркивали круглое мягкое лицо с золотым пенсне на носу. Мисс Кэннон прижимала ко рту мокрый от слез носовой платок.

— Мистер Батлер? — произнесла она и, не дожидаясь ответа, продолжила: — У меня для вас сообщение от мистера Денхэма. Он хочет, чтобы вы немедленно спустились.

— Прошу прощения, но, боюсь…

— Пожалуйста, спуститесь! — выпалила мисс Кэннон. — Мистер Денхэм говорит, это ужасно важно. Это… это… из-за полиции.

Глава седьмая

— Вы меня извините? — обратился Батлер к Люсии. — Позже я хотел бы задать еще несколько вопросов.

И он заторопился вниз, одержимый тайной графинов для воды. Он вспомнил — как нелепое совпадение — момент, когда старина Чарли сидел за столом для стряпчих в зале суда и лениво водил пальцем по горлышку тамошнего графина. В остальном разум Батлера был подернут туманом.

Чарльз Денхэм, сидевший на длинном диване в передней гостиной, курил сигарету, неспешно выдувая колечки дыма.

— Ну? — спросил Батлер. — Что случилось?

— Признаюсь, — отозвался Денхэм, — я уже начал терять терпение. Ты провел у миссис Реншоу гораздо больше пяти минут. Так она виновна или нет?

Батлер был озадачен.

— Виновна ли она? — переспросил он.

— Именно.

— Ты что, спятил, Чарли? Эта женщина невин-

на, как святая, сошедшая с небес!

— Ты просто слишком превозносишь слабый пол, — заметил Денхэм. — Заметь, я тоже люблю их! Мне нравятся их манеры, их глаза, их губы. Только я держу их на подобающем им месте, Пат.

— Что за чушь ты несешь?

Смуглое лицо Денхэма даже не дрогнуло под взглядом Батлера.

— Улики против миссис Реншоу, — многозначительно произнес стряпчий, — весомее некуда. Ты можешь продумать защиту?

Батлер не мог. Однако слова вырвались сами, интуитивно:

— Позволь задать тебе всего один вопрос, Чарли. Ты считаешь Люсию Реншоу набитой дурой?

— Напротив. Она очень умная женщина.

— Отлично! В таком случае, если она отравила своего мужа, как, по-твоему, она могла свалять такого дурака, оставив все эти чертовы улики против себя?

— В книжном детективе не могла.

Батлер раскрыл рот, чтобы ответить, но замер. Его осенило, с силой удара в лоб, что он уже где-то слышал раньше точно такие слова. Денхэм поглядывал на него из-за завесы дыма.

— Именно, — прервал его размышления Денхэм. — Мы сейчас говорили цитатами. И то, что я сказал о Люсии Реншоу, ты некоторое время назад говорил о Джойс Эллис. Правда же, все выглядит совсем по-другому, когда ты вдруг оказываешься эмоционально вовлечен в дело?

В его голосе слышалась горечь. Повернувшись на месте, он раздавил окурок в пепельнице на столике у него за спиной. На этом же столике стояли два очень больших серебряных подсвечника, начищенных до блеска, каждый на семь свечей. Их блеск как будто завораживал Патрика Батлера.

— Кто сказал, что я эмоционально вовлечен?

— А разве не так? — спросил Денхэм. — Я как раз пытаюсь это понять.

— Похоже, я недооценивал тебя, Чарли. Боже мой, мне кажется, ты отдал бы что угодно, лишь бы увидеть мой грандиозный провал!

— Нет, нет и нет! — запротестовал Денхэм. И сдался, как обычно.

— Никакого провала не будет, — заявил Батлер. — Разве только когда трава станет красная, а у тебя отрастет борода, которую можно будет трижды обмотать вокруг памятника Нельсону. Между прочим, зачем ты вызвал меня сюда? Что

это за ложь насчет полиции?

— Не совсем полиции, — поправил его Денхэм. — Разреши представить тебе доктора Гидеона Фелла.

Не заметить присутствия в этой комнате доктора Фелла — или, на самом деле, в любой другой комнате — мог лишь человек, который вообще не сознает, что происходит вокруг. Доктор Фелл на всякий случай хмыкнул, желая заявить о себе.

Он стоял рядом с беломраморным камином, опираясь на одну из двух своих тростей, в наброшенной на плечи старой черной пелерине, и по сравнению с доктором Феллом даже Батлер казался маленьким, как казалась маленькой для туловища доктора эта комната. Туловище же венчала широкая красная физиономия под копной седеющих волос, и глазки за стеклами пенсне на широкой черной ленте сияли, глядя на Батлера сверху вниз. Доктор Фелл пребывал в таком восторге, что его красные щеки растянулись, как и многочисленные подбородки, и зубы засверкали под разбойничьими усами.

— Сэр, — протянул он нараспев, — мне не терпелось познакомиться с вами. Ни в коем случае не утверждаю, — здесь доктор Фелл опасно широко взмахнул своей тростью, откинув пе-

лерину, — что ваша тактика в суде хотя бы на мгновение отдавала suggestio falsi[4]. Ничего подобного! Поскольку я сам частенько смешивал доказательства и жизнерадостно препятствовал осуществлению правосудия ради благой цели, то прошу позволения считать вас всего лишь благонамеренным любителем. Сэр, я ваш поклонник!

— Сэр, — отозвался Батлер, мгновенно ощутив расположение и кланяясь так, как мог бы поклониться доктору Джонсону[5], — я полностью в вашем распоряжении!

— Благодарю. — Доктор Фелл так и сиял улыбкой. Он повесил свою трость с загнутой рукоятью на локоть, чтобы потереть руки. — Что ж, приступим к делу?

— Какому делу?

— Убийству Ричарда Реншоу.

Батлер ощутил в сознании укол недоверия, хотя и продолжал улыбаться.

— Доктор Фелл, я знаю вас как старинного друга суперинтенданта Хэдли. Вы здесь по делам

---

[4] Notes: 4

Юридический термин, означающий лживое утверждение, намеренное введение в заблуждение *(лат.)*.

[5] Notes: 5

Имя английского литератора и лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709–1784) стало синонимом мыслителя второй половины XVIII века.

полиции?

— Нет. — Доктор Фелл поглядел на него с несчастным видом. — В данный момент, как это случается нередко, я в немилости у Скотленд-Ярда. Я, видите ли, один из тех, кто верит в невиновность Джойс Эллис.

— Прекрасно! В таком случае вы согласитесь, что сторона обвинения не рассмотрела толком доказательства?

— Сэр, — отвечал доктор Фелл, — доказательства не рассмотрел никто.

На миг повисло молчание. Доктор Фелл пророкотал это изречение с такой простодушной уверенностью, громыхнув по полу металлическим наконечником трости, что Батлер с Денхэмом переглянулись.

— Вот как? — улыбнулся Батлер. — И даже адвокат стороны защиты?

— При всем моем уважении, сэр, даже адвокат стороны защиты. Это было вполне естественно. Вы же искали остроумное объяснение, а не правдивое. Однако же… Архонты Афин! Мне действительно показалось на этом суде, даже при моей рассеянности, — доктор Фелл говорил извиняющимся тоном, — что обе стороны смотрели в небо, пытаясь увидеть корни дерева, и копались

в земле в поисках ветвей. Когда я услышал, что после того был отравлен еще и Ричард Реншоу, не могу сказать, что я сильно удивился.

— Не удивились? Почему же?

— Прежде всего, — пояснил доктор Фелл, — потому, что я ждал, что это произойдет, с высокой долей вероятности.

— Вы ожидали, что мистера Реншоу убьют?

— Ну, — признался доктор Фелл, пугающим образом скосив глаза к носу, — я ожидал, что кого-нибудь убьют. Да какого черта! — проговорил он обиженным тоном человека, который старается рассуждать разумно. — Было вполне вероятно, что кого-нибудь должны убить! Э… я понятно выражаюсь?

— Откровенно говоря, нет, — признался Батлер. — Доктор Фелл, почему вас заинтересовало это дело?

— Массовое убийство, — ответил доктор Фелл. — Позвольте напомнить вам, как я напомнил мистеру Денхэму сегодня, что за последние три месяца произошло девять нераскрытых отравлений в разных частях страны. У меня имеются причины, которыми я не стану вам докучать, не причислять к ним случай с миссис Тейлор. Зато я очень даже причисляю к ним

случай с Ричардом Реншоу. И вместе с ним получается десять.

Массовое убийство с помощью яда. В воображении Батлера сложилась такая чудовищная картина, что он возмутился:

— Послушайте! Вы же не хотите сказать, что все эти случаи связаны?

— Гром и молния, еще как хочу! — проревел доктор Фелл, воспламеняясь и расправляя плечи. — Я признаю, что все это может оказаться лишь моей мрачной фантазией. И все же я отважусь на следующее предположение. Я выскажу догадку, что все эти убийства были совершены — или, по крайней мере, задуманы — одним человеком, одним и тем же.

— Но, бог мой, чего ради?

— Ради удовольствия и выгоды, — пояснил доктор Фелл.

— Минуточку, — вмешался Чарльз Денхэм, подавшись к ним со своего дивана. — Вы хотите сказать, — тут он немного замялся, — что некая преступная организация убивает определенных людей за деньги?

— Нет-нет-нет! — с жаром возразил доктор Фелл. — Организация подобного рода просто не смогла бы действовать в нашей стране.

Доктор Фелл, издавая таинственное внутреннее сипение, поднимавшееся по горным кряжам его жилета и угрожавшее даже сбить с носа пенсне, принялся расхаживать кругами по комнате. Затем он остановился и воздел свою трость.

— Если не я, то Хэдли знает, — продолжал он. — Этот так называемый криминальный мир слишком мал, слишком тесен, там так много доносчиков и утечек информации! Слух о подобном дошел бы до Скотленд-Ярда недели за три, не то что за три месяца. Нет, профессионального преступника мы можем исключить.

И все же, — гнул свое доктор Фелл, снова сделав страшное лицо, чтобы подчеркнуть смысл слов, — какого рода объединение могло бы существовать, скрываясь за завесой молчания? Именно этот вопрос я задаю самому себе, и я с неохотой признаю, что понятия не имею. Как же девять убийств могли произойти без единой улики? Кто смог приобрести яд и не оставить нигде никакой записи об этом? Как…

Тут доктор Фелл умолк.

— О боже! — выдохнул он, надув щеки, а затем выпустив воздух. — О Бахус!

Доктор Фелл пристально глядел вниз на один из больших серебряных подсвечников на столике

позади дивана, словно громадный краснолицый джинн, зависший над микроскопом.

— Что случилось? — довольно резко поинтересовался Денхэм.

Доктор Фелл не ответил. Он поднял канделябр, безукоризненную в своей простоте вещь, какая могла бы найтись в любом зажиточном доме. Перевернув его в руке, он тщательно его осмотрел. Заглянул даже в выемки для свечей. Поскреб внутри ногтем и вынул то, что Батлеру показалось остатками парафина, почерневшего от пыли.

— Доктор Фелл! — произнес рассерженный адвокат, мысли которого были заняты одной Люсией, и потому он не был склонен воспринимать всерьез ученого доктора.

— А?

— Не могли бы мы вернуться к тому человеку, который совершил отравление в этом доме прошлой ночью? Что вам вообще об этом известно?

— Только то, — доктор Фелл водрузил подсвечник на столик, — что леди уже какое-то время хотела получить развод…

— Но это не может стать мотивом!

— Сэр, — отозвался доктор Фелл, мрачно хмурясь, — я не говорю о мотиве. В конце концов,

я знаю, что ее муж вернулся домой и выпил отравленной воды из графина и по какой-то причине миссис Реншоу находилась в ту ночь в его комнате.

— Могу я спросить, от кого вам это известно?

— Боюсь, — прозвучал от двери голос Люсии Реншоу, — боюсь, что от меня. — Она издала нервный смешок. — Я позвонила доктору. Разве я зря это сделала?

Да, еще как зря! Только Патрик Батлер не смог сказать этого вслух.

Он осознал с сердитым разочарованием, что недавнее ощущение душевной близости с Люсией ушло. И этим вечером уже не вернется. Люсия улыбнулась со свойственной ей теплотой всем трем своим гостям.

Теперь она была полностью одета: серая шелковая блузка и черная юбка, серые шелковые чулки и черные туфли. Ее волосы, зачесанные наверх как будто поспешно и без старания, все равно оставались мягкими и блестящими. Если Люсия до сих пор чувствовала себя загнанной в угол и испуганной, то не подавала виду. Позади нее, в дверном проеме, маячило деликатное лицо и пенсне мисс Агнес Кэннон.

— С вашей стороны бесконечно любезно прие-

хать ко мне, доктор Фелл, — искренне произнесла Люсия. — И я не просила бы вас, если бы… да что там, если бы не отчаянное положение, в котором я оказалась. Я уверена, мистер Батлер и мистер Денхэм смогут все уладить. О! А доктора Бирса разве нет?

— Значит, нас четверо, — пробурчал Денхэм, успевший встать с дивана. — Он был здесь, Люсия, — прибавил он вслух, — но ему пришлось уйти. Вечерняя работа.

— О, как жаль! — Люсия явно испытывала угрызения совести. — Я вовсе не хотела причинить ему беспокойство. Просто там, наверху, я была так подавлена и расстроена. Милая Агнес — познакомьтесь с мисс Кэннон — уговорила меня сойти вниз.

«Милая Агнес», гневно подумал Патрик Батлер, заслужила хорошего пинка футбольной бутсой.

— Однако же я хотела поговорить с вами, доктор Фелл, — приступила к делу Люсия, — поскольку вы единственный — не правда ли? — знаете все о преступлениях в запертых комнатах.

— Запертые комнаты! — воскликнул Батлер. — Да где здесь запертые комнаты?

— Конечно, здесь их нет. Только как кто-то сумел отравить воду в графине, когда там не было

никого, кроме меня? Если бы вы выслушали, как именно все случилось, доктор Фелл…

И она рассказала ему.

Батлер, придется это признать, негодовал все сильнее и сильнее. Он скрывал это, принимая все более и более высокомерный вид. Словно желая отгородиться от всего происходящего, он прошелся по комнате и присел у раскрытого секретера.

И все равно, пока Люсия, слегка задыхаясь, продолжала свой рассказ — графин сполоснули и наполнили, яд проглотили под распятьем, Дик Реншоу забился в последних судорогах, — казалось, злобное заклятие отравляет воздух этой комнаты, как еще недавно отравляло комнату наверху.

И Батлер с глубочайшим удовлетворением отметил, что доктор Фелл так же озадачен и смущен, как и он сам. Под конец истории доктор Фелл, теперь возвышавшийся горой в углу дивана, был настолько поражен всем услышанным, что даже Люсия заметила.

— Что такое? — тут же спросила она. — Что-то не так?

— Гром и молния, еще как не так! — просипел доктор Фелл. — Все совершенно неправильно! Знаете, миссис Реншоу, это вовсе не то, чего я

ожидал. — Он взъерошил свои седеющие волосы, и у него как будто появилось несколько дополнительных подбородков. — Я ожидал…

— Чего же?

— Взять хотя бы самый незначительный момент. Насчет характера вашего покойного супруга…

— Не хочу, чтобы вы подумали, будто я не скорблю по нему! — воскликнула Люсия. — Я скорблю.

Внезапно заговорила мисс Агнес Кэннон, стоявшая за креслом Люсии в облаке своих пушистых белых волос, обрамлявших моложавое личико.

— Не стоит тебе о нем скорбеть, моя дорогая, — проговорила мисс Кэннон мягким и учтивым голосом. — Я и раньше тебе говорила: лучше бы он умер.

— Агнес, нельзя так говорить!

— Дик Реншоу был грубиян и транжира, — твердо заявила мисс Кэннон, хотя за стеклами пенсне заблестела пелена слез. — Он бегал за женщинами и жил не по средствам. — И неожиданно она прибавила: — Он был темная личность — трутень, и угорь, и мотылек!

Доктор Фелл захлопал глазами:

— Я… хм!.. прошу прощения?

Патрик Батлер мгновенно вскочил на ноги.

— Этими терминами, доктор, — проговорил он зычно, — наше лейбористское правительство обычно характеризует любого, кто работает головой, а не руками.

В глазах мисс Кэннон загорелся фанатичный огонек, в глазах стоявшего напротив нее Батлера — тоже.

— Правительство, молодой человек, — с сожалением произнесла мисс Кэннон, — не сказать чтобы работало руками.

— Верно, мадам. И головой тоже. Я бы уважал их больше, если бы было иначе.

— Вас надо посадить в тюрьму за речи против правительства! — возмутилась мисс Кэннон. — Мы живем в демократической стране!

— Мадам, — произнес Батлер, закрывая глаза, — ваше замечание столь безукоризненно логично, что его красоту нельзя портить ответом. Я принимаю ваше определение.

— Прекратите! — взревел доктор Фелл. — Что касается меня лично, — продолжал он, смягчившись, когда установилась тишина, — я разделяю чувства мистера Батлера. Если возникнет необходимость, я смогу изложить свои соображения вполне связно, и моего запала хватит, чтобы снести здесь стены. Именно по этой причине нам

нельзя сейчас обсуждать эту тему. Мы принимаем ее слишком близко к сердцу, чтобы говорить разумно. И сейчас — будь оно неладно! — могу я наконец задать миссис Реншоу вполне уместный вопрос, который относится к смерти ее супруга?

Люсия выжидательно кивнула, ее темно-красный рот казался таким живым на зардевшемся лице, и она всем телом подалась вперед в своем кресле.

— Вы велели девушке — хм! — Китти, — начал доктор Фелл, — перестелить постели. А велели вы ей заодно подмести пол и вытереть пыль?

— Подмести и… да зачем вам об этом знать?

— Доверьтесь мне! — взмолился доктор Фелл. — Так велели или нет?

— Я не очень хорошо помню, что ей говорила. Но помню, что она повозила по ковру щеткой, надев на руку мою корзинку для рукоделия, чтобы не забыть. Да, вероятно, она и пыль вытирала.

— Увы и ах! — снисходительно хмыкнула мисс Кэннон, глядя подчеркнуто дружелюбно, чтобы показать: она не испытывает обиды по поводу политической дискуссии. — Сколько бы я ни старалась, так и не смогла сделать из Люсии хорошую хозяйку. Подобными вещами в доме занимаюсь я.

— Ага! — пробормотал доктор Фелл.

— Китти действительно подмела, если так можно сказать, — продолжала мисс Кэннон с уверенностью. — Впрочем, жаль, что меня там уже не было. Дражайшая Люсия едва ли не силой вытолкнула меня из комнаты.

— Агнес, я просто боялась, что Дик может вернуться с минуты на минуту!

— Так вот, Китти поработала отвратительно. Сегодня там было полным-полно пыли, когда я убирала в спальне и ванной. — Мисс Кэннон содрогнулась. — После ухода полиции. Там даже были следы в пыли.

Доктор Фелл внезапно выпрямился под аккомпанемент скрипа и скрежета деревянных деталей, означавших, что всему дивану угрожает опасность.

— Какие следы? — допытывался он.

— На самом деле, сэр, я… ну… — Мисс Кэннон засомневалась. — Я плохо помню.

— Следы до сих пор там?

— Нет, после того как я сделала уборку, их там нет.

— В таком случае, ради всего святого, потрудитесь их описать!

Все в комнате — и кто стоял, и кто сидел —

окаменели. Патрик Батлер у секретера вдруг понял, что успел в какой-то момент схватить отполированный до гладкости и плоский морской камень, служивший пресс-папье. Внезапно ему вспомнилось, как в детстве в Ирландии он мог метнуть тяжелый камень далеко и точно в цель; это он умел до сих пор. С каким удовольствием он зашвырнул бы сейчас вот этот камень, чтобы выпустить пар, прямо в черный центр этой загадки.

— Впечатление было такое, — выцветшие карие глаза мисс Кэннон сощурились за стеклами пенсне, — как будто кто-то рисовал в пыли на подоконнике. Там было два или три рисунка.

— Какой именно формы?

— Как будто перевернутая буква «Т». И наверное, еще с маленьким хвостиком внизу. Не знаю! Не могу сказать наверняка!

Мгновение доктор Фелл сидел неподвижно. Затем, с грандиозным усилием, он засопел, рывком поднимая себя на ноги.

— Миссис Реншоу, — произнес он тем тоном, к какому прибегал крайне редко, — мне бы хотелось, чтобы вы и мистер Батлер поднялись сейчас вместе со мной для совещания в узком кругу. Поверьте, я не просто так прошу об этом.

Чарльз Денхэм и Агнес Кэннон замерли на своих местах, а Люсия повела остальных прочь из гостиной. Она шагала в оцепенении, не произнося ни слова; казалось, губы у нее задрожат, если только она попробует раскрыть рот.

На лестнице доктор Фелл попросил провести их в комнату Дика Реншоу. Люсия молча распахнула дверь и нажала на выключатель.

Тусклая лампа снова вспыхнула на прикроватном столике. Два вытянутых оранжево-желтых пятна засветились в электрическом обогревателе. Едва удостоив комнату взглядом, доктор Фелл старательно прикрыл дверь и развернулся к Люсии и Батлеру.

— Мэм, — произнес он веско, обращаясь к Люсии, — прошу вас сейчас принять во внимание тот факт, что я неуклюжий старый олух. Я страдаю, так уж вышло, от рассеянности. Я способен взять в гостях чайник из веджвудского фарфора и уронить на пол перед камином в твердой уверенности, что ставлю его на стол. Однако лучше вы услышите это от меня, чем от старшего инспектора Сомса.

— Минуточку! — начал Батлер, но доктор Фелл жестом заставил его умолкнуть.

— Я хочу сказать вам об этом, — продолжал док-

тор, обращаясь к Люсии, — в присутствии вашего адвоката и с его позволения. Ради себя самой, не лгите мне. Полиция только начала расследование. Они с бесконечным терпением изобличают ложь. — От умоляющего выражения физиономия доктора Фелла перекосилась. — Миссис Реншоу, есть ли у вас в доме сурьма?

— Нет! — в ужасе выкрикнула Люсия.

— Вы когда-либо покупали или пытались купить ее? В любое время в прошлом?

— Никогда!

Люсия, не замечая того, взяла за руку Батлера, и снова обоих захлестнуло ощущение душевной близости.

— Это само по себе, — сухо вставил Батлер, — твердокаменное основание для защиты. Вы не отправите в тюрьму даже Сатану, если не докажете, что у него имелся доступ к яду.

— Сэр, — произнес доктор Фелл с укоризной и легким изумлением, — неужели даже вы не сознаете всей опасности ситуации?

— Разумеется, сознаю! Но даже если остается призрачный шанс, что Люсию арестуют, — Батлер успокаивающе поглядел на нее, — я сумею добиться ее оправдания.

— Допустим, сумеете. Но решит ли это нашу

проблему?

Батлер с изумлением понял, что до сих пор сжимает каменное пресс-папье, захваченное из секретера внизу. Он уставился на него пустым взглядом, как глядел и на доктора Фелла, а затем опустил пресс-папье в карман.

— Предположим, — продолжал доктор Фелл, яростно выделяя каждое слово, — вы изобретете объяснение — либо вы, либо я наверняка сможем! — как именно яд попал в графин. Предположим, вы обеспечите миссис Реншоу триумфальное оправдание. Но неужели вы не видите, что над ней нависает еще одно обвинение?

— Еще одно обвинение? Какое такое обвинение?

— В убийстве миссис Тейлор.

Глава восьмая

Секунд десять Люсия Реншоу, похоже, не понимала.

Затем ее изящная рука с розовыми ноготками выскользнула из руки Батлера, как будто все тело разом обмякло. Она медленно попятилась от доктора Фелла, странно съежившись для такой рослой и грациозной женщины.

Она отступила к одной из стоящих рядом кроватей, начала опускаться на нее, но внезапно в ужасе развернулась, убеждаясь, что это не та кровать, на которой скончался Дик Реншоу, только тогда она села, опираясь ладонями о матрас для надежности.

— Миссис Тейлор? — едва не закричала Люсия. — Тети Милдред?

Доктор Фелл кивнул.

— Но это же г-глупость какая-то! — запротестовала Люсия с видом ребенка, который протянул руку к огню, сомневаясь, обжигает ли он. — Это смехотворно! Все это уже было и прошло!

— Боюсь, ничего еще не прошло. После Джойс Эллис вы с самого начала были главной подо-

зреваемой.

— Откуда вам это известно? — быстро спросил Батлер.

— Дорогой мой! — проворчал доктор Фелл то ли утомленно, то ли раздраженно. — Я знаком с этим делом изнутри с самого начала. Я ведь, кажется, упоминал, как меня вышвырнули из кабинета Хэдли, когда я попытался бестолково объяснить, что на самом деле имею в виду? Затем Джойс Эллис оправдали. Кто-то снова переключил внимание полиции на вас.

Теперь голос Люсии звучал не громче шепота:

— Кто снова переключил внимание полиции на меня?

— Мистер Батлер, — ответил доктор Фелл. — Он доказал, к полному удовлетворению присяжных, что запертый дом на самом деле вовсе не был заперт. Он доказал, что в него мог попасть посторонний. Он доказал много всего, что еще опаснее для вас.

«И я сделал это, подтасовав факты. Сама Джойс все время твердила в личных беседах, что задняя дверь всю ночь была на замке».

— Миссис Реншоу, вы позволите обрисовать дело так, как оно, вероятно, видится полиции? — продолжал доктор Фелл.

Батлер не смотрел на Люсию, когда та подняла голову. Однако он напрягся в боевой готовности.

— Прежде чем я позволю вам задавать вопросы, доктор Фелл, вы на чьей стороне?

— Стороне?

— Вы бежите вместе с зайцем или же охотитесь с гончими? Вы либо за нас, либо против нас. Так как же?

— Послушайте, — произнес доктор Фелл, потирая лоб под копной растрепанных волос. — Все это дело слишком запутанное, чтобы свести все к простому «да» или «нет». Если мне удастся прояснить несколько моментов, я целиком и полностью на вашей стороне. Однако, наверное, мне лучше уйти. — Он рассматривал распятие на стене. — Я в полном смятении.

— Нет! — воскликнула Люсия. — Прошу вас! Патрик! Пусть он расскажет нам!

Батлер пожал плечами. Доктор Фелл внимательно смотрел на Люсию, которая, словно во сне, с недоверием повторяла вполголоса: «Главная подозреваемая» и «Убила тетю Милдред?» — как будто шла по долине, полной змей, не замечая ни одной. Доктор Фелл прокашлялся.

— Вы говорили полиции сегодня, что давно хотели развода?

— Да!

— Правда ли то, что сказала мисс Кэннон: ваш муж жил не по средствам?

— Дик никогда не говорил со мной о деньгах. Но я думаю, что у него есть долги.

— Гм, да. И вы были — будь оно неладно! — полностью зависимы от него в смысле финансовой поддержки? Или у вас имеются собственные деньги?

Голубые глаза широко распахнулись.

— Нет. Ни монетки. И никогда не было.

— В таком случае, если бы вы просто собрались и ушли от него, у вас бы не осталось никаких средств?

— Нет, я… полагаю, нет. Я никогда об этом не думала. Кроме того, Дик ни за что не позволил бы мне уйти от него.

— Еще нам известно, — не отступал от темы доктор Фелл, стараясь скрыть смущение под свирепой физиономией, — что вы с мужем были единственными родственниками миссис Тейлор. Если точнее, вы были ее единственной родственницей. И ее наследницей.

Люсия оцепенела. Но ничего не ответила.

— Сегодня, до того, как мистер Батлер спустился в гостиную, я успел перемолвиться с молодым

Денхэмом по поводу завещания миссис Тейлор. Вы унаследовали три объекта недвижимости: дом миссис Тейлор, который называется «Приорат», этот дом, «Дом аббата», и еще третий дом, «Часовню». Какой любопытный религиозный призвук во всех этих названиях, вы не находите?

Люсия лишь мотнула головой, словно отмахиваясь от неуместного вопроса, и, кажется, уже едва дышала.

— Наличными и в ценных бумагах, после вычета всех налогов, — продолжал доктор Фелл, — вы получите пятьдесят тысяч фунтов. Подобная сумма освобождает любую женщину от зависимости от мужа.

— Доктор Фелл! Вы же не думаете, что я… о нет!

— В день, предшествовавший смерти миссис Тейлор, — гнул свое доктор Фелл, — вы, как я понимаю, нанесли ей неожиданный визит?

— Да! Но…

— У вас не было привычки навещать тетушку в Бэлхэме, верно?

— М-можно так сказать. Но я навещала, когда могла. Она была старая и одинокая.

— Пока вы беседовали с ней, миссис Тейлор упоминала, что ей нужны соли Немо, и возмущалась

их отсутствию в доме? Вы не помните, слышали ли от тетушки о чем-то подобном?

Люсия замялась.

— Да, она что-то такое говорила. Только я пропустила все это мимо ушей.

— Видите ли, — пророкотал доктор Фелл, снова горестно разводя руками, — доктор Бирс может подтвердить, что разговор об этом был. И кстати, вам было известно о том, что в конюшне, в жестяной коробке, хранится сурьма?

— Не отвечайте на этот вопрос! — отрезал Патрик Батлер.

— Но я же знала об этом, — прошептала Люсия. — Билл Гриффитс, кучер, всем об этом рассказывал. Предупреждал об опасности.

— Давайте вернемся в утро после смерти миссис Тейлор, — продолжал доктор Фелл, подражая интонациям — неужели нарочно? — какие использовал Батлер в зале суда. — Теперь нам известно, что ключа в замочной скважине задней двери не было. Нам известно, что он лежал под дверью, в коридоре. Мистер Батлер доказал…

— Погодите минутку! — воскликнул Батлер. — Это было…

— Было что? — резко переспросил доктор Фелл.

«Я не могу сказать им, что это была неправда. Не могу сказать, что эту ложь я изобрел сам и вложил в уста Джойс Эллис. Не могу сказать им, что ключ на самом деле всю ночь был в замочной скважине».

— Так что вы хотели сказать, сэр? — уточнил доктор Фелл с безукоризненной учтивостью.

— Ничего такого. Простите.

— Таким образом, — доктор Фелл повернулся к Люсии Реншоу, — дело получается ясное. Кому-то — кому-то постороннему — достаточно было взять карандаш и вытолкнуть ключ из замка. После чего дверь можно было открыть, а затем запереть другим ключом. Мистер Батлер доказал…

(«Господь всемогущий, к чему же все это ведет? Что за чувства отразились во взгляде Люсии сейчас, когда она посмотрела на меня?»)

— …Что это был ключ от замка «Грирсон», — говорил доктор Фелл. — В задней двери этого дома ведь тоже грирсоновский замок, миссис Реншоу?

— Я не знаю! Не знаю!

— Что ж, к сожалению, так и есть. Получается, подходящий ключ у вас имеется. Конечно, совсем другое дело, если вы сможете рассказать, где были ночью с двадцать второго на двадцать третье февраля. Где вы были тогда?

— Здесь! В доме!

— У вас есть свидетели, которые могут это подтвердить?

— Нет. Дик уехал по своим делам за день до того, двадцать первого февраля… — Люсия внезапно осеклась, в глазах у нее отразился ужас, розовые ногти впились в щеки. — Дик же умер, — сказала она. — Я забыла.

— А ваше алиби не могут подтвердить, скажем, слуги?

— Нет. В этой части света четверг у прислуги выходной день, все они вернулись уже за полночь.

— В таком случае, показания мисс Кэннон?

— Бедняжка Агнес… скажем так, она платная компаньонка. Дик хотел от нее избавиться. У нее по четвергам тоже выходной. — (Наступила тишина.) — Но я не смогла бы убить Дика! — закричала Люсия, словно цепляясь за соломинку. — Ведь об этом же было сказано минуту назад! У меня не было никакого яда!

— Мэм, есть еще некий факт, о котором я обязан сообщить вам. На суде об этом не говорилось, поскольку полиция вполне справедливо решила, что к тому делу это не имеет отношения.

— И что же?

Доктор Фелл принялся сопеть так, словно вернулся с пробежки.

— Билл Гриффитс, кучер, показал, что из жестянки пропало больше четырех чайных ложек сурьмы. Это в два раза больше того, что проглотила миссис Тейлор. Убийца сохранил про запас приличную дозу.

Доктор Фелл не оставил Люсии времени, чтобы сказать что-нибудь, даже если бы она хотела.

— Вы только что обмолвились, миссис Реншоу, что ваш муж «ни за что не позволил бы» вам уйти. Почему нет?

— Если бы я не принадлежала ему, — золотистые волосы Люсии блеснули, когда она опустила голову, глядя в пол, — то не принадлежала бы никому.

— Вы его боялись?

— До ужаса!

— Пока мы были внизу, вы сказали мне и, вероятно, мистеру Батлеру, цитируя Ричарда Реншоу: «Если ты не достанешь доказательства моей измены, а ты не достанешь, о разводе можешь забыть, ты же знаешь, что сталось с твоими частными шпиками, когда ты попыталась».

— Да, — шепотом подтвердила Люсия. Она по-прежнему не поднимала головы.

— Что он имел в виду?

— За это мне особенно стыдно. Как раз этого я по-настоящему и до ужаса стыжусь. — Грудь Люсии бурно вздымалась и опадала под серой шелковой блузой. — Но что тут поделать?! Я наняла частных детективов в одной компании, чтобы… вы ведь понимаете… проследить за ним.

— И?..

— И примерно через неделю они мне написали и сообщили, что больше не будут заниматься моим делом, однако причины не назвали. Я наняла других. И вскоре ко мне пришел человек и сказал, что они отказываются от работы. В конце концов мне удалось выудить из него правду.

— И что же? В чем было дело?

— Одного из их оперативников, или как они называются, так сильно избили кастетом, что он до сих пор в больнице.

В этом деле как будто незримый кулак расшвыривал человеческие жизни, как будто из катапульты вырывались злые силы, о каких они и помыслить не могли. Однако доктор Фелл, похоже, нисколько не удивился.

— В таком случае вы бы никогда не освободились от мужа. Или думали, что не освободитесь?

Люсия проговорила несчастным голосом:

— Да, я так и думала.

— И потому для обретения настоящей независимости яд был так же необходим, как и пятьдесят тысяч фунтов. И вы убили своего мужа, как убили миссис Тейлор. Боюсь, именно таким, в общих чертах, будет обвинение против вас.

Тишина.

Люсия, сидевшая на краю кровати, упираясь в матрас ладонями, вроде бы рассматривала свои скрещенные лодыжки. Ее глаз они не видели, зато видели, как по щекам покатились две слезинки. Затем она подняла голову, и свет заиграл на ее волосах. Голубые глаза с тяжелыми веками взирали на собеседников в немой мольбе.

Хотя Патрик Батлер ни секунды не сомневался в ее невиновности — а он, как он сам сказал бы, никогда не ошибается, — его уверенность еще возросла, и воспрянула, и воодушевилась из-за этого выражения на лице Люсии сейчас. Его сердце рвалось к ней — из любви, из жалости, и еще из такого смирения, какого он не испытывал никогда в жизни.

Однако Люсия смотрела на доктора Фелла.

— И вы думаете обо мне так же? — спросила она с недоумением. — На самом деле вы такого обо мне мнения?

— Нет, нет и нет! — поспешно проговорил доктор Фелл, совершая такие гипнотические пассы, что пелерина взлетела над плечами.

— Тогда почему же вы…

— Черт, разве я не объяснил? Это то обвинение, какое может выдвинуть против вас полиция. — Его тон переменился. — Однако с одним моментом я согласен. Эти две смерти, миссис Тейлор и мистера Реншоу, являются взаимосвязанными частями одного преступления. Они зависят друг от друга. И за ними обеими стоит один и тот же убийца.

— Но… что вы думаете? — спросила Люсия. — Вы сказали, когда проясните кое-какие моменты, то будете знать, что обо мне думать. Скажите же мне!

— Моя дорогая леди! — Доктор Фелл был чем-то огорошен. — Я еще не задал вам ни единого вопроса о том, что интересует меня больше всего остального!

— Вы… что?

— Нет, нет, нет и еще раз нет! — заверил он ее с серьезным видом. — Всего два вопроса заслоняют и затеняют собой все остальное. Гром и молния, именно так!

— Так что же это за вопросы?

— Вы присутствовали на суде в первый день, — произнес доктор Фелл, скривив лицо. — Вы слышали показания Элис Гриффитс, горничной миссис Тейлор. Она сказала, что у вас с миссис Тейлор, когда вы заходили навестить ее, возникла размолвка из-за религии. Что она имела в виду?

Люсия, явно до сих пор ошеломленная и потрясенная, была озадачена не меньше, чем Патрик Батлер.

— Из-за религии? — эхом отозвалась Люсия.

— Да!

— Но я не могу вспомнить… погодите! — В глазах Люсии быстро промелькнуло какое-то странное выражение. — Тетя Милдред точно говорила что-то о желании присоединиться к Римско-католической церкви.

Доктор Фелл оторопел. Он захлопал глазами, крепко сжимая свое пенсне на черной ленте.

— Вы в этом уверены? — переспросил он, тяжело дыша. — Вы уверены, что миссис Тейлор использовала термин «католическая церковь»?

— Ну, так я ее поняла. Тетя Милдред была милая, только у нее было очень странное чувство юмора — например, она называла доктора Бирса

Амброзом[6], — и каждый раз когда она шутила, то обязательно широко ухмылялась и скалилась по-волчьи. Я сказала, что мы принадлежим к англиканской церкви, разумеется!

— Мой последний вопрос, — произнес доктор Фелл. Он пристально глядел на нее. — Леди в наше время все еще носят подвязки?

«Старик, похоже, спятил! Или нет?»

— Да что вы… — начала Люсия, словно готовая обрушить на него ошеломленный поток слов. Но затем остановилась. — На самом деле нет, не носят, — сухо произнесла Люсия, — только если не удастся купить пояс для чулок. Но подвязок давно уже не носят.

— И даже, — не отступал доктор Фелл, — красных подвязок?

В этот момент Патрик Батлер яростно замахал руками, призывая их к тишине.

Уже какое-то время Батлер не столько понимал, сколько ощущал животным чутьем, что кто-то подглядывает или подслушивает за дверью. И ощущение становилось все сильнее, поскольку он вроде бы оказался исключенным из разговора. Глядя на дверь, выходившую на галерею,

---

[6] Notes: 6

Амброз Бирс (1842–1914?) — американский писатель и журналист. Одна из его книг называется «Словарь Сатаны».

где сейчас горел свет, он заметил, как замочную скважину заслонила какая-то тень. Чувствуя себя глуповато, словно герой фарса, но сгорая от любопытства, он прокрался вдоль стены к двери и резко распахнул ее.

За дверью, согнувшись пополам, чтобы подслушивать, обнаружилась всего-навсего Китти Оуэн, горничная. Китти распрямилась, нисколько не смущенная.

— Да, Китти? — произнесла Люсия таким обыденным тоном, словно горничная просто постучала в дверь. Люсия поднялась с места. — В чем дело?

— Я искала вашу корзинку для рукоделия, мэм. Можно мне войти и посмотреть здесь?

— Да, конечно.

Китти поправила кружевную наколку. Что отразилось в ее взгляде, когда она посмотрела на Люсию, бочком протискиваясь в комнату? Неприязнь? Нет. Чувство превосходства? Может быть. Батлер, чем-то смутно встревоженный, попытался подыскать определение.

Все это время Люсия не смотрела на него.

— Китти, — пояснила она, ни к кому не обращаясь, — обожает вязать. А я на самом деле не люблю. Она таскает эту корзинку по дому, словно

какое-то сокровище, и заканчивает все, что я начинаю. Но книг сюда ей приносить нельзя. Мисс Кэннон не велит. Ты нашла корзинку, Китти?

Китти достала большую серо-зеленую корзинку с рукодельем из-за комода, куда она, очевидно, упала.

— Да, мэм. Я довяжу свитер, если вы не возражаете.

— Конечно, очень хорошо. Беги.

Китти убежала. Однако, на секунду задержавшись перед Батлером, она подняла на него живые темно-карие глаза с тем же ошеломленным и испуганным выражением, как в тот момент, когда она впускала его в дом.

— Вы мне так напоминаете мистера Реншоу! — сказала Китти, и дверь за ней мягко защелкнулась, когда она торопливо вышла.

Люсия, стоя теперь посреди комнаты, выглядела опасно похожей на женщину на грани нервного срыва.

— Уверена, — проговорила Люсия, — вы меня извините, если я больше не стану слушать ни слова о том, как я виновата. Доктор Фелл…

Она резко оборвала себя, не обнаружив его на том месте, где он только что стоял. Теперь было видно лишь что-то похожее на гигантскую чер-

ную палатку, увенчанную копной растрепанных волос, потому что доктор Фелл стоял между кроватями и, часто моргая, смотрел сверху вниз на графин на прикроватном столике.

Сдвинувшись вбок, Батлер снова взглянул на этот чертов графин. Воды там было чуть больше дюйма, полной микроскопических пузырьков воздуха, блестевших на свету, но она была все такой же смертоносной.

— Мэм, — пробурчал доктор Фелл, не оборачиваясь, — а ваш муж выпил именно столько воды, сколько недостает в этом графине?

— Нет, что вы! Полиция забрала почти все для анализа. Именно поэтому я и знаю, что там была сурьма. Старший инспектор сообщил мне сегодня днем. И это последний вопрос, на который я отвечаю, сегодня и впредь.

Батлер сделал еще несколько шагов и повернулся к ней лицом:

— Послушайте, Люсия…

— Я была бы рада, мистер Батлер, — произнесла Люсия негромко, — если бы вы больше не вмешивались в мои дела.

Батлер, хотя и ощутивший себя так, словно она дала ему оплеуху, подумал, что понимает ее вполне. Она, разумеется, на грани истерики.

Любая женщина вела бы себя точно так.

— Выслушайте меня, пожалуйста. — Он говорил мягко. — В случае с убийством миссис Тейлор нет и доли прямого свидетельства против вас. Конечно, выглядит все не очень…

— Да. И кто сделал так, что все выглядит не очень?

Сердце Батлера упало, хотя он сохранил бесстрастное выражение лица.

— Я в самом деле вас не понимаю.

— «Мистер Батлер доказал», — передразнивая, изобразила она. — «Мистер Батлер доказал». Я подумала: если услышу это еще раз, то уже закричу. Вы ведь ловко загнали меня в угол, не так ли?

— Моя профессиональная обязанность — защищать клиента.

— Нападая на меня?

— Неужели у вас сложилось впечатление, что я нападал на вас?

— А разве нет? Разве не вы привели своих свидетелей, чтобы они лгали?

— Вы… Не стоило вам задавать этот вопрос, миссис Реншоу. Поскольку дело затрагивает профессиональную этику…

— Ненавижу вас! — вспылила Люсия, и ее глаза снова наполнились слезами. — Вы тоже против

меня!

— О, не глупите!

— Как смешно! — выдохнула Люсия легкомысленным тоном светской дамы, не сводя взгляда с потолка. — Так, значит, теперь я еще и глупая!

— Прошу прощения. Но вам, может быть, будет интересно узнать, что я нарушил неписаный закон, просто придя сюда.

— Как интересно!

— Да, еще как! — Батлер заскрежетал зубами. — Эту работу делает стряпчий. Адвокат дает советы исключительно через стряпчего. Я пришел сюда потому — даже не знаю! — с благотворительной целью…

— Ну так убирайтесь! — выкрикнула Люсия.

Патрик Батлер чопорно поклонился. Ослепленный гневом, но с ноющей болью в сердце, потому что Люсия никогда еще не казалась ему такой желанной, он вышел и с убийственным старанием закрыл за собой дверь. Медленно спустившись на первый этаж, он увидел холл всего лишь как размытое пятно тусклого света и роскошной мебели.

Однако он заметил брошенные на один стул собственные пальто и шляпу. Медленно натянул пальто, словно спина и плечи болели. Шагнув в

коридор, ведущий в переднюю, он увидел Чарльза Денхэма — тоже в пальто и с аккуратным котелком в руке, — который с сомнением топтался перед парадной дверью.

— Достаточно для одного вечера? — негромко поинтересовался Денхэм.

— А? О! Да.

— Как и доктору Бирсу, — продолжал Денхэм, открывая парадную дверь, — мне кажется, что я здесь не нужен. Пат, уже полвосьмого. Мне бы поужинать.

— А мне бы, — отозвался Батлер, — пропустить стаканчиков шестнадцать.

Колючий воздух с привкусом сырости сомкнулся вокруг них, как только они ступили за порог. Денхэм захлопнул дверь и быстро взглянул на своего компаньона.

— Итак, ты уже увидел Люсию насквозь? — поинтересовался Денхэм.

— Эта женщина виновна не больше тебя! — отрезал Батлер.

— О, не сомневаюсь. — Денхэм говорил примирительным тоном. — Но давай смотреть фактам в лицо, Пат. Она законченная эгоистка, и души в ней не больше, чем…

Его взгляд блуждал по твердому асфальтовому

покрытию дороги за забором из тонких досок. Батлер оценил выражение его лица.

— Это ложь!

— Мне показалось, она пришлась тебе по душе. Но неужели ты готов защищать ее в таком безнадежном деле?

По бокам от дома, встречаясь у деревянного забора перед ним, тянулись две невысокие каменные стенки, опутанные плетями засохших роз. На стенку слева какой-то мальчишка с замашками декоратора водрузил пустую жестяную банку, в которой вполне могли бы храниться соли Немо. Батлер заметил, как она тускло блеснула в свете уличного фонаря.

— Я буду ее защищать, обязательно, — отчеканил он. — И я лишь надеюсь, что в кресле судьи снова будет судья — черт бы его побрал! — Стоунмен.

— Вот только такая жалость, — пробормотал Денхэм. — Ты же предпочитаешь, чтобы твои клиенты были виновны.

— Слушай, я всего лишь сказал…

— Ведь какая доблесть — или радость — в том, чтобы защищать невиновного?

Как раз в этот момент Батлер, поправляя пальто, обнаружил во внутреннем кармане гладкий,

полированный камень из секретера. Он вынул его и взвесил на руке. И подумал с каким-то отстраненным бешенством, не метнуть ли ему этот камень и не сбить ли жестянку со стены.

— Между нами, Пат: как именно ты намерен защищать Люсию?

— Не знаю.

— Что, даже намека на идею?

— Пока что нет!

Чарльз Денхэм захохотал.

Батлер, все еще впиваясь взглядом в жестянку на стене, развернулся к нему:

— Что тут, черт побери, такого смешного?

— Прошу прощения. Ничего смешного. Только единственный клиент, о невиновности которого ты знаешь, — единственный клиент, которого ты не можешь оправдать!

Патрик Батлер швырнул камень, вложив в удар всю свою силу. Жестянка, в которую он попал четко, загромыхала, отлетев далеко, камень покатился по дороге. Откуда-то из сухих розовых кустов раздался негодующий кошачий вопль.

В тот вечер Батлер напился. В одиннадцать часов, когда он вливал в себя разбавленный виски в клубе «Синий пес» на Беркли-сквер, Люсия Реншоу у себя дома раздевалась, чтобы лечь в

постель. В спальне Люсии было полно зеркал, и ее многочисленные отражения присели вместе с ней, чтобы снять чулки.

Чулки были натянуты на несколько дюймов выше колена и закреплены небольшими круглыми подвязками красного цвета. Прежде чем стянуть их, Люсия задумчиво поглядела на собственное отражение в высоком зеркале.

Глава девятая

Что ж, с Люсией Реншоу покончено! Покончено со всем этим делом! Хватит с него!

Когда на следующее утро Батлер с ужасной головной болью спустился к завтраку, он вспомнил это решение, принятое накануне ночью. Виски подсказал ему, что он не потерпит пренебрежения и оскорблений в свой адрес ни от кого — он Патрик Батлер, видит Бог! — и пусть эта женщина ищет себе адвоката где-нибудь еще. В столовой его ждала миссис Пастернак, его старинная экономка.

— Доброе утро, миссис Пастернак.

— Доброе утро, сэр. Я взяла на себя смелость…

— Миссис Пастернак, — прервал ее хозяин, ощущая вспышки боли перед глазами, — все встречи, назначенные на сегодня, отменяются. Не хочу говорить даже с секретарем. Если кто-нибудь позвонит, меня нет дома. И на этом все, благодарю вас.

Миссис Пастернак смутилась, однако она давно его знала.

— Очень хорошо, сэр.

Батлер жил в старинном солидном доме на Кливленд-Роу, который выходил фасадом на бывший Музей конюшенного двора. Окна в это сырое утро заволакивала пелена тумана. Поскольку шел уже десятый час, свет, отопление и газ полагалось отключить, и маленькая столовая восемнадцатого века была как будто подернута инеем.

На тарелке Батлера лежали две сосиски. В основном они состоят из муки, а не из мяса, — он ощутил отвращение. Наливая себе чай, который, по крайней мере, был горячим, он бросил рассеянный взгляд на несколько писем, положенных рядом с тарелкой. Он взял верхнее письмо в сером конверте, надписанное карандашом большими печатными буквами.

Он развернул его и прочел короткое сообщение, тоже печатными буквами:

НЕ ЛЕЗЬ В ДЕЛО РЕНШОУ. ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Батлер выпрямился на стуле. Челюсть у него выдвинулась вперед, улыбка, довольная и не предвещающая ничего хорошего, искривила губы, согревая душу.

— Ну-ну! — пробурчал он, взбодрившись.

В столовой стоял телефон. Допив чай и налив себе еще чашку, Батлер понес ее к телефону, где в

справочнике нашел номер Люсии и набрал его.

— Могу я поговорить с миссис Реншоу?

— Боюсь, что нет, — ответил безошибочно узнаваемый голос мисс Кэннон. — А кто говорит?

— Это мистер Батлер, милашка, — объявил этот достойный джентльмен с нескрываемым дублинским акцентом. — И подайте ее к трубке немедленно, без лишних глупостей!

На другом конце провода послышалось что-то похожее на звуки борьбы.

— Патрик, — прорвался голос Люсии. Он был нежным, задушевным и доверительным, словно прикосновение. В нем угадывалось извинение и раскаяние. — Я как раз думала позвонить вам. Сказать, какой ужасно неблагодарной скотиной я была вчера!

— Больше ни слова об этом. Вы были в расстроенных чувствах.

— Если бы я могла как-нибудь это загладить!..

Сердце Батлера пело от счастья.

— Вы можете, — заверил он. — Сегодня вы обедаете со мной.

Повисла пауза, затем снова какая-то негромкая возня, похожая на борьбу, с чьим-то бубнящим голосом на заднем плане.

— О, я не могу. — Люсия ответила таким тоном,

который подразумевал: «Прошу вас, уговорите же меня!»

— Почему не можете?

— Ну как же! Ведь… Дик же умер…

— Вы ненавидели эту сволочь, и вы это знаете. Наденьте свое лучшее платье по такому случаю. Встретимся с вами в фойе «Клариджа», у входа в маленький ресторан под лестницей, в половине первого.

Он ясно представил себе Люсию, услышав нотку томления в ее голосе.

— Возможно, у меня получится, — призналась она.

— Отлично! И еще одно. — Глаза его сияли. — Вы вчера упоминали о частном детективном агентстве, в которое обращались. Одного из их сотрудников, выполнявшего ваше задание, избили кастетом. Это ваш муж избил этого человека?

— Боже упаси, нет! Дик… не такой тип.

— Я так и подумал. Он нанял для грязной работы кого-то другого. Что ж, может быть, мне удастся узнать что-нибудь в этом детективном агентстве. Вы не скажете мне название и адрес?

В голосе Люсии послышалась неуверенность:

— Адреса я не помню, но это на Шафтсбери-авеню. Называется просто «Смит и Смит. Конфиден-

циальность гарантирована». Вы можете их найти в телефонном справочнике. Но для чего они вам понадобились?

— Просто подумал о возможном направлении расследования. Значит, в половине первого в «Клариджe»?

— В «Клариджe», — выдохнула Люсия, — в половине первого.

Батлер, повесив на рычаг телефонную трубку, был так счастлив, что едва не пустился в пляс от радости. И если он этого не сделал, то только потому, что подчинялся (внешне) традициям с тех пор, как был принят в коллегию адвокатов. Вместо того он с видимым удовольствием съел невозможные сосиски, съел намазанный маслом хлеб и запил все чаем. Миссис Пастернак, наблюдавшая за ним через открытую дверь, сочла момент походящим, когда он покончил с завтраком.

— Прошу прощения, сэр, — миссис Пастернак проскользнула в столовую. — Я взяла на себя смелость попросить юную леди подождать в библиотеке.

— Попросить… что?

— Сэр, юная леди, — повторила миссис Пастернак, едва заметно выделив голосом последнее

слово. Миссис Пастернак вовсе не была моралисткой. Однако те леди, которых она именовала «особами», примерно в этот утренний час скорее покидали жилище мистера Батлера, чем пытались в него войти.

— Кто она такая?

— Некая мисс Джойс Эллис, сэр.

Черт! Раздраженно отшвырнув в сторону салфетку, Батлер вскочил, словно взбешенный школяр. Разве он уже не распрощался с этой инфернальной девушкой раз и навсегда? И все же… она по-своему привлекательна. Он изумился, когда в его больной голове промелькнуло воспоминание, что она даже снилась ему этой ночью. Вероятно, она пришла извиниться за свое поведение в кофейне.

— Я ее приму, — сказал он миссис Пастернак.

Через коридор от столовой находилась небольшая библиотека, стены которой хранили почти такую же богатую коллекцию книг по криминалистике, как и библиотека доктора Гидеона Фелла. Из-за белесого тумана, льнувшего к окнам, книги казались выцветшими, подставка для дров — потемневшей, а кожаные кресла превратились в провалы теней.

Джойс, сидевшая у небольшого стола и лениво

листавшая страницы «Процесса над Аделаидой Бартлетт»[7], вскочила с места, когда он вошел.

— Простите, что потревожила вас, — произнесла Джойс самым искренним тоном. — Я понимаю, что уже надоела вам.

Батлер был само радушие.

— Надоела? — фыркнул он. — Ей-ей, да чего там, как вы мо… — Он умолк на полуслове, потому что Джойс сверлила его взглядом.

«Мне плевать, что вы там несете, — говорили ее глаза так же ясно, как если бы она произнесла это вслух, — мне плевать даже, что вы делаете. Только хватит, хватит, хватит уже этого нарочитого говора».

Волна горечи, направленная против него, затопила Патрика Батлера, вызвав удивление. Вероятно, он снова заигрался; он не знал. Только эта горечь была с зазубренными краями, колючая. Он пододвинул кресло поближе к Джойс и сел.

— Я просто болван, не так ли?

— Нет! — резко возразила Джойс. Взгляд ее смягчился. — Этот как раз то, что делает вас… что делает вас собой.

---

[7] Notes: 7

Аделаида Бартлетт (1855–?) проходила по одному из самых громких судебных дел Викторианской эпохи. Ее обвиняли в отравлении мужа, но оправдали.

— Впрочем, ладно, черт с ним!

— Я пришла к вам, — негромко начала Джойс, — потому что знаю, каким делом вы занимаетесь. И мне кажется, я могу вам помочь.

Батлер сел прямо, позабыв о своем позерстве:

— Вам известно, чем я занимаюсь?

— Да. Вчера в вечерних газетах писали, что мистер Реншоу был отравлен.

— Но даже если так…

— Мистер Денхэм, — Джойс положила на стол «Процесс над Аделаидой Бартлетт», — мистер Денхэм приезжал в тюрьму Холлоуэй. Он знал, что мне придется вернуться туда, чтобы забрать немногочисленные пожитки из… моей камеры. Он подумал, я сообщу кому-то из «матрон», куда переехала.

— Но когда это старина Чарли успел? Он же был со мной до самого ужина!

— После того, как ушел от вас. И так получилось, у старшей надзирательницы есть сестра, которая содержит пансион в Блумсбери, она позвонила, чтобы меня поселили там, и мистер Денхэм нашел меня в пансионе. — Джойс замялась. — Мистер Денхэм…

— Так вот что случилось со стариной Чарли!

— Ничего не случилось! — спешно заверила

его Джойс. — Он говорил со мной, люди часто со мной говорят. — Джойс скривила губы, но это все равно были красивые губы. — В общем, я узнала, что вы готовы защищать миссис Реншоу, и подумала, что смогу помочь вам.

— Каким образом?

Джойс подалась к нему. Она по-прежнему была в своем мешковатом костюме и желтом свитере, как и накануне, только без дождевика. Зато она успела побывать у парикмахера, и от нее веяло ароматом, не похожим уже на резкий запах дезинфицирующего тюремного мыла.

— Вы хотите знать, — произнесла Джойс, встряхнув блестящими черными волосами, — каков мотив этих убийств.

— Само собой!

— Я почти два года прожила у миссис Тейлор, — продолжала Джойс, вцепившись в подлокотник кожаного кресла. — Она мне нравилась. Мне кажется, всем она нравилась. Но такие, как я, просто живут и живут, никогда не замечая мелочей вокруг себя. А потом — как гром среди ясного неба… — Она умолкла. — Видите ли, мистер Батлер, вы ведь человек ненаблюдательный.

Боль выстрелила в мозг Батлера. Руки сжались на подлокотниках кресла.

— Кроме того, — продолжала Джойс, — вы слишком… слишком здоровый. Именно поэтому…

— Я понял. Вы очень меня заинтриговали. Значит, я ненаблюдательный?

Интонации в его голосе прозвучали такие, что Джойс Эллис быстро вскинула голову.

— Вы могли бы прочесть увлекательнейшую лекцию о наблюдательности всем судьям высшего суда разом, усадив рядком всю дюжину, — развил свою мысль Батлер. — Прошу прощения, мисс Эллис, только мне это неинтересно.

Тут Джойс закричала на него:

— Ну неужели вы никогда никого не слушаете?

— Слушаю конечно, иногда.

— Неужели вы не хотите услышать, что я пытаюсь сказать?

Батлер, бросив взгляд на наручные часы, хладнокровно поднялся:

— Возможно, в другой раз. Прошу меня извинить, у меня на это утро назначено несколько встреч. Я знаю, вы поймете.

— Разумеется, — согласилась Джойс. И прибавила, когда он потянулся к колокольчику: — Не беспокойте никого, не нужно меня провожать,

спасибо.

Как ни странно, он ощутил укол совести. Или, может быть, причина была, сказал он себе, в ее действительно замечательной фигуре.

— Возможно, — предположил он, — если как-нибудь вечером мы могли бы с вами поужинать…

Джойс повернулась к двери.

— Я не стану с вами встречаться, — проговорила она тоненьким нежным голоском, — пока не сумею выяснить имя настоящего убийцы.

Батлер от души расхохотался:

— Ну, успехов вам! Но неужели вы полагаете, — с интересом спросил он, — что сможете разрешить загадку раньше меня?

— Я могу попробовать, — заявила Джойс. Она мягко прошла по старинным полированным половицам коридора и скрылась в белом тумане, закрыв за собой входную дверь.

Стоя в сумрачной комнате между стенами старых книг, он подумал, что каждая их встреча заканчивается для него либо проклятиями в ее адрес, либо восхищением — иногда и тем и другим. Мысль о Джойс в качестве детектива, разгадывающего какую-либо загадку, сильно его развеселила. Однако все мысли о Джойс, вообще

всё, связанное с Джойс, начисто улетучилось, как только он встретился с Люсией Реншоу.

Батлер прибыл в «Кларидж» за полчаса с лишним до назначенного времени, всего лишь на тот случай, если Люсия вдруг тоже придет раньше на полчаса.

По указу правительства было еще рано включать электричество, и просторное фойе «Клариджа» было освещено рядами свечей, отражавшихся в многочисленных зеркалах. От этого света стены дрожали и расступались, и вся сцена была словно из восемнадцатого столетия.

Но электричество снова включили, когда Люсия, опоздав на полчаса, торопливо вошла во вращающиеся двери, взбежала по мраморным ступенькам и поздоровалась с несчастным видом.

— Не могла поймать такси! — пояснила она. А затем взглянула на него с неподдельным упреком. — Почему это вы смеетесь?

— Я не смеялся. Честное слово.

— Нет, смеялись!

— Я просто подумал о докторе Фелле. Сначала вспомнил о серебряном канделябре, — он кивнул на фойе, — после чего всплыл тот нелепый вопрос: «А леди в наше время все еще носят под-

вязки? Хотя бы красные?»

— Патрик, — заметила Люсия после небольшой паузы, — это не особенно смешно.

— Я знаю, что не смешно. Просто интересно, что же, ради всех святых, он имел в виду. Может быть, войдем?

Маленький ресторан с красной кожаной мебелью, предлагавший шведские закуски, был так забит народом, что им пришлось ждать, пока освободится столик. Все время за ланчем Люсия поддерживала светскую беседу с той живостью, которая, как догадывался ее спутник, скрывала панический ужас. Арест представлялся неизбежным, минуты тянулись. Ее притягательность, голубые глаза и светлые волосы, подчеркнутые голубым костюмом под норковым манто, казалось, лишали этот самый страх жизненной силы. А как же он восхищался ее храбростью!

Они сидели рядышком. И только когда подали кофе и оба они закурили, Люсия заговорила о том, что ее терзало. Уже некоторое время она украдкой разглядывала красную кожаную обивку мебели. А потом вдруг неожиданно произнесла:

— Этот доктор Фелл. Он ужасно знаменитый, я знаю. Но он как будто слабоумный какой-то!

— Нет, Люсия. Боюсь, это не так.

Она крутанулась на месте, чтобы посмотреть ему в лицо:

— Но вы же слышали, какие дурацкие вопросы он задавал!

— Да. Бывали моменты, когда мне казалось, что он спятил. Но надо отдать должное, пусть я делаю это не всегда: Гидеон Фелл вовсе не дурак.

— Я слышала даже, — воскликнула Люсия, — что он ужасно разволновался из-за серебряного подсвечника, а это всего лишь самый заурядный подсвечник из гостиной!

— Да, — подтвердил Батлер. Загадки, как и сомнения, не отпускали его. — Доктор Фелл так заинтересовался, насколько я понимаю, потому что один рожок для свечей был грязным.

— Но он был чистым!

— Прошу прощения?

— Китти, — принялась уверять Люсия, слегка задыхаясь, — рассказала нам об этом сегодня утром. Мисс Кэннон расстроилась — бедняжка Агнес хочет, чтобы все вокруг было безупречно. Мы проверили внизу, и все подсвечники были надраены до блеска.

— Вчера вечером они не были надраены до блеска, Люсия. Я сам могу подтвердить. Кто-то, должно быть…

Батлер умолк. Головная боль прошла, все его инстинкты были настороже. Это словечко «кто-то» начало ускользать от его сознания, словно лицо в маске.

— Не важно — произнес он вслух. — У меня для вас есть две новости.

— О? И хорошие?

— Прежде всего, сегодня вечером вы ужинаете со мной.

Если Люсия и ожидала чего-то иного, она не подала виду. Она не выказала ни колебания, ни кокетства. Отложив сигарету на край блюдечка, она поглядела прямо на него так, что у него потемнело в глазах.

— С удовольствием, — ответила она, — если вы позволите мне кое-что предложить. Я… мне кажется, я пойму, и очень хорошо пойму, если вас шокирует мое предложение. Но не могли бы мы поужинать и потанцевать в каком-нибудь месте с сомнительной репутацией?

Батлер пришел в восторг.

— Боже, конечно! Можем и сделаем! — Однако, вечно занятый адвокат, чья жизнь подчинялась заведенному распорядку, он не был знаком с местами, которые могли бы считаться поистине сомнительными. — Но только, — прибавил он, —

если вы знаете подходящее заведение.

— Я знаю об одном, — тут же ответила Люсия. — Я никогда там не бывала, но говорят, что у них ужасно интересно. Неизвестно, с кем танцуешь, — сказала Люсия.

— В каком смысле, «неизвестно, с кем танцуешь»?

— Не важно! — Люсия отмахнулась от вопроса, глубоко вздохнув. — Сами увидите! Есть у вас карандаш и бумага?

Он протянул ей карандаш и перевернутый старый конверт.

— Не помню названия клуба, — продолжала Люсия. — Но вот адрес. — Она написала: «Динстрит, 136», подчеркнула и отдала ему конверт с карандашом. — Это в Сохо. Вот так сразу, — манеры светской дамы Люсии плохо сочетались с по-детски невинным ртом, — вы готовы пуститься в настоящие приключения, не задавая никаких вопросов?

— Готов! — воскликнул Патрик Батлер из графства Антрим. — Готов! Вот увидите! И вот что я скажу: сегодня вечером я пришлю за вами машину…

— Нет, нет, нет! — понизив голос, заговорила Люсия, и в ее глазах читалось нетерпение. — В

этот район нельзя на лимузине. И никаких официальных костюмов — наденьте что-нибудь старое и потрепанное. Встретимся с вами в восемь.

Ощущение близости между заговорщиками усилилось, Люсия тронула его руку.

— Если меня действительно арестуют, — выдохнула она, — то сначала я хочу как следует повеселиться!

— Это как раз вторая новость, которую я хотел сообщить вам, — сказал Батлер, придвигаясь ближе. — Вчера вечером я говорил, что вам не о чем переживать.

— Почему это?

— Потому что я знаю, как доказать вашу невиновность.

— Хорошо бы, мистер Батлер, чтобы вы рассказали об этом мне, — вмешался чей-то строгий голос, прозвучавший где-то рядом.

Люсия вздрогнула, словно ее ужалила пчела. Батлер тоже слегка дернулся. Рядом с их столиком, бесстрастно глядя на них сверху вниз, стоял суперинтендант Хэдли из департамента уголовных расследований.

Хэдли, даже в своем древнем дождевике, вовсе не казался здесь неуместной фигурой. Он был

рослый, с широкими плечами, волосы и короткие усы цвета тусклой стали придавали ему вид отставного военного. Патрик Батлер не знал, как ему держаться: заносчиво или дружелюбно.

— Не подозревал, что при вашей должности, — произнес он, — приходится лично следить за людьми. — Он сжал руку Люсии, заметно дрожавшую. — Миссис Реншоу, позвольте представить вам суперинтенданта Хэдли из департамента уголовных расследований.

— Ну что вы, я вовсе не следил за вами, — возразил Хэдли. Он не стал уточнять, что Люсия уже два дня находится, как это называют в их ведомстве, «под колпаком». — Не возражаете, если я присяду на минутку?

Батлер жестом подозвал официанта, который пододвинул стул. Хэдли уселся напротив них, положив на стол шляпу-котелок.

— Я вовсе не против рассказать вам, на чем основываюсь, — продолжал Батлер, — поскольку я уверен в том же, в чем уверен доктор Фелл. Кстати, вы виделись с ним?

— Видел его сегодня утром, — проворчал Хэдли, и по его лицу пробежала тень негодования. — Он выражался столь же ясно, как и обычно.

— Он считает, — заявил Батлер, — что суще-

ствует некое преступное сообщество, которое убивает людей при помощи яда, не оставляя никаких улик.

— Давайте-ка потише, — предложил Хэдли, не сводя с них взгляда.

— Эта группа безумцев, — не сдавался Батлер, — действует под неким «прикрытием». Не знаю, под каким именно. И убейте меня, — тут он стиснул кулаки, — если я понимаю, какое отношение к ним имеет самый заурядный подсвечник, какие-то извилистые рисунки в пыли и некая женщина в красных подвязках. Но бьюсь об заклад, я могу сказать, кто был главой всей этой группировки.

— Великолепно. И кто же глава?

— Я сказал: «Был главой». — Батлер сознавал, какую бомбу собирается сейчас взорвать. — Их главой был мистер Ричард Реншоу, и его отравили, чтобы занять это место.

Люсия опрокинула свою кофейную чашку.

Чашка была совсем маленькая, кофе в ней было на донышке, но она отчетливо звякнула на фоне общего гула голосов в ресторане. Сигарета Люсии, лежавшая на краю блюдца, с шипением погасла.

— Он… он преступник? — с недоверием проговорила она. — Этого не может быть! — И тут же прибавила со странной, но вселяющей тревогу

непоследовательностью: — Между прочим, одежду мне всегда выбирал Дик.

— Как вы видите, — Батлер непринужденно улыбнулся Хэдли, — миссис Реншоу ничего об этом не знает. Именно по этой причине доктор Фелл задавал накануне вечером все эти странные вопросы, стремясь доказать, что она ничего не знает. — Тут тон Батлера изменился: — Найдите того, кто займет место Реншоу во главе группировки, — и вы найдете вашего отравителя. Что вы сказали, мистер Хэдли?

На впалых щеках Хэдли заиграли желваки.

— У нас имеется информация, мистер Батлер. Мы ею не делимся. И в то же время…

Пальцы Хэдли барабанили по скатерти.

— И в то же время, — повторил он, — это я готов сообщить. У Реншоу было три раздельных банковских счета на три разных имени. — Он вперил в Люсию непроницаемый взгляд. — Если будет доказана ваша невиновность, миссис Реншоу, вы станете богатой женщиной.

(«Боже, так я прав!»)

Кулак Батлера грохнул по столу.

— Почему же вы не идете по этому следу, суперинтендант?

— Хм. А как бы вы по нему шли?

— Один сотрудник компании «Смит и Смит. Конфиденциальность гарантирована» был избит двумя молодчиками, которых нанял Реншоу. Этот Смит и Смит, или как его там, должен знать, кто были эти бандиты. Начните с них — и окажетесь в итоге внутри этого «клуба убийств».

На суровом лице Хэдли промелькнула тень улыбки.

— Как ни странно, мистер Батлер, но мы уже подумали об этом. Смит и Смит, которого на самом деле зовут Люк Парсонс… так вот, конфиденциальность он гарантирует. Мы не смогли добиться от него ни слова.

— Хотите поспорить, что и у меня не получится?

— Понятно, — протянул Хэдли, оглядывая его с головы до ног. — Так вы подумываете лично сунуться в это дело?

— Со всеми потрохами. Да.

— Немного рискованно, не находите?

Батлер не на шутку удивился.

— Вы что, действительно думаете, — уточнил он, — что я боюсь этого мерзавца? На самом деле мне уже угрожали.

— Как именно?

— Ах да! Запиской, прямо как из истории о

Секстоне Блейке[8]. «Не лезь в дело Реншоу. Это последнее предупреждение», — сухо процитировал Батлер. — У меня, суперинтендант, в силу профессии богатый опыт общения с негодяями.

— Многих из них вы отпустили на свободу, если вы об этом.

— Именно об этом, — любезно согласился Батлер. — И у большинства из них интеллекта ни на грош.

Челюсть Хэдли окаменела еще сильнее.

— Хотите сказать, интеллект поможет, — поинтересовался он, — против опасной бритвы, поднесенной к лицу? Или против картофелины, напичканной лезвиями от безопасной бритвы?

— Об этом я подумаю, когда столкнусь на деле.

— Вам когда-нибудь доводилось участвовать в настоящей драке? Вы хотя бы умеете пользоваться кулаками?

— Нет, — отвечал Батлер с пренебрежением. — Никогда этому не учился.

— Никогда не учились… — Хэдли умолк.

Затем он подался через стол, упираясь в него локтями. Волосы и усы Хэдли, отливавшие сталью, особенно резко контрастировали с яркими

---

[8] Notes: 8

Секстон Блейк — вымышленный британский сыщик, истории о котором разные авторы сочиняли с 1893 по 1978 год.

красками ресторана, заполненного болтавшими посетителями.

— Послушайте, мистер Батлер. Времена нынче послевоенные. И весь Ист-Энд ошивается на Пикадилли-Сёркус. Предоставьте подобную работу нам. Я предупреждаю вас! Потому что…

— Потому что?

— Потому что у меня нет свободных людей, чтобы вас защищать!

Мгновение Батлер всматривался в него сквозь дым догоравшей у самого рта сигареты.

— Да кто вообще, — спросил он негромко, — просит вас о какой-то защите? Или примет ее от вас, даже если вы поднесете ее на тарелочке?.. Люсия, дорогая, еще кофе?

Спустя полчаса Патрик Батлер, прихватив всю свою гордыню, неспешно поднимался по ступенькам в агентство под вывеской «Смит и Смит. Конфиденциальность гарантирована».

Глава десятая

— Да? — произнесла девушка в очках в роговой оправе и с зачесанными наверх волосами, узел которых вырисовывался на фоне мутного стекла с выцветшими золотыми буквами.

Дело было в сумрачном, грязном здании на Шафтсбери-авеню, на втором этаже. Патрик Батлер отметил, что вся контора состоит из двух очень тесных комнат, в передней из которых он сейчас находился.

Батлер уже составил для себя план кампании. Однако же, заметив, что дверь слева от него слегка приоткрыта, он внес в этот план некоторые изменения. Сияя своей самой обаятельной улыбкой, он неспешно двинулся по растрескавшемуся линолеуму к сидевшей у окна девушке с узлом волос. Эта дверь слева могла вести только в кабинет мистера Люка Парсонса, он же «Смит и Смит».

— Добрый день, — произнес Батлер. — Хотел узнать, не могу ли я перемолвиться словечком с мистером Парсонсом?

Девушка предприняла жалкую попытку ответить как полагается:

— А вам назначено?

— Нет, боюсь, что нет. — Батлер возвысил голос: — Но мне кажется, он меня примет. Моя фамилия Реншоу.

Батлер мог бы поклясться, что из смежного с приемной кабинета послышался пронзительный металлический скрип вращающегося кресла. Под окном ходили, громыхая и гудя, красные автобусы, потому он не стал бы утверждать наверняка. Зато он ясно увидел, что рука девушки задрожала, когда она быстро подняла на него глаза, скрытые стеклами очков, и потянулась к телефону.

— Не утруждайтесь, — тут же произнес Батлер, похлопав ее по руке. — Я просто войду и поговорю с ним.

Он все так же неспешно прошел через комнату и открыл дверь.

Он, вероятно, надеялся произвести легкое потрясение. Однако получил куда больше того, что ожидал.

В еще более замызганной комнате, за развернутым к двери письменным столом с тумбами, сидел тощий мужчина среднего роста, чьи старомодные усы на полицейский манер были слишком черными для его возраста и слишком пышными для его лица. Челюсть у него отвисла.

Лицо приобрело оттенок сальной свечи. Он так и сидел, окаменев, зацепившись согнутой ногой за ножку вращающегося кресла.

Комната была ничем не примечательная, время от времени ее сотрясали вибрации от уличного движения, проникавшие через два окна справа. Батлер позволил себе небольшую паузу, прежде чем разыграл изумление:

— Боже, да что с вами? — После чего изобразил понимание. — Погодите-ка! Надеюсь, вы не приняли меня за моего брата?

Откуда-то со стороны мистера Люка Парсонса, глаза которого выпучились из орбит, донесся звук, похожий на:

— Брата?

— Да. Мой брат Дик. Он умер два дня назад, бедолага.

— О-о-о… — выдохнул мистер Парсонс, распрямляя колено и выпуская ножку кресла.

— Я провел в Штатах последние лет шесть-семь. — Батлер закрыл дверь. — И подумал: наверное…

— Вы на него не похожи, это точно, — произнес лысый хозяин кабинета, все еще ошеломленный. — Но вот голос! И то, как вы… — Он умолк. — Так, значит, вы его брат. Из Штатов, говорите?

— Да. Сел на первый же самолет, как только узнал о смерти Дика.

— Вот страна, — с горечью произнес мистер Парсонс, — где компании вроде моей имеют кое-какие права. А здесь как Ярд относится к частным сыщикам? Как к грязи. Прав у нас не больше, чем… — он ткнул пальцем куда-то в сторону прохожих на Шафтсбери-авеню, — чем у любого из них.

— Это не важно. — Батлер понизил голос: — У меня имеется небольшое дельце, исключительно конфиденциальное…

Даже полицейские усы задрожали от волнения.

— Мистер Реншоу! Прошу! — забормотал Парсонс, скверно подражая интонациям банковского управляющего, который успокаивает богатого клиента. — Присаживайтесь! Присаживайтесь! — Он засуетился, пододвигая деревянный стул, после чего вернулся на место. — Не сообщите ли мне факты?

— Довольно трудно начать.

— Конечно-конечно! Так часто бывает. Вероятно, в дело замешана леди?

— В некотором смысле, да.

— Это болезненно, но вполне естественно, —

заверил его тощий старик, сочувственно качал лысой головой. — Но вы же знаете уже наш девиз, сэр: конфиденциальность гарантирована. Итак, попробуйте увидеть во мне сострадающего вам друга.

— Факт в том, что в Штатах у меня был бизнес.

— Ага. Не будет ли нескромно с моей стороны спросить, какого рода бизнес?

Батлер пошел с козырей.

— Такой же, как тот, который организовал здесь Дик, — ответил он, глядя в глаза своему собеседнику. — Однако, мне кажется, наше «прикрытие» лучше отлажено.

В какой-то миг ему показалось, что он зашел слишком далеко.

Лицо мистера Парсонса снова приобрело оттенок сальной свечи, а вращающееся кресло заскрежетало и застонало. В этой серой комнате (электричество и отопление снова отключились) было так холодно, что виден был пар от дыхания.

И Патрик Батлер первый раз за все время ощутил, что ступил в некую призрачную пограничную зону, откуда будет не так просто выбраться. Что же нагоняет такой ужас на этого человека с усами как у моржа? Мысль об опто-

вых отравлениях — да, вполне вероятно. Однако же мистер Парсонс побелел только тогда, когда услышал о «прикрытии» организации. Да что это за прикрытие такое?

— Я прошу прощения, — произнес мистер Парсонс самым учтивым своим тоном. — Но я не хочу иметь с этим ничего общего.

— Послушайте, — резко отозвался Батлер, — мне кажется, вы меня не поняли.

— Нет?

— Нет. Я не хочу вовлекать вас ни в какие дела. — Тут он рассмеялся. — Может быть, вы помните, что некоторое время назад у моего брата возникли небольшие проблемы из-за его жены?

Выпученные глаза смотрели с подозрением.

— В самом деле?

— Ну да, и Дик велел двум шустрым парням — вы уж меня простите! — разобраться с одним из ваших сотрудников. Я хочу узнать, где эти двое, чтобы забрать их с собой в Штаты. Это все, что мне нужно.

— Простите. Ничего об этом не знаю.

— Если, — неожиданно произнес Батлер и сделал такой жест, словно собирается вынуть из внутреннего кармана документы, — если вы сомневаетесь, что я Боб Реншоу…

— Нет-нет, что вы! Будь у вас волосы потемнее, мне бы показалось, что я вижу привидение.

— Мой бизнес приносит недурную прибыль. — Вынув бумажник, Батлер выложил на стол стофунтовую купюру.

— Я понятия не имею, о чем вы говорите, ей-богу!

Батлер выложил на стол еще одну сотку. Несмотря на холод в комнате, его собеседник обливался потом.

— Могу, — признался он низким севшим голосом, — дать вам один адресок, где вы, вероятно, найдете неких двух людей. Но никаких имен у меня в конторе. Никогда! И я не говорю даже, что вы их непременно найдете. Только то, что вы, вероятно, встретите их там.

— Если вы пудрите мне мозги, разумеется…

— Боже мой, мистер Реншоу, да разве бы я посмел?

Батлер пододвинул банкноты по столу. Вырвав из записной книжки половинку листа, мистер Парсонс записал адрес печатными буквами, сложил листок и сунул его в руку Батлеру. Тот убрал клочок бумаги в карман и поднялся.

— Скажите мне, мистер Парсонс, — произнес он, — почему же вам так не нравится наш биз-

нес?

И внезапно Батлеру представился другой Люк Парсонс, житель пригорода в потрепанном костюме, владелец половины тесного дома и кусочка палисадника.

— Да если бы моя жена увидела… — выпалил он.

— Увидела что?

— А, это я просто задумался о своем! — пробормотал мистер Парсонс с пугающей задушевностью. — Задумался, ничего больше!

— Вы понимаете, я полагаю, что наша маленькая сделка должна оставаться конфиденциальной?

— Ну разумеется, сэр! Можете доверять мне целиком и полностью! — выдохнул Конфиденциальность Гарантирована; он потянулся к телефонной трубке, как только дверь за его клиентом закрылась.

Патрик Батлер ничего не заметил. Спешно спустившись по лестнице, он развернул листок с адресом, уже выходя из дверного проема на запруженную народом Шафтсбери-авеню. После чего он уставился на адрес и смотрел так долго, что прохожие с угрюмыми лицами, толкая его, вынудили отступить обратно в дверной проем.

Его легкие были полны лондонского тумана и запаха гари, а сердце сжимала ледяная рука. Из внутреннего кармана он извлек старый конверт, на котором Люсия Реншоу написала адрес, где они должны встретиться в восемь вечера. Оба адреса были одинаковыми: Сохо, Дин-стрит, 136.

— Такси! — проревел он без особой надежды заполучить его. — Такси!

Чтобы описать состояние его ума в следующие несколько часов, достаточно просто взять его же слова, которые он то и дело повторял: «Чушь какая!» Люсия Реншоу никак не может быть замешана в это дело, в чем бы дело ни состояло. Он уже принял решение, он просто знал. И вот Батлер отправился домой, сражаясь с призраками.

В его маленькой библиотеке, когда подошло время чая, миссис Пастернак развела в камине в неоклассическом стиле братьев Адам жаркий огонь. Перед камином стояли два мягких кресла, рядом с одним из них — его старый фонограф.

Это совпадение, чистой воды совпадение, что Люсия дала ему тот же самый адрес!

Патрик Батлер уселся и вставил во вращающийся механизм новый навощенный цилиндр. Откинувшись на спинку кресла, после того как повернул выключатель, он посмотрел, как без-

звучно вращается цилиндр, прежде чем — с резким щелчком — нажал на кнопку под рупором.

Затем он принялся говорить бодро и решительно.

— Заметки, — начал он, — по защите Люсии Реншоу.

Цилиндр продолжал вращаться, пока он хмуро размышлял.

— Что это за чертово — нет, вычеркнуть «чертово» — «прикрытие» для клуба убийств? Чем они занимаются помимо убийств? Это же явно что-то новое. Это не могут быть наркотики или торговля белыми рабынями — ничего столь скучного и устаревшего. Поскольку это не только вывело из равновесия многоопытного Люка Парсонса, но еще он знал, что это сверх всякой меры шокирует его жену. Почему?

Батлер отпустил кнопку записи, но тут же снова яростно нажал ее.

— Почему за ланчем Люсия Реншоу сказала: «Одежду мне всегда выбирал Дик»?

И снова тишина. Затем, с еще большей яростью:

— Люсия Реншоу с самого начала выказывала благосклонность, переходящую в страстную

привязанность, к… к П. Б. — (Это же будет потом записывать секретарь, он не мог сказать «ко мне», он и так съеживался от смущения.) — Не потому ли, — продолжал он, — что П. Б. сильно напоминает — голосом и внешностью в целом — покойного мужа Л. Р., Дика Реншоу? Может быть, она безотчетно переносит свою привязанность на другого мужчину, похожего на него?

В этом-то — Батлер все же мыслил достаточно ясно, чтобы сознавать это обстоятельство, — и заключалась вся загвоздка, по его мнению. Потому-то он и ярился.

Он запал на Люсию Реншоу, говорил он себе, без всяких сомнений или надежды. Он так и видел ее образ, явившийся ему прошлым вечером: в пеньюаре, с протянутыми к нему руками. И образ был до боли живой. Однако же он не собирался никого замещать или с кем-то соперничать, пусть даже с покойником! Он собирался…

— Чай, сэр? — прервал его размышления голос миссис Пастернак, которому аккомпанировало звяканье сервировочного столика.

— О, не могу дождаться!

— Очень хорошо, сэр.

— Миссис Пастернак, она невиновна.

— Конечно, сэр.

— Благодарю, миссис Пастернак. А я никогда не ошибаюсь.

Точно в таком же настроении в четверть восьмого он отправился пешком на назначенное рандеву с Люсией.

Туман немного рассеялся, хотя все равно стоял пронизывающий холод, когда Батлер миновал Пикадилли-Сёркус и снова пошел по Шафтсбери-авеню. У кинотеатра «Павильон» его ждала удручающая картина.

К дверям кинотеатра с обеих сторон подступала, растянувшись вдоль стены здания, шеренга в три человека — очередь желающих попасть в кино. Никто не разговаривал. Никто не двигался. Они ждали терпеливо, с потухшими взглядами, на пронизывающем холоде, час или даже часы, чтобы попасть внутрь и убежать — в некотором смысле, убежать — от серой действительности.

Батлер, который не стал бы стоять в очереди, даже если бы от этого зависела его жизнь, во все глаза смотрел на них, проходя мимо. Но почему бы им и не постоять в очереди? Чем еще им заняться? Дома развлечься они не могли, потому что там не было ни еды, ни выпивки, чтобы позвать гостей, сами пойти к кому-нибудь не могли по той же причине. Кроме того, проблемы

с транспортом…

— Транспорт! — воскликнул он вслух.

Ему в голову пришла идея, которая, возможно (всего лишь возможно), разобьет все обвинения против Люсии Реншоу.

Уже ничего не замечая, он шагал по улице, обдумывая свою мысль, пока, оказавшись в более темной части города, не свернул налево, на Дин-стрит.

Дин-стрит, узкая и запущенная, не тонула в темноте только благодаря свету, сочившемуся из-за закрытых ставней и не задернутых до конца занавесок. Несмотря на то что улица составляла часть так называемой «грешной мили», здесь было не особенно шумно, если не принимать во внимание гул голосов, доносившийся из пабов, и звуки чахоточной шарманки. Музыка хрипела и бренчала:

«Пичужкой по жизни порхала, чирикала звонко она…»

Несколько «ночных бабочек», страшнее которых Батлеру видеть не доводилось, столпились на одном из перекрестков, словно полевые игроки в крикете. Позади них о чем-то негромко беседовали два высоких негра. Больше он никого не увидел. Дребезжание шарманки превращалось в

негромкое треньканье, пока он удалялся.

А затем, испытав немалое потрясение, он нашел дом под номером 136.

Три ступеньки, огороженные железными перилами, спускались на уровень полуподвала, к длинному закопченному окну из зеркального стекла, за которым покрытые эмалью буквы обещали бильярд. Перегнувшись через перила, он разглядел внутри три стола и множество народу. Над застекленной дверью рядом с окном весьма отчетливо виднелись эмалированные цифры 136.

— Но не может же быть… — начал он. А затем умолк и огляделся.

Да, на уровне тротуара, справа от номера 136, была дверь. Но, судя по облупившейся краске и вбитым гвоздям, ее последний раз открывали, наверное, еще до войны. Другая дверь, слева, пребывала в таком же состоянии. Все окна наверху оставались темными.

Люсия ведь говорила о некоем месте, очевидно клубе, где можно поужинать и потанцевать. И Люсия, такая утонченная, не могла же предложить клуб, куда входят через сомнительную бильярдную? Зато это самое подходящее место, чтобы найти двух вполне определенных голо-

ворезов…

Батлер бросил взгляд на часы. Оставалось больше десяти минут до назначенной встречи с Люсией. И внимания он не привлекает — он без труда нашел себе скверный костюм, а замызганное пальто и шляпа с мягкими полями сохранились у него с тридцать восьмого года.

Он неспешно сошел по трем каменным ступенькам и открыл стеклянную дверь.

Из игорного зала пахнуло пивом, хотя никто его не пил. Отчетливый стук бильярдных шаров, отчетливое восклицание приветствовали его на фоне гула голосов. Абажуров над тремя столами, вытянувшимися в ряд друг за другом вглубь помещения, не было. Три тускло-желтые электрические лампочки свисали с потолка на коротких шнурах, отбрасывая тени на каких-то невыразительных типов в выцветших пестрых рубахах.

Затем Батлер разглядел еще одну дверь.

Она находилась в дальнем конце комнаты, в стене справа, сразу за третьим игровым столом. Батлер неторопливо двинулся к ней.

Никто не обратил на него внимания, по крайней мере так он решил. Только за одним столом, ближайшим к входной двери, играли в бильярд;

за вторым играли в снукер, а за третьим — так сильно до сих пор ощущалось влияние американцев — был американский пул.

Из замочной скважины замеченной им двери — по правую руку от него, позади третьего стола — торчал ключ. Впрочем, дверь оказалась не заперта. Батлер обнаружил это, когда непринужденно прислонился к ней, заложив руки за спину. Дверь точно не могла вести в какую-нибудь кладовую, потому что вдоль порога из-под нее выбивалась полоска света. Батлер выдернул ключ из замочной скважины и опустил себе в карман.

По столу для пула, чуть левее его, обращенному к нему торцом, с грохотом прокатился последний шар, упав в дальнюю лузу справа. Игрок, державший кий, молодой человек с прилизанными волосами, в костюме горчичного цвета, засмеялся, выпрямляясь и оглядываясь по сторонам.

— Закончили? — поинтересовался Патрик Батлер.

— Полностью в твоем распоряжении, приятель, — дружелюбно произнес прилизанный. Его горчичный костюм был таким новым и броским, что буквально кричал: «Тридцать гиней, все мои. Нравится?» Он протянул Батлеру кий, и тот

взял его.

— Никто не спрашивал меня сегодня вечером?

Прилизанный сощурил один глаз.

— Я раньше видел тебя, — заявил он.

— Реншоу, — представился Батлер. — Боб Реншоу.

Прилизанный, почуяв родственную душу, готовую сыграть на деньги, возвысил голос, перекрывая шум и холодный дымный туман:

— Никто не искал Реншоу? — прокричал он. — Боба Реншоу?

На короткое мгновение установилась тишина — такое короткое, что его можно было и не заметить. И в этой тишине, словно в разошедшемся внезапно дыму, звучало лишь громкое щелканье шаров, катившихся по зеленому сукну. Оно тут же потонуло в гуле голосов, раздалось одно-два рассеянных «нет». Если Патрик Батлер и ощутил волну опасности, захлестнувшую игорный зал, то не подал виду.

— Не повезло, — посочувствовал прилизанный. — Ты один?

— Да.

— Ладно, давай все равно покатаем шары, — предложил он, ткнув большим пальцем в сторону стола для пула. — После снукера легче легкого.

— Спасибо. Думаю, да.

Шары для пула, ярко раскрашенные и с номерами, застучали по столу, пока Батлер извлекал их из луз. Он обошел вокруг стола, собирая шары и загоняя в положенный им деревянный треугольник. Затем передвинул треугольник, ставя на начальную позицию у борта, обращенного к незапертой двери. Батлер решил, что будет стоять по эту сторону стола.

Девять минут до встречи с Люсией! Всего девять минут!

И пока он дожидался какого-то ответа на своего «Боба Реншоу», ему захотелось обдумать новую линию защиты для Люсии Реншоу.

Наклонившись и глядя вдоль кия на белый биток, поблескивавший перед ним, он с грохотом разбил шары, и разноцветные сферы раскатились по всему столу.

«Эта идея не так хороша, как та, которую я обдумывал раньше, — сказал он самому себе, когда первоначальное воодушевление поутихло. — И никак не поможет Люсии в случае со смертью Дика Реншоу. Зато точно докажет, что она не могла убить миссис Тейлор.

Только пока что не слишком погружайся в свои размышления. Оставайся настороже.

Бэлхэм, где жила миссис Тейлор, район Южного Лондона. Люсия живет в северной части города. Не знаю, сколько миль их разделяет, но это чертовски большое расстояние. Как же Люсия могла попасть туда и вернуться, да еще и в ночное время?»

Батлер, не двигавшийся с места и не поднимавший головы, видел перед собой размытое зеленое пятно вместо бильярдного стола.

«Машины в семействе Реншоу нет. Старая миссис Тейлор умерла между десятью вечера и полуночью — вероятнее всего, ближе к полуночи. Никакой таксист не повез бы Люсию в такую даль. Если бы она собралась ехать, ей пришлось бы воспользоваться какой-нибудь из прокатных машин с водителем, и тогда сохранилась бы запись. Только никакой записи нет, потому что никуда она не ездила.

Это можно доказать на раз-два! Теперь, если только удастся придумать, каким образом яд попал в графин с водой для Реншоу, дело, считай, раскрыто. Загадка настолько простая, что решение тоже должно быть простым. Всего три человека, Люсия, Китти и мисс Кэннон, находились в спальне. Если на то пошло, можно исключить мисс…»

Здесь размышления Батлера резко прервались, словно от толчка.

Что-то в бильярдной было не так.

Сам он даже не пытался играть. Просто загонял в лузу ближайшие к нему шары. Зеленый шар отскочил от дальнего борта с отчетливо слышным стуком и покатился обратно к нему в напряженной всеобъемлющей тишине.

Ни стука других шаров, ни голосов, ни шарканья ног или щелканья кия не слышалось в зале. Ни дыхания, ни движения. Нечто зловещее сосредоточилось на нем, словно обжигающий луч, преломившийся в призме.

Патрику Батлеру показалось, что он остался один. И он быстро поднял глаза.

Глава одиннадцатая

Да, в некотором смысле он и был один. Из всех тех, кто находился в зале раньше, остались всего двое.

На выходившем на улицу окне были опущены грязные жалюзи с сомкнутыми планками. Такие же жалюзи закрывали стеклянную панель двери. Три лампочки под потолком, льющие желтый водянистый свет, освещали лишь холодную завесу дыма и два опустевших бильярдных стола.

На скамье под окном сидел, непринужденно забросив ногу на ногу, худосочный мужчина с оранжевым козырьком на лбу, который явно выдавал в нем хозяина заведения. Второй мужчина стоял через комнату от Батлера, чуть ближе к входной двери, небрежно привалившись спиной к стойке с киями.

Этот второй, державший руки в карманах, был в заштопанной, залатанной фуфайке того типа, какие носят в учебных военных лагерях. Он был крупнее Патрика Батлера, гораздо шире и такой мускулистый, что не видно было живота. Ему не помешал бы парикмахер, и нос у него был

сломан.

Молчание затягивалось. Никто из этих двоих даже не взглянул на Батлера.

— Чёт он хреново играет, а? — произнес мужчина в козырьке, словно обращаясь к кому-то, кто находится на далекой планете.

— Ага, — согласился второй густым басом. — Чёт он хреново играет, а?

— Я и говорю, чёт он хреново играет.

— Точняк. Он вообще хреново играет.

В груди Батлера разгорелся уголек гнева. Ему частенько доводилось слышать подобные разговоры; перед ним сейчас был просто очередной десятилетний мальчишка в теле взрослого. И он приступил к миротворческой миссии.

— Кажется, — проговорил он отчетливо, положив кий на стол, — вы и есть те двое, кого я ищу.

Снова наступила тишина. Затем человек в козырьке неожиданно качнулся, откинувшись назад на скамье, и захохотал. Два его зуба — передние — оказались золотыми. Впрочем, он оборвал смех почти сразу.

— Он ищет нас, — печально заметил Златозуб. — Он нас ищет, Эм.

— Точняк.

— Ну и зачем он нас ищет? — осклабился Зла-

тозуб.

Тот, кого назвали Эмом, выпрямился во весь свой рост и расправил плечи. Кии на стойке у него за спиной загремели. Он нарочитым жестом вынул левую руку из кармана и надел на правую тяжелый кастет. Поверх него — бросив при этом короткий плотоядный взгляд на Батлера — он натянул очень тонкую черную перчатку, почти утратившую форму.

Затем Эм полюбовался на результат. Эта перчатка должна была фиксировать кисть и запястье, когда кулак начнет молотить и месить.

— Ну и чё он сделает, — с интересом спросил Златозуб, — если ты его приласкаешь этим?

— Наверное, ему не понравится.

— Ага, ему не понравится. Но чё он сделает?

— Так ведь он, — с удовлетворением проговорил Эм, — не сможет ничё сделать.

— Ага, не сможет ничё сделать. Вообще ничё.

Патрик Батлер беспечно стоял у бильярдного стола, внутренне клокоча от гнева и при этом согласно улыбаясь.

Его пробирал страх, поднимаясь от живота и растекаясь по рукам. Но сильнее страха была простая уверенность, что люди, подобные этим, не заслуживают даже презрения. Если их нельзя

игнорировать, тогда их нужно убить.

Он лениво окинул взглядом лежавшие рядом бильярдные шары. Они были как раз нужного размера и веса, любой так удобно укладывался в руку. Если метнуть такой — да, примерно на двадцать пять футов — можно проломить череп. Потому Батлер продолжал улыбаться. А один из шаров уже угнездился под его правой рукой.

— Ты, конечно, — продолжал Златозуб, продлевая агонию, — будешь с ним не особо жестоким.

— Ну, ты ж видел уже, как я работаю, а? Я ж все как надо.

— Ага! Ты-то конечно. Только мы ведь не хотим, чтоб он обзывался, а?

— Да он вообще обзываться не будет.

— Только он-то не обрадуется, чуешь, о чем я? Он-то обзываться не будет, только как бы он нас назвал, если б мог сказать?

Патрик Батлер заговорил тем же тоном, к какому прибегал в зале суда.

— Я бы назвал вас ублюдками, — благожелательно сообщил он. — Вы, вообще, чего добиваетесь?

На этот раз повисшая пауза была опасной, как удар кинжала. И Златозуб, и Эм смотрели ему прямо в лицо. А затем все разом рухнуло.

— Давай как следует, Эм! — злобно напутствовал приятеля Златозуб.

Рука Патрика Батлера метнулась вперед. И он жаждал крови.

Бильярдный шар яркого красного цвета врезался в стойку с киями на полдюйма выше головы Эма. Один кий, сломавшийся пополам, сбил остальные, они дождем посыпались вниз, громыхая по стойке и стукаясь об пол с тоненьким эхом, ударяя по плечам и ногам самого Эма.

«Я перенервничал. Я промахнулся. Больше никаких смертельных ударов, Пат Батлер. Просто к такому не привык».

На другой стороне тускло освещенной комнаты, за рядом столов, лицо Эма превратилось в лицо жестокого маленького мальчика, просто увеличившегося в размерах, вместо того чтобы повзрослеть. Он, похоже, не сознавал, что произошло, пока мимо него не прокатился бильярдный шар.

— Да я тебя урою за это! — взвизгнул Эм. И снова он дернулся вперед.

«В тюрьму не угоди, дурак! Целься ему в… Давай!»

Во второй раз Батлер не промахнулся. Шар, зеленая вспышка, врезался в плечевой сустав

правой руки. Эм крутанулся вбок, путаясь в рассыпавшихся киях, и упал на спину. Его рука в черной перчатке была теперь бесполезна в бою, словно мочалка. Он бессильно сучил руками и ногами, словно завалившийся на спину жук.

— Теперь ты, Златозуб, — сказал Батлер.

Вот Златозуба он ненавидел по-настоящему. Однако Златозуб, сидевший на скамейке под окном, сунул руку под жалюзи и быстро забарабанил по стеклу, призывая на помощь. Шар для пула врезался в жалюзи, и их планки смягчили удар, не позволив разбить стекло. Златозуб, выдернув руку обратно и продемонстрировав зубы, словно осклабившийся кролик, кинулся спасаться под первым столом в ряду.

Несколько мгновений в бильярдной стояла зловещая тишина, словно в Помпеях. Батлер в своем пальто и мягкой шляпе начал потеть. Чуть позади, слева от него, была та незапертая боковая дверь. Ключ от нее он сжимал в левой руке. Эта боковая дверь вела… бог знает куда.

На входной двери задрожали жалюзи, и она мягко распахнулась. Четыре человека, такие безликие, что Батлер не смог бы их описать, просочились внутрь так же мягко.

— Рассредоточьтесь, — торжествующе прика-

зал голос Златозуба. — Не высовывайтесь из-за столов. Как схватите, попотчуйте его моли.

Моли была необычная картофелина, сплошь ощетинившаяся краями лезвий от безопасной бритвы. Ее приставляли к лицу, проворачивали и…

— Заслужил, — произнес Златозуб почти любовно. — Точно заслужил!

Секунд пять Батлер расстреливал вновь прибывших шарами для пула, хватая их со всей быстротой, на какую был способен. Снаряды, желтые, красные и синие, молниями проносились по комнате, словно трассирующие пули при воздушном налете. Еще одна стойка с киями перевернулась, рассыпав свое содержимое. Один из прибывших на подмогу, получив удар пониже пояса, пронзительно вскрикнул и согнулся пополам. Эм, который все еще силился подняться на ноги, несмотря на сломанное плечо, поскользнулся на раскатившихся киях и упал ничком.

Батлер — в последний раз бросив взгляд на то, как в подобии безумной жизни по полу танцуют с грохотом раскатившиеся шары для пула, — метнулся к боковой двери и захлопнул ее за собой. Руки у него тряслись так, что он едва не выронил ключ. С другой стороны двери послышался топот

бегущих ног. Он запер ее как раз вовремя.

И теперь он понял, где оказался.

Узкий коридор тянулся параллельно задней части бильярдного зала, уводя вправо к уличной двери. Той самой уличной двери рядом с входом в дом 136, которая снаружи казалась заколоченной и заброшенной еще в довоенные времена!

По левую руку от него коридор заканчивался лестничным пролетом, поднимавшимся на площадку с освещенным дверным проемом. Из этого дверного проема доносились звуки танцевальной музыки…

Клуб Люсии. Та заброшенная с виду дверь и была входом в него.

Батлер мгновенно взлетел по ступенькам. Уличная дверь явственно давала понять, что благоразумию здесь не место. Однако же он обещал встретиться с Люсией. И Патрик Батлер, ирландец, все еще хотел посчитаться со Златозубом.

На лестничной площадке музыка сделалась громче. Одного взгляда на тускло освещенное помещение Батлеру хватило, чтобы понять, почему Люсия сказала: «Неизвестно, с кем танцуешь». Все танцоры, мужчины и женщины, были в масках, черных, белых или розовых. Некоторые выбрали полумаски, но у большинства отрез ткани скры-

вал лицо полностью.

На площадке у двери сидел за столиком молодой человек, похожий на испанца, перед ним лежала раскрытая амбарная книга и стопка масок. Батлер расправил плечи и напустил на себя величественный вид.

— Маску, пожалуйста, — произнес он.

— Конечно, сэр! — Молодой человек вскочил, окинув его быстрым живым взглядом, и рывком открыл ящик стола, служившего кассой. — Это вам выйдет в один фунт, сэр!

Снизу слабо доносился стук кулаков по двери. Златозуб сотоварищи явно не согласятся на меньшее, чем смертоубийство.

Батлер нарочито неспешно выбрал черную маску, внимательно осмотрел ее. Затем бросил на стол пять фунтов.

— Вы меня не видели, ясно? — с нажимом произнес он.

— Да, сэр. Конечно не видел!

Батлер поспешил в танцевальный зал. Сделав три шага, он остановился и обернулся. Молодой человек с черными испанскими глазами, как Батлер и ожидал, в тот же миг мягко сбежал по лестнице, повернул ключ в замке и впустил Златозуба с его бандой.

И так же мягко, как только молодой человек развернулся к нему спиной, Батлер скользнул обратно к двери, задержавшись ровно настолько, чтобы поменять свою черную маску на розовую, нижнюю в стопке. После чего он спешно затесался в толпу танцоров.

В этом так называемом клубе было жарко и душно, довольно тесно и немногим чище, чем в бильярдной внизу. Вдоль двух стен стояли в ряд голые столы, обрамляя танцевальную площадку посередине. Старый и потускневший рахитичный прожектор, закрепленный в углу под потолком, менял цвета — словно медленно пролетали, вспыхивая красным, желтым и фиолетовым, снаряды — и превращал лица в масках в сущий кошмар.

Впрочем, все в этом клубе дышало сладострастием, так что у Батлера голова пошла кругом. Женщины в масках, о чем даже в Англии знают вот уже три столетия, это женщины, отвечающие согласием.

Батлер, стараясь плавно пройти между танцорами и не споткнуться о столы вдоль правой стены, сдернул с себя шляпу и пальто.

«Так, теперь розовую маску, они же ищут черную. Где бы мне раздобыть партнершу? Где же…

О благостное Провидение!»

В глубине зала, как ни удивительно, в полном одиночестве за столом сидела женщина, лицо которой полностью скрывала белая маска, а волосы — белый шарф, намотанный на манер тюрбана. Тусклый свет маскировал тот факт, что ее черное бархатное платье с глубоким вырезом старое и поношенное.

Батлер подошел к ней. Зашвырнул под стол скомканное пальто и шляпу. Все это представление он завершил великолепным галльским поклоном.

— Мадемуазель, — пропел он, — je vous ai remarquee. Votre beauté, c'est comme un fleur dans un puisard. Vous permettez?[9]

Без дальнейших церемоний он взял ее за руку, дернул, поднимая на ноги, и закружил ошеломленную женщину, увлекая в толпу других танцоров.

«Где там Златозуб? Где же он?»

Однако Патрик Батлер не мог не чувствовать, во всех смыслах этого слова, женщину, которую сжимал в объятиях.

— Ваша красота, — продолжал он на том же

---

[9] Notes: 9

Мадемуазель, я вас заметил. Ваша красота словно цветок в выгребной яме. Вы позволите? *(фр.)*

беглом французском, — отравляет и сводит меня с ума. Ваша грудь обжигает. Ваше тело как…

— Патрик, — с запинкой выговорила Люсия Реншоу, — мне кажется, это уже слишком.

Батлер сбился с ритма, споткнулся о ее ногу и едва не упал.

— Боже милостивый! Вы же не…

— Ну разумеется! — Голубые глаза в прорезях маски смотрели на него как-то странно. — Неужели вы не поняли, кто я?

— Боже милостивый, нет! — ответил Батлер, спешно ослабляя свои крепкие объятия. — Я прошу прощения! Я подумал…

— О! — Люсия секунду молчала, пока музыка гремела и обезличенные масками лица ухмылялись в мигающем свете. — Вот так вы обращаетесь с женщиной, — резко спросила она, — когда считаете, что она… недостаточно респектабельна?

— Откровенно говоря, да.

Какое-то мгновение, если только он успел заметить, голубые глаза метали молнии. Но затем выражение их изменилось.

— Однако все в порядке, — продолжала Люсия безразличным тоном, — если вы говорите мне все это по-французски? Совсем не то что на ан-

глийском? И даже если бы вы захотели сказать мне все это на…

Как раз в этот момент в дверном проеме появился Златозуб, теперь уже в сопровождении полудюжины злобных дружков, рассеявшихся по сторонам.

Через эту же дверь вошел Батлер, хотя теперь они с Люсией находились в противоположном конце зала. И все же — и именно это встревожило Батлера — он разглядел, что Златозуб выглядит иначе.

Нет, костлявая физиономия с этой его отстраненной ухмылкой узнавалась безошибочно. Зато исчез козырек, который был на нем в бильярдной. И Батлер мог поклясться, что в чем бы ни был Златозуб внизу, но уж точно не в этом засаленном вечернем костюме, украшавшем его сейчас.

И… золотых зубов не было.

Подернутый дымкой луч света, меняя оттенок с фиолетового на желтый, высветил лицо Златозуба. Он улыбался, словно хозяин клуба — которым он, скорее всего, и являлся, — и его передние зубы были самыми обычными.

Он не двигался с места. Как и его приятели. Их глаза медленно, внимательно, терпеливо оглядывали комнату. Они принесли с собой кар-

тофелины-моли, полные бритвенных лезвий. Батлер подумал о лице Люсии. И, поддавшись порыву, снова теснее прижал ее к себе.

— Так-то лучше, — одобрила она тем же будничным тоном. — Как я говорила минуту назад…

— Люсия! — резко прервал он. — Почему вы захотели прийти в этот клуб?

— Но я же объяснила! Иногда мне… мне просто захотелось пойти в какое-нибудь сомнительное место. Не для того чтобы делать что-то неподобающее, естественно, — спешно прибавила Люсия, — а просто побыть и понаблюдать. Подозреваю, многим женщинам хочется. Но на самом деле тут ужасно скучно, правда?

— Точно, — согласился Батлер, не сводя глаз со Златозуба.

Златозуб, теперь без золота во рту, выдвинулся вперед и блуждал среди танцоров, словно радушный хозяин, по очереди всматриваясь в каждого.

— Почему вы мне не сказали, — зашептал Батлер, — что сюда не обязательно входить через бильярдную?

Глаза Люсии широко раскрылись под маской.

— Но вы же не пошли… Боже! Здесь два входа, и оба не имеют отношения к бильярдной.

— Два входа? И где же?

— Один вон там, — Люсия кивнула на хорошо охраняемую дверь, которую он уже успел прекрасно изучить. — Там лестница, которая ведет в коридор.

— Да, я ее видел. А другой где?

— Он точно такой же. Только…

Люсия снова кивнула. Вторая дверь была в этой же стене, только на другом ее конце. Батлер отчетливо все увидел: два лестничных пролета спускались параллельно, разделенные двадцатью футами стены (а еще помостом для оркестра). Все охранники сосредоточились рядом с первым дверным проемом. А у второго дверного проема…

— Люсия, кто обычно сидит у этой второй двери? — шепотом спросил он. — Еще один испанец, берущий плату за вход?

— Да. Смотрите! Вот же он.

— Ради бога, не показывайте!

Он ощутил, как она вздрогнула всем телом от пронзившего ее испуга.

— Пат, что-то не так?

— Ничего. Просто делайте как я.

Златозуб медленно продвигался прямо в их сторону.

Батлер не стал резко дергать свою партнершу

и расталкивать толпу, стремясь прочь от него. Именно этого движения и ждал Златозуб. Именно это высматривали все настороженно наблюдавшие вражеские глаза — любые признаки паники. Батлер же вел Люсию прямо на Златозуба.

«Мы не сможем выйти через эту вторую дверь. Сам бы я, вероятно, попытался, но не с Люсией. Костоломы Златозуба моментально преодолеют это расстояние и перехватят нас. Надо чем-то отвлечь этих остолопов. Надо…»

Батлер, не в такт кружа свою партнершу, склонился к уху мужчины в черной маске.

— Копы, — пробормотал он, едва заметно кивнув головой на мужчин, столпившихся в первом дверном проеме. — Лучше бы слинять.

Ничего не произошло. Черная маска просто смерила его взглядом и проплыла мимо. Батлер и не ждал, что танцор сразу же устремится ко второй двери. Но семя было посеяно в месте, полном сомнительных типов с натянутыми нервами. Слово разойдется, вызовет движение и рябь на воде.

— Копы, — бросил Батлер другому танцору, снова кивнув на первую дверь. — Лучше бы слинять.

Златозуб был теперь в десяти футах от них.

Оркестр зазвенел цимбалами. Четыре музыканта перешли к популярной песне, напряженный ритм и макабрическое звучание которой били по нервам и обостряли чувства. Пианист, склонившись поближе к микрофону, запел с проникновенной мягкостью:

– Сквозь дым и пламя за тобой я приду…

Дрожь прошла по замаскированным танцорам, ощутившим новую волну интимности. Один мужчина со своей партнершей, девушкой лет шестнадцати, натолкнулись на них, пролетая мимо и не сознавая того — губы их сливались в поцелуе. Однако шепоток и шорох: «Копы, надо линять» — расползался, словно змеи, шуршащие под ногами.

— Здесь… довольно тепло, — пробормотала Люсия. — Вам не кажется, что нам лучше уйти?

— Мы и уходим, — заверил Батлер. — Копы. Лучше бы слинять.

— Пат, что такое происходит?

— Примерно через минуту я проделаю чертовски странное танцевальное па, — зашептал он. — Вы последуете за мной, даже если мне придется тащить вас за волосы?

— Да! — так же шепотом ответила Люсия. Он ощутил ее дыхание. — Да, да, да! — Они теперь находились рядом со Златозубом, прямо у него за спиной.

– Если ты жива, тебя я найду…

Охваченный бесконечной радостью, в этом мутном алом свете Батлер от души пнул Златозуба по лодыжке, а в следующий миг они с Люсией, уклонившись, скрылись за двумя другими парами танцоров, когда свет изменил оттенок.

Вопль боли и ярости невольно вырвался у Златозуба и завибрировал, вызвав эффект, похожий на прикосновение бормашины к зубу. В тот же миг Батлер проскользнул рядом с очередным мужчиной в черной маске.

— Копы, — буркнул он, кивая все в ту же сторону. — Лучше слинять.

И что-то вдруг щелкнуло, словно лопнула скрипичная струна.

Черная маска, кто бы под ней ни скрывался, замерла, выпустив руки своей партнерши. Мужчина что-то шепнул девушке. Затем резко крутанулся на месте и рванулся ко второй двери так стремительно и плавно, что успел преодолеть приличное расстояние, прежде чем кто-то

заметил его маневр.

Златозуб, подняв руку над толпой, бешено замахал, указывая на него. Среди наблюдателей у первой двери произошло что-то вроде беззвучного взрыва. Не привлекая к себе внимания, но проворно, они двинулись вдоль стены, мимо небольшой эстрады для оркестра, в сторону второй двери…

— Сейчас! — приказал Батлер.

Люди Златозуба не станут хватать бегущего мужчину в черной маске прямо на танцплощадке, рискуя спровоцировать возмущение. Они схватят его где-нибудь на середине лестницы… и обнаружат, что схватили не того.

Значит, секунд двадцать первый дверной проем останется без охраны.

Глава двенадцатая

Не совсем без охраны.

Златозуб, редко попадавший впросак или упускавший что-то, в тот же миг начал локтями пробивать себе дорогу обратно к первой двери — на всякий случай.

Батлер, подталкивая Люсию перед собой и, словно щитом, прикрывая ее правой рукой от возможных столкновений с другими посетителями, следовал за Златозубом стремительным безумным зигзагом. Позади них раздавались проклятия.

— Пат, что вы делаете? — воскликнула теперь уже напуганная Люсия.

— Мы уходим отсюда. Точно так, как вы сами предложили.

— Но моя одежда! Моя сумочка!

— Это была не норковая накидка?

— Нет. Старое пальто. Но у меня в сумочке… в сумочке ключ. От настоящего приключения.

— Настоящего приключения?

— Вы обещали мне, — в глазах Люсии читалась мольба, — что после клуба разделите со мной

настоящее приключение.

— Прекрасно, но забудьте о ключе. И тише, прошу!

Златозуб, добравшийся до первой двери, резко развернулся на месте. Его маленькие глазки горели азартом. Двумя пальцами правой руки он трогал сложенную опасную бритву в левом рукаве.

Батлер с Люсией (первый моментально перешел на нормальный шаг) танцевали, двигаясь в сторону Златозуба, огибая его сбоку, и Батлер негромко, но страстно лопотал при этом по-французски.

— …et je t'adore[10], — подытожил он, нарочно споткнувшись о ногу Люсии. Люсия невольно вскрикнула. Батлер оттолкнул ее от себя и, отступив назад, слегка задел Златозуба.

— Mademoiselle, — проблеял он, рассыпаясь в извинениях, — je vous demande pardon! Mille pardons, je vous en prie[11]. — С тем же униженным и кротким видом он обернулся к Златозубу. — Et

---

[10] Notes: 10
…и я тебя обожаю *(фр.)*.

[11] Notes: 11
Мадемуазель, прошу прощения! Тысяча извинений, умоляю *(фр.)*.

vous, monsieur, sale chameau et fils de putain…[12]

Левой рукой благородным галльским жестом, он сдернул с себя маску. Кулаком правой со всего размаху заехал Златозубу в челюсть.

Где-то у них за спиной завизжала женщина.

Было ли это вызвано его действиями или — что вероятнее — дикой давкой у противоположной двери, Батлер не понял. Он был слишком занят другим.

Лезвие бритвы, вытянувшись, словно змея, легло в руку Златозуба за миг до удара Батлера. Златозуб, отступив на шаг на узкой лестничной площадке, зацепился каблуком за верхнюю ступеньку. Он начал падать спиной вперед, на окровавленном лице отразилось бесконечное изумление, после чего он уже покатился вниз по ступенькам, словно деревянная кукла.

Испанец, продававший билеты, вскочил было за своим столом, но внезапно решил, что происходящее совершенно его не волнует. И уселся на место.

— Подоткните юбку, — велел Батлер Люсии, — а потом бегите за мной во всю мочь. Если им хватило ума выставить людей перед дверью на

---

[12] Notes: 12
И у вас, месье, грязный верблюд и сукин сын *(фр.)*.

улицу…

Им не хватило.

Перешагнув через Златозуба, который пока что лежал, оглушенный, у подножия лестницы, они рванулись к уличной двери. Она оказалась незапертой, как было заведено в этом клубе. Снаружи Дин-стрит была подернута подобием холодного тумана, и ни звука не доносилось со стороны другого входа за бильярдной.

Они бросили свои маски. Дрожащая от холода женщина в тонком вечернем платье и небрежно одетый мужчина без шляпы и пальто заторопились в сторону Шафтсбери-авеню.

— Не нужно ловить такси, — сказала ему Люсия, даже при ее росте тщетно пытавшаяся подстроиться под его широкие шаги. — Ваша машина припаркована недалеко отсюда.

— Моя машина?

— Да. Я подумала, для настоящего приключения, — тут Люсия замялась, — нам лучше взять автомобиль. Как только вы ушли, я позвонила вашему шоферу…

— И где сейчас машина?

— Прямо на Кембридж-Сёркус. За театром «Палас».

— Благослови вас Господь! — Батлер пока еще

не мог успокоиться. — Однако же мне необходимо найти телефон.

— Зачем?

— Позвонить… лучше всего суперинтенданту Хэдли, но и любой другой подойдет.

Они отыскали телефонную будку в нескольких ярдах от того места, где Джонсон, водитель Батлера, припарковал длинный лимузин. Батлер сразу же отправил Люсию в машину. В телефонной будке со стеклянными стенами, как водится, света не было; и, как водится, телефонные справочники были изодраны в клочья. Впрочем, чтобы набрать Уайтхолл–1212 не требовалось ни света, ни справочника.

Батлер вернулся в машину спустя три минуты. В теплом сером полумраке салона Люсия устроилась в уголке сиденья, зачесывая назад золотистые волосы. Батлер забрался внутрь, и Джонсон захлопнул дверцу. Батлер с Люсией переглянулись.

Их все еще окутывала жаркая, удушливая атмосфера танцевального клуба. Виденные там образы были с ними. Настороженный Батлер, пока не ощущавший возможности расслабиться, перенервничал так, что ему казалось, заснуть он больше не сможет никогда.

— Чувствуете себя… в безопасности? — поинтересовался он.

— О да! — Люсия широко улыбнулась, продемонстрировав ровные зубы. Но в следующий миг ее снова охватили сомнения. — Признаю, это было чудовищно. Но и было в этом что-то до жути завораживающее. Я ни за что не пропустила бы такое!

— Cherie, je…[13] — Батлер оборвал себя, горло у него сжалось от восхищения и симпатии. Она озвучила именно то, что ощущал он сам.

— Tu dis?[14] — переспросила Люсия, опуская глаза.

— Что-что?

— Я заметила, — сказала Люсия, — что раз или два вы произносили фамильярное «tu»[15] вместо официального «vous»[16]. В разговоре со мной, я имею в виду.

— А что хотели бы слышать от меня вы?

---

[13] Notes: 13
Дорогая, я… *(фр.)*

[14] Notes: 14
Что ты сказал? *(фр.)*

[15] Notes: 15
Ты *(фр.)*.

[16] Notes: 16
Вы *(фр.)*.

— О, фамильярное. Это очевидно.

Патрик Батлер пододвинулся, обнял Люсию одной рукой и поцеловал в губы таким долгим поцелуем, что потерял счет времени. И было ясно по ответному движению ее губ, что Люсия вполне разделяет его чувства.

Он уже не думал ни о какой духовной близости, на которую напирал так убедительно и лирично накануне вечером. Он в полной мере и с немалым жаром сознавал, что у Люсии имеются и иные достоинства. Ибо если все это продлится подольше, то очевидно, что…

— Нет! Не надо! — сказала Люсия. Она начала вырываться и оттолкнула его. — Я хочу сказать — не здесь! И не сейчас! И поскольку меня арестуют…

— Тебя не арестуют, — возразил Батлер, стараясь унять дыхание. — Между прочим, разве я еще не говорил, что влюблен в тебя?

— Ты действительно этого не говорил. — Люсия, поскольку ее белый шарф развязался, сунула его концы в глубокий вырез платья. — Но у нас будет еще полно времени, чтобы…

Его остановило то, чего Люсия бы не поняла и чего не понимал он сам. Почему это перед его мысленным взором — даже пока он целовал

Люсию — тут же возник образ Джойс Эллис?

Да к дьяволу Джойс! Его вовсе не интересует Джойс. Он даже не вспоминал о ней с тех пор, как она заявилась к нему утром. Все это инфернальные фокусы воображения…

— Кроме того, — продолжала Люсия, искоса глядя на него, — нас ждет небольшое путешествие.

Батлер встряхнулся, приходя в чувства.

— Не то чтобы это важно, — произнес он, — но куда мы едем?

Люсия вместо ответа подалась вперед и постучала по стеклянной панели за спиной шофера.

— Твой водитель уже знает, — пояснила она.

Машина завелась и тронулась с места. Люсия, хотя глаза ее все еще ярко блестели, а окутывавшая ее аура была красноречива, словно прикосновение, сумела отстраниться от Батлера.

— Что… что там сказали по поводу твоего телефонного звонка?

— Звонка?

— В Скотленд-Ярд!

— У них патрульная машина на Олд-Комптон-стрит. Она будет в клубе Златозуба, — он прищелкнул пальцами, — на раз-два. Они там схватят только тех двоих, кто нам нужен, Златозуба и еще одного, которого зовут Эм. Мы ведь

сегодня говорили, ты же помнишь, о двух костоломах, нанятых твоим мужем, которые отправили в больницу сотрудника «Смита и Смита».

Люсия сидела совсем неподвижно, чуть приоткрыв рот. Любое упоминание о Дике Реншоу как будто гипнотизировало ее, и Батлеру это очень не нравилось. Лимузин беззвучно обогнул Кембридж-Сёркус и свернул на длинную Чаринг-Кросс-роуд, пока Батлер пересказывал Люсии свои вечерние приключения.

— Можно смело ставить пятерку, — подытожил он, — что это те самые. Они были готовы встретить меня, знали, что я приду. Именно поэтому они так и дышали злобой в мой адрес. Обычные нанятые головорезы делают свою работу так же равнодушно, как мясник рубит мясо. А эти красавцы…

И снова он мысленно увидел, как Эм прилаживает кастет, а в глядящих куда-то вдаль глазах Златозуба отражается удовольствие.

Люсия внимательно изучала пол под ногами.

— Что теперь с ними будет?

— Завтра утром, — угрюмо ответил Батлер, — я предстану перед судьей и обвиню их в разбойничьем нападении.

— Но… Пат! — тон Люсии был теплым, и в нем

звучали нотки радости и гордости. — По большей части ты сам на них нападал, разве нет?

— Строго говоря, да. Именно по этой причине обвинение, вероятно, будет сложно предъявить. Но обвинение на самом деле и не важно. Нам главное задержать их и предъявить хоть что-то. Что им известно о главе этого клуба убийств?

— А ты можешь… можешь доказать, что они действительно что-то знают об этом главе? Даже если клуб на самом деле существует? Можешь доказать, что им что-то известно?

— Нет! Кроме того, может, они и в самом деле ничего не знают.

— Кто же, — задумчиво протянула Люсия, — мог сообщить им, что ты сегодня вечером окажешься в этом бильярдном зале?

— Я считаю, это был крысюк с пышными усами, по имени Люк Парсонс, он же «Смит и Смит» из «гарантированной конфиденциальности». — Батлер клокотал от гнева, и все же в его голове теснились черные сомнения. — Беда в том, что этот усатый крысюк действительно был испуган до потери сознания. Он не хотел никаких неприятностей. Только не он! И никаких неприятностей! Так с чего бы ему предупреждать таких отморозков, как Златозуб и Эм, признаваясь, что

он только что выдал их? Нет, он не мог никого предупредить. И все же…

— Все же — что?

— И все же, — отозвался Батлер, ударяя кулаком по коленке, — он предупредил главу клуба убийств.

Повисло молчание, и Батлер смотрел в пустоту, не замечая ничего вокруг себя.

— Я свернул не на ту дорожку! — объявил он. — Я никогда не ошибаюсь, поверь мне, когда речь идет о вине определенного человека или об исходе суда. И в этот раз я не ошибся, я просто двинулся не по тому пути. Вместо того чтобы выслеживать Златозуба с Эмом, мне нужно было сосредоточиться на крысе с пышными усами по фамилии Парсонс.

Люсия, он знает наверняка, кто этот глава клуба убийств! Он загнан в угол и парализован ужасом перед главой клуба! Потому-то он и побелел как свечка, когда решил, что из его приемной доносится голос Дика Реншоу! Потому-то…

— О чем ты вообще говоришь?

— Погоди! — простонал Батлер. — Дай мне подумать!

— Пат, дорогой!

— А?

— Послушай меня! — негромко уговаривала Люсия. В ее голосе угадывались нежность, кротость, глубоко тронувшие его, поскольку он совершенно не ожидал услышать что-то подобное. Люсия протянула к нему руки. — Прошу, вернись в реальность хоть на минутку!

Подобным приглашением он вовсе не собирался пренебрегать, пусть даже это и мешало его размышлениям. Спустя некоторое время Люсия проговорила приглушенно, опустив голову ему на плечо:

— Я тут подумала о ваших «иннах». Я в таких вещах ничего не понимаю, мне рассказывал Чарльз Денхэм. Но разве ты не входишь в какой-нибудь из судебных иннов?[17]

— Вхожу, конечно! Почему ты спросила?

— Ну… Разве там одобрят, если ты заявишь завтра в полиции, что оказался замешанным в потасовку в Сохо, Пат? Мистер Денхэм говорил…

Колючая ревность ко всем и вся ужалила его.

— Когда это ты виделась с Чарли Денхэмом?

— Сегодня. После ланча. Как бы там ни было, он сказал, что вчера на суде ты вскочил и нарочно обозвал судью во всеуслышание старой

---

[17] Notes: 17

Судебные инны — четыре корпорации лондонских адвокатов.

мартышкой.

Батлер пожал плечами.

— Я назвал старой мартышкой старую мартышку, — пояснил он просто.

— Но разве за одно это твоя корпорация не может лишить тебя адвокатского статуса? А тут ты еще заявишь о драке в Сохо, и что будет, если в довершение ко всему ты сделаешь что-нибудь ужасное с этим человеком из детективного агентства?

Конечно, все это было справедливо. Однако Батлеру и в голову бы не пришло поступить иначе. Он с удивлением посмотрел на нее.

— Разве ты не понимаешь? — спросил он. — Я делаю все это ради тебя.

— Я понимаю, милый! — воскликнула Люсия. — Понимаю! И я признательна. В особенности когда ты воспользовался возможностью и… — Она с трудом сглотнула ком в горле. — Но разве ты не видишь, что рано или поздно — об этом говорил за ланчем мистер Хэдли — ты нарвешься?

— Но сегодня вечером не нарвался же!

— Да, милый. Но тебе невероятно повезло!

Патрик Батлер поглядел на нее. Потом поглядел еще раз. Ощутив в нем перемену, Люсия подняла глаза. Очень осторожно и нарочито Батлер убрал

от нее руки. Отодвинулся и остался сидеть в другом углу салона с надменным видом римского императора.

— Может показаться, — заметил он как бы между прочим, глядя на стеклянную перегородку перед собой, — что мне повезло.

В голосе Люсии прозвучало раскаяние:

— Дорогой! Погоди! Я не хотела сказать…

Батлер взмахнул рукой.

— Этим вечером, — продолжил он голосом, к которому прибегал в зале суда, — два джентльмена попытались отправить меня на больничную койку. Благодаря счастливой случайности, удачному повороту судьбы, ха-ха, оба этих джентльмена сейчас сами остро нуждаются в медицинской помощи. И нас с тобой в том клубе, полном шпиков и начинающих проституток, отрезали от выхода вовсе не два негодяя. Однако же благодаря слепой удаче мы вырвались оттуда, свободные как ветер.

— Пат! Прошу, послушай меня!

Тут Батлер сменил тон.

— Да где мы вообще находимся, черт побери? — спросил он. — Что мы тут делаем? Куда мы направляемся?

Поглядев в боковое окно, затем в заднее, он

снова начал сознавать мир вокруг себя.

Они пересекали Вестминстерский мост в сторону Суррея. Отражения высоких фонарей с авеню дрожали в глубокой воде, словно, как было сказано каким-то писателем, призраки самоубийц подняли повыше факелы, стараясь показать, где именно они утонули. В заднем стекле лимузина, далеко позади, Батлер разглядел огромную башню с подсвеченным циферблатом часов, и ее серо-черная громада возносилась над серо-черными коньками крыши парламента.

Звон Биг-Бена, отбившего четверть десятого, разнесся по воздуху не только звуком, но и ощутимыми колебаниями. Заслышав его, Батлер вдруг заговорил с ледяной вежливостью:

— Могу я поинтересоваться, Люсия, куда мы движемся?

Люсия, с побелевшим лицом, съежившаяся на сиденье, смотрела на него глазами, полными боли и укоризны. Затем она отвернулась.

— В Бэлхэм, — проговорила она вполголоса. — Это, конечно, если ты все еще готов ехать.

— Ага, — сказал Батлер. Даже брови у него взлетели театрально высоко. — Под Бэлхэмом, как я понимаю, ты подразумеваешь дом миссис Тейлор?

— Нет, ничего подобного!

— В таком случае не будешь ли ты так добра объяснить?

Даже жест Люсии, когда она съежилась еще сильнее, говорил: «Ненавижу тебя!» Но ответила она легким, слегка надменным тоном:

— Надеюсь, ты слышал вчера вечером, что я унаследовала три дома. Дом в Хэмпстеде, дом миссис Тейлор в Бэлхэме и третий — тоже в Бэлхэме. Он совсем небольшой. И в нем… на самом деле, в этом доме никогда не жили.

— И вот это, — уточнил ошеломленный Батлер, — ты называешь «приключением»?

Ответа не последовало.

— Вместо того чтобы отыскать уже Люка Парсонса и действовать в твоих интересах, я еду с тобой исследовать никчемный домишко, в котором никто никогда не жил?

— Скотина! — вспыхнула Люсия, крутанувшись на месте, чтобы на секунду устремить на него полные слез глаза. — Может быть, ты найдешь там больше, чем ожидаешь!

«Может быть, ты найдешь там больше, чем ожидаешь».

Подобное утверждение в устах Люсии вселяло легкую тревогу. Туман, почти невидимый,

нависал над черной Темзой. Вестминстерский мост был похож на выметенную и безлюдную танцплощадку.

Патрик Батлер, уже позабывший, в каком бешенстве только что пребывал, теперь ощущал раскаяние и желание извиниться. Он же в самом деле влюблен в Люсию; это гордость взыграла в нем; но его обычно такой бойкий язык словно прилип к гортани. Потому он скрестил руки на груди и уставился перед собой. Люсия тоже смотрела куда-то вдаль. Вот так они и сидели, словно пара марионеток, пока автомобиль с урчанием преодолевал Кенсингтон и Брикстон.

Невысказанные упреки так и висели в воздухе на всем долгом пути. Неожиданно черный мир Батлера, погрузившегося в мрачные мысли о собственноручно разрушенных надеждах, вдруг взорвался.

— Смотри, куда прешь, идиот! — приглушенно выкрикнул шофер.

Тормоза слабо скрипнули, тяжелую машину занесло, и она остановилась. Обоих пассажиров швырнуло вперед.

Слева они видели эмалированную красно-бело-синюю эмблему станции метро, на которой значилось «Бэлхэм». Справа возвышалось что-

то, похожее на арку железнодорожного моста. Посередине висел светофор, горевший зеленым. Худосочная фигура в накидке-дождевике и старом твидовом кепи, человек с докторским чемоданчиком в руке, замер посередине проезжей части под зеленым светофором.

И, словно их разом осенило, Батлер с Люсией повернулись друг к другу.

— Я не хотел! — сказал Батлер.

— Я тоже! — сказала Люсия.

Они, без сомнения, не ограничились бы этим, если бы худосочная фигура в старом кепи не двинулась к машине, чтобы сказать водителю пару ласковых. Батлер взялся за переговорную трубку.

— Джонсон, держите себя в руках, — предостерег он водителя. — Это наш друг. — После чего Батлер открыл дверцу и окликнул: — Доктор Бирс!

Фигура остановилась рядом с фарой лимузина. Они увидели усталые карие глаза доктора Артура Бирса с залегающими вокруг них тенями.

— Подвезти вас? — предложил Батлер.

Доктор согласно кивнул, и машина подкатила к бордюру рядом со станцией метро.

Доктор Бирс опустился на одно из откидных сидений напротив них. Когда он снял свое кепи,

снова бросился в глаза обтянутый веснушчатой кожей лысый вытянутый череп. Он сидел перед ними, поставив на колени чемоданчик, оттопырив нижнюю губу, грубоватый, но добродушный, только взвинченный сейчас до предела.

— Значит, все-таки решили приехать сюда! — произнес он.

— Приехать сюда… — Батлер, оторопев, осекся и обернулся к Люсии. — А доктор Бирс об этом знает?

— Нет! — воскликнула Люсия. — Я никому не говорила! Правда ведь, Амброз?

Доктор Бирс поморщился.

— Возможно, вы слышали, — обратился он к Батлеру, — что покойная миссис Тейлор называла меня Амброзом. В честь Амброза Бирса, этого прекрасного писателя. — Костлявые пальцы доктора крепче вцепились в ручку медицинского чемоданчика. — Рассказы Бирса, — прибавил он, — причудливые и зачастую жуткие. Но в них нет ничего патологического.

— Вот о чем я хотел поговорить с вами, — напустился на доктора Батлер, адвокат до мозга костей. — Ради этого я и осмелился вас остановить.

— В самом деле?

— Мы встречались всего два раза, доктор. Один раз в суде и еще вчера вечером в доме миссис Реншоу. Однако же мне показалось в суде, что вы знаете гораздо больше и намекали на нечто большее — насчет миссис Тейлор, — чем вам дозволяли сообщить правила дачи показаний.

— Да, — отрывисто подтвердил доктор Бирс.

— Пока мы были у миссис Реншоу, я спросил, почему вы говорили, что «Приорат», дом миссис Тейлор, — нездоровое место. Но нас прервали раньше, чем вы успели ответить.

— Да. — Худое лицо сделалось еще более суровым.

— Так скажите мне сейчас. Не утверждали ли вы, что Ричард Реншоу был в весьма дружеских отношениях с миссис Тейлор? Гораздо ближе, например, — тут он кивнул на Люсию, — чем была ее собственная племянница?

— Естественно, — согласился доктор Бирс все так же отрывисто. — Зло всегда притягивает зло.

На минуту повисло молчание.

— Поймете ли вы меня, доктор, если я сообщу о некой группе лиц, которая действует под совершенно фантастическим прикрытием? — Батлер продолжил рассказ. Доктор Бирс быстро поднял на него глаза. — Но я считаю, — заключил

Батлер, — что миссис Тейлор занимала высокое положение в этой организации, вероятно приближенное к ее главе. А главой я считаю Дика Реншоу. И кто-то отравил их обоих, чтобы забрать себе бразды правления.

— Прекрасно! — натянуто проговорил доктор и шлепнул ладонью по своему чемоданчику. — В таком случае почему бы вам не поехать в «Приорат» прямо сейчас и не убедиться?

Патрик Батлер захлопал глазами:

— В дом миссис Тейлор?

— Разумеется! Разве вы не туда собирались?

— Нет, нет, нет! — вмешалась Люсия. — Мы ехали в другое место, в…

— Сегодня в доме кто-то есть, — сообщил доктор Бирс.

Слова были вполне обыденные, однако отдались зловещим звоном недосказанности из рассказа о привидениях.

— Но этого не может быть! — возразила Люсия. — Слуги ушли уже несколько недель назад. Электричество отключили. И дом до сих пор опечатан.

— И тем не менее, — не сдавался доктор Бирс, — кто-то ходит из комнаты в комнату с керосиновой лампой. Погодите! Не стоит думать о грабителях

или убийцах. Мне кажется, я сумел рассмотреть, кто это был. Доктор Гидеон Фелл.

У Люсии невольно вырвалось:

— Доктор Фелл?

— Да. Он совершенно точно побывал там вчера вечером, совсем поздно, выискивал в доме какие-то улики. Мне рассказал сегодня полисмен, который обнаружил его там, приняв за грабителя. Разве вы не получали от меня записку?

— Какую записку?

— Моя дорогая мадам, — в голосе доктора Бирса угадывалось легкое раздражение, — вас не было дома между ланчем и шестью вечера, это мне известно. Но я же оставил записку, — доктор Бирс прищелкнул над ухом костлявыми пальцами, силясь вспомнить, — некой мисс Кэннон.

— Агнес ничего мне не передавала!

— Ладно! Я подумал, может, вам интересно. Потому что я совершенно уверен, что он будет там и сегодня.

— Почему вы так уверены?

— Потому что видел лампу. И он сказал полисмену, — прибавил доктор Бирс, — что собирается провести эксперимент, чтобы выяснить, кто именно отравил миссис Тейлор.

Батлер выпрямился на сиденье. Люсия, до того

подавшаяся вперед, отчего ее золотистую головку заливал мутный свет от станции метро, внезапно сжалась в комок.

— Дом ведь не очень далеко отсюда? — уточнил Батлер.

— Да-да! — подтвердил доктор Бирс. — Прямо под арку этого железнодорожного моста, затем повернуть направо на Бедфорд-Хилл-роуд. А… можно мне с вами?

Батлер быстро отдал распоряжения водителю. Автомобиль заурчал, возрождаясь к жизни.

— Доктор, — не отставал Патрик Батлер, — я очень хочу узнать кое-что. В чем состоял бизнес Реншоу? Я имею в виду, его официальный бизнес, для всеобщего обозрения? Вот Люсия лишь твердит что-то невнятное о каких-то «фабриках».

— Дорогой, это все, что он сам когда-либо рассказывал мне!

— О его официальном бизнесе мне ничего не известно, — сухо отозвался доктор Бирс. — Все, что я знаю: у него, вероятно, имеется контора в Сити и весьма удобное наименование «посредника». — Здесь его сардоническая улыбка, с какой шотландцев изображают в водевилях, снова растянула губы. — Зато я могу сообщить об этом джентльмене кое-что помимо оброненных мис-

сис Тейлор замечаний. Я знаю, с чего он начинал в жизни.

— И с чего же?

— Он был посвящен в духовный сан, — ответил доктор Бирс.

Глава тринадцатая

В верхней точке Бедфорд-Хилл-роуд, на краю общинных земель, на фоне черного неба смутно белела готическая зубчатая стена «Приората» с декоративной башенкой. Нигде не было ни огонька.

Хотя дом был в точности такой же, как в Хэмпстеде, «аура» у него была совсем не такая, как у дома Люсии. Земельный участок за невысокой каменной стеной был больше, но совсем неухоженный. Дом производил отталкивающее впечатление, у него был леденящий взгляд чересчур респектабельного незнакомца, способного зарезать тебя на улице. Деревья не столько вторили контурам стрельчатых окон, сколько скрывали их.

Лимузин остановился, немного не доезжая до вершины холма, погасив фары. Батлер, Люсия и доктор Бирс — в таком порядке — бесшумно двигались по выложенной камнями дорожке перед домом.

— Священник! — продолжал бубнить себе под нос Батлер. — Скажете тоже! — Затем он вспом-

нил распятие из слоновой кости на стене спальни Реншоу.

— Где еще, как не в церкви, — мягко спросил доктор Бирс, — он мог бы вещать таким голосом? Разве только на сцене… или в суде.

— Да, знаю, я на него похож!

— Тсс…

— Люсия, ты знала об этом? О его прошлом?

Ответа не последовало. Но Батлер настаивал:

— Так знала?

— Нет. Я об этом не знала. — Люсия крепче прижала к шее белый шарф. — Но раза два у меня мелькала мысль, что такое возможно. Проскальзывали какие-то мелочи. И ты вовсе на него не похож. — Она сжала Батлеру руку. — Ты вообще на него не похож, и ты должен это знать.

— Подергайте парадную дверь! — предложил делано грубым голосом доктор Бирс.

Парадная дверь, при жизни миссис Тейлор надежно запертая на замок, засов и цепочку, теперь оказалась незапертой вовсе. Она распахнулась в кромешную темноту, стоило Батлеру повернуть ручку. Но он знал, что́ встретит его там. Слабый запах пятен сырости и плесени, смешанный с неистребимым ароматом духов, какими пользовалась покойная миссис Тейлор.

— Ни у кого нет фонарика?

Доктор Бирс отозвался незамедлительно:

— Я всегда ношу его с собой. Держите!

Внутри, как и в доме в Хэмпстеде, был такой же коридор с двумя комнатами по обеим сторонам, ведущий в просторный холл в дальней части здания. Однако, если в Хэмпстеде гостиная была за первой дверью направо, здесь вход в гостиную-спальню находился слева.

Батлера тянуло туда с неодолимой силой, как будто его толкали чьи-то руки. Остальные последовали за ним, и доктор Бирс прикрыл входную дверь. Луч электрического фонарика коснулся открытого дверного проема комнаты миссис Тейлор, затем переместился к небольшому столу в коридоре.

На столе стояла старомодная лампа — белый шар из фарфора, разрисованный цветочками. Батлер поднял лампу и потряс ее.

— Тут еще остался керосин, — сообщил он, когда в тишине послышался громкий плеск. — Но лампа совершенно холодная. Никого здесь сегодня вечером не было!

— Говорю же вам, я видел свет! Доктор Фелл…

— Но не мог же он бродить здесь в темноте, правда?

Передав электрический фонарик обратно Бирсу, Батлер снял с лампы круглый плафон, запалил фитиль зажигалкой и надел плафон обратно. Бледный беловатый свет, какой-то потусторонний, воссоздал вокруг них атмосферу шестидесятых годов девятнадцатого века.

Словно желая распугать призраков, Батлер шагнул через порог в спальню миссис Тейлор. Он не стал оборачиваться или поднимать лампу выше, пока не оказался на середине комнаты.

Теперь он стоял лицом к кровати покойницы, кровати с резным заостренным изголовьем тускло-коричневого цвета и с кнопкой звонка на белом шнуре. Изголовье было придвинуто к той стене, за которой находился коридор. Простыни были сняты с матраса. Но от кровати так и веяло чем-то зловещим — она как будто плотоядно ухмылялась. Он бы не удивился, если бы увидел, как тучная миссис Тейлор с размалеванным лицом и крашеными волосами сидит здесь в своей розовой ночной рубашке и смотрит на него.

Батлер огляделся по сторонам. Лампа, бестелесной блеклости, с маленькими цветочками, высветила мебель, набитую конским волосом, вперемешку с мягкими глубокими креслами, несколько столиков с мраморными столешни-

цами, каминную полку с часами, небольшую ванную, устроенную в глубоком алькове между спальней и смежной комнатой. Ставни на стрельчатых окнах фасада были заперты. Ничто не изменилось с тех пор, как Батлер видел все это в прошлый раз.

— Пат! — Люсия, на цыпочках прошедшая следом за ним в комнату, бросила быстрый взгляд на кровать и отвернулась. — Если доктор Фелл и был здесь, то уже ушел. Что мы делаем в этом доме?

— Бог знает! Наверное, выясняем, водятся ли здесь привидения.

Доктор Бирс, человек науки, кажется, скептически сморщил нос.

— Некий эксперимент… — начал он.

— Только какого рода эксперимент? — Батлер обвел комнату лампой. — Все здесь то же самое. Все ровно так…

Только все было не ровно так. Батлер резко замер.

— Кто, — спросил он, — кто поставил на столик у кровати графин?

— Графин? — эхом откликнулась Люсия.

— Когда отравили миссис Тейлор, на прикроватном столике, кроме электрической лампы, были всего две важные вещи. Первая — жестян-

ка с ядом. Вторая — стакан с чайной ложечкой. И точно не было никакого графина. А теперь — посмотрите!

На прикроватном столике, слева от кровати, если развернуться к ней лицом, стояла (неработающая) электрическая лампа под желтым абажуром с бахромой. Рядом стоял графин — точно такой же, как и тот, из спальни Реншоу, — накрытый сверху перевернутым стаканом. Графин был наполовину полон.

— Это же просто как… — Голос Люсии сорвался, она сглотнула комок в горле. — Ну, вы знаете, как именно! Но с чего бы ему здесь оказаться?

— Понятия не имею. Старая мадам Тейлор, насколько мне известно, вообще не держала в доме никаких графинов.

Батлер подошел к столику у кровати. Бледный свет лампы превратил лица его спутников в блеклые маски чужаков, но все были так сосредоточены, словно опасались, что графин вот-вот взорвется. Патрик Батлер поднял графин и осмотрел его. Он был вымыт и натерт до блеска. Отставив стакан, он поднял графин повыше. Понюхал его содержимое. Эксперимента ради поднес ко рту…

— Ради бога, не делайте так! — воскликнул

сиплый голос настолько близко, что Батлер едва не выронил графин.

Они были так поглощены своими изысканиями, что не услышали ни слоновьих шагов доктора Гидеона Фелла, ни стука его трости с загнутой рукоятью. Доктор Фелл, слишком обширный, чтобы войти в дверь прямо, стоял там бочком, держа совсем маленькую керосинку с цилиндрическим колпаком. Крошечное пламя играло на обеспокоенном розовом лице, глаза внимательно смотрели поверх криво сидевшего пенсне на черной ленте.

— Или, если уж вам настолько необходимо сунуть туда нос, — просипел доктор Фелл, разволновавшись еще сильнее, — умоляю вас, хотя бы не пейте эту воду. Она отравлена.

Батлер спешно поставил графин на место.

— Благодарю, я не буду. Прошу прощения, но это и есть ваш эксперимент, чтобы выявить того, кто на самом деле отравил миссис Тейлор?

Доктор Фелл нахмурился. Он бочком протиснулся в дверь, не снимая пасторской шляпы и повесив трость на руку под откинутой пелериной.

— Миссис Тейлор? — переспросил он. — Нет, нет, нет! Дорогой мой, вы выстраиваете факты

не в том порядке. Мой эксперимент, если можно назвать его столь громким словом, касается важнейшего дела об отравлении Ричарда Реншоу.

— И… вы все выяснили? — спросила Люсия.

Доктор Фелл одарил ее отстраненным благожелательным взглядом и поклоном, словно рассеянный старый король Коль, и кивнул доктору Бирсу. Скользнув взглядом по горным склонам своего туловища, он не без труда умудрился извлечь из складок жилета большие золотые часы. Часто заморгал, поглядев на них.

— Гром и молния, теперь все могло бы уже проясниться! — произнес он, со страдальческим видом убирая часы. — Этот графин простоял на столе больше суток, что составляет приличный отрезок времени. Давайте же посмотрим!

— Что там? — вскрикнула Люсия.

Доктор Фелл поднял графин. Поднеся его поближе к бледному плафону лампы в руках Батлера, он придвинул и свою крохотную керосинку, так что графин оказался залит ярким светом. Вода была кристально прозрачная, стеклянная поверхность сверкала. Доктор Фелл изучил графин, вертя его из стороны в сторону.

— И что же? — поторопил Батлер, который, сам не зная почему, ощутил прилив жара и волне-

ния. — Что вы там видите?

Доктор Фелл шумно выдохнул от облегчения:

— Ничего, о чем рад сообщить. Совершенно ничего!

— Но ведь отрава…

— Дорогой мой! — произнес доктор Фелл с испуганным и озадаченным видом. — Отрава? Этот эксперимент не имеет никакого отношения к ядам! — И он поставил графин, заодно со своей керосинкой, на прикроватный столик.

Патрик Батлер закрыл глаза, медленно сосчитал до десяти и снова открыл глаза.

— Минутку, — проговорил он таким властным тоном, что доктор Фелл часто заморгал. — Давайте-ка проясним один момент. Время от времени ваши загадочные замечания похожи просто на какой-то фокус для отвлечения внимания, а по временам они звучат как реплики слабоумного.

Доктор Фелл принял виноватый вид.

— Но ведь человек, раскрывший дело о вампире и отравлении в поместье Касуолл-Моут, — продолжал Батлер, — не слабоумный. Его замечания не просто какая-то белиберда.

— Так и есть, — заверил его доктор Фелл. — Так и есть на самом деле.

— По моему мнению, — продолжал Батлер

тем же чеканным тоном, — вы усматриваете какую-то связь между двумя разрозненными свидетельствами. Связь стала бы очевидна, если бы вы указали на нее. Однако же ваши мысли метнулись в сторону, переключившись на какой-то другой аспект этого дела. И вы вполне искренне позабыли, о чем шла речь, когда мы спрашивали вас об этой связи. — Здесь Батлер вспомнил о галантных манерах восемнадцатого столетия. — Сударь, вы готовы принять вызов здесь и сейчас?

— Сэр, — в тон ему ответил доктор Фелл, отступая назад и поправляя пенсне, — я почту за честь.

— В таком случае подтвердите, что я двигаюсь в верном направлении. Что такое этот клуб убийств? Как он функционирует? Какие улики указывают на него? И самое главное, — от любопытства Батлер дошел уже до исступления, — под каким прикрытием он существует? Можете вы — и хотите ли — ответить нам прямо сейчас?

Доктор Фелл, чья громадная потусторонняя тень заслонила дверь, когда Батлер поднял лампу, глядел на него честными глазами, в которых больше не было никакой рассеянности.

— Я могу, — отвечал доктор Фелл, — и хочу. Вы заслуживаете знать, в каких пределах существует

враг, с которым вы боретесь.

— И в каких?

По всему оцепеневшему и молчаливому дому прокатился пронзительный телефонный звонок, ударивший по нервам Батлера.

— Этот телефон, — отрывисто произнесла Люсия, — был отключен несколько недель назад!

Доктор Фелл покачал головой:

— По какой-то счастливой случайности или даже умыслу — нет. Иначе как бы я оставался на связи с Хэдли? Вы меня извините на минутку?

Батлер пришел в отчаяние.

«Если он попытается ускользнуть от меня, если я не услышу всю историю через несколько минут, я буду преследовать его, как собирался преследовать Люка Парсонса».

Доктор Бирс, держа в одной руке кепи, а в другой медицинский чемоданчик, рассматривал деревянный остов кровати с таким странным выражением лица, что Батлер никак не мог его расшифровать; это напомнило Батлеру о другом лице, кажется не имеющем отношения к этой истории, которое зачаровывало его. Люсия, закусившая губу в недоумении, словно она хотела знать правду и в то же время не хотела, кажется, собиралась заговорить. Но тут она бросила встре-

воженный взгляд на дверь.

В дверном проеме стояла мисс Агнес Кэннон.

— Так-так! — произнесла мисс Кэннон, даже слегка вскипая от высокомерия. И продолжила теми же словами, какие недавно произносил доктор Бирс: — Значит, вы все-таки решили приехать сюда.

Кровь прилила к щекам Люсии.

— Я приехала, — сказала Люсия, — только не благодаря тебе! Почему ты не передала мне записку от доктора Бирса?

Мисс Кэннон, в укороченном коричневом пальто и с голубым шарфом на голове, завязанным под подбородком, продолжала вскипать, словно сельтерская в стакане, пока стягивала перчатки. Она медленно окинула взглядом комнату и, похоже, растрогалась.

— Милдред Тейлор! — произнесла она. — В этой комнате умерла одна из утонченнейших и благороднейших особ, каких я когда-либо встречала. — Затем она отрывисто ответила на вопрос Люсии: — Ты просто ребенок, Люсия. Ты не даешь мне исполнять свои обязанности и заботиться о тебе. Если нужно было, чтобы кто-то приехал сюда, я решила, пусть лучше это буду я.

— И чем же, по-твоему, — возмутилась Лю-

сия, — ты сможешь помочь?

— Я льщу себе тем, — пояснила мисс Кэннон, сверкнув стеклами пенсне, — что я женщина широких взглядов. Я знаю человеческую природу и нравы. — Она вроде бы невзначай посмотрела на Батлера, но при этом весьма выразительно. — Ты даже не потрудилась сообщить мне, куда собираешься и с кем.

— О, Агнес, не начинай!

Мисс Кэннон открыла сумочку, забросила в нее перчатки и со щелчком закрыла.

— И ты ведь понятия не имеешь, — голос ее задрожал, — не имеешь понятия, потому что заскочила домой только для того, чтобы переодеться к ужину, что полиция днем проводила в доме обыск? Да, ты не имеешь ни малейшего понятия.

На мгновение Люсия, кажется, перестала дышать.

— Они и мою комнату обыскивали?

— Вместе со всеми остальными. Естественно.

— Что же они искали?

— Мне они не сообщили. Однако ордер на обыск у них был. Я заставила старшего инспектора Сомса его предъявить.

В коридоре послышались неуклюжие шаги. Ко-

гда доктор Фелл бочком протиснулся в комнату и остановился, возвышаясь над всеми и полыхая энергией, словно печка — жаром, мисс Кэннон как будто растаяла, удалившись в темный угол. Доктор Фелл с серьезным видом уставился на Батлера.

— Послушайте, — начал он отрывисто, отбросив свои академические манеры, — боюсь, у меня для вас скверные новости. Звонил Хэдли. Полиция прочесала некий клуб «Любовная маска» без всякого успеха.

— В каком это смысле?

— Один из ваших врагов, человек, которого вы описывали как Эма, успел уйти, после того как врач обработал ему сложный перелом. Другой, которого вы назвали Златозубом, удрал перед приездом патрульной машины. Оба пока на свободе.

Батлер засмеялся. Доктор Фелл, крепко держа свое пенсне, рассматривал Батлера с вновь вспыхнувшим интересом и даже с некоторым трепетом.

— Сам я, — объявил он, — теперь уже не в той форме, чтобы разносить бильярдные и веселиться в ночных клубах Сохо, как, по всей видимости, поступили вы с миссис Реншоу…

— Люсия! — возмутилась мисс Кэннон.

— Однако Хэдли, — доктор Фелл отмахнулся от нее, — просил меня передать вам весьма серьезное предостережение. Златозуб твердо вознамерился отправить вас в морг.

— Почему-то, — сухо ответил ему Батлер, — вам не удалось меня напугать. Значит, головорезы до сих пор на свободе?

Лицо доктора Фелла покраснело еще сильнее.

— Если бы вы слышали отрывки из досье Златозуба, которые зачитал мне по телефону Хэдли, вы, наверное, были бы осмотрительнее. Есть у вас разрешение на оружие?

— Нет.

— Ну так зайдите утром в Скотленд-Ярд. Хэдли выправит вам без всяких хлопот.

Брови Батлера изумленно взлетели.

— Неужели вы искренне полагаете, — поинтересовался он, — что джентльмен удосужится потратить пулю на подобного типа? Таких либо игнорируют, либо вытирают о них ноги.

— Ради бога, послушайте! Когда вы столкнулись с ним в первый раз, Златозуб решил, что вы какой-то простофиля…

— У меня о нем сложилось такое же мнение. Какая-то мелкая сошка.

— Однако теперь он так не считает. Он не оставит вам шанса, он зайдет со спины, когда вы будете смотреть в другую сторону. Дорогой мой, что вы сможете сделать?

— До встречи с ним, — спокойно отвечал Батлер, — у меня не было ни малейшей идеи, какую тактику избрать. И сейчас нет. Но что-нибудь придумаю.

— Пат! — воскликнула Люсия. — А если они придут за тобой прямо сегодня ночью?

— Ну, даже если и придут? Не тревожься, милая, — сказал Батлер и у всех на глазах потрепал ее по щеке — мисс Кэннон оцепенела, залившись румянцем. — Что ж, надеюсь, — продолжал Батлер, поставив лампу с белым круглым плафоном на прикроватный столик и снова позволяя своему любопытству вырваться на волю, — теперь мы услышим что-то действительно важное. Доктор Фелл, так вы собираетесь рассказать нам о клубе убийств?

— Да, — очень серьезно отвечал доктор Фелл.

В наступившей тишине, когда все остальные интуитивно попятились, он уселся на край массивной кровати. Его рука легла на изогнутую рукоять трости, упиравшейся в пол металлическим наконечником.

— Я признаю, — произнес Батлер с непривычным для него смирением, — что сам не додумался ни до чего. Я понимаю, что эта шайка изобрела некий совершенно новый способ мошенничества…

— Нет, — возразил доктор Фелл голосом резким, словно пистолетный выстрел, и постучал концом трости в пол.

— Не новый?

Доктор Фелл откинул крупную голову с копной седеющих волос и впился в Батлера проницательным взглядом, в котором старческая мудрость смешивалась с юношеским озорством. Однако он снова опустил голову.

— Я постоянно твержу суперинтенданту Хэдли, — продолжал он, — что ему было бы полезно запираться от всех часов на пятнадцать в день и читать книги по истории. Он отвечает мне, и вполне резонно, что тогда у него не останется времени ни на что другое. И тем не менее нет такого преступления, нет даже тенденции в преступном мире, которые не повторялись бы снова и снова.

Новый способ? — загромыхал доктор Фелл. — Да это прикрытие для дьявольщины, которое вам угодно именовать мошенничеством, появилось еще в Средние века!

Неяркая белая лампа среди многочисленных теней вернула комнату с обоями в желтую полоску в сумеречную реальность Викторианской эпохи. Время словно остановилось. Миссис Тейлор, даже если ее призрак все еще ухмылялся из-под крашеных волос, могла бы с тем же успехом умереть лет сто назад. Однако доктор Фелл увлек их во времена еще на несколько столетий раньше.

— Я не отвлекусь от темы, — произнес он, — если возьму для примера крестьянина Средних веков. Любой школьник знает, что жизнь его была трудной и невыносимо безотрадной. Церковь и государство, во всяком случае так кажется, объединились, чтобы угнетать его. Высокопоставленные представители обеих институций проносились мимо на своих прекрасных лошадях, направляясь в замки, где было полно мяса и вина. Он же должен был каким-то образом раздобыть пенни, или же его продуктовый эквивалент, чтобы пропустить стаканчик в пивной. Его могли повесить за малейший проступок, отправить на войну в чужую страну, в лучшем случае он проводил всю жизнь, копаясь в земле.

Единственное утешение он находил в церквях, сияющих огнями, словно Небеса, золотых от свечей, словно раскрытые сундуки с сокровищами.

Но даже там за каждой живой изгородью таились ужасы и дурные знамения. Бог есть, но Он высокомерный и жуткий. Что Он сделал для детей своих в годину бедствий?

Доктор Фелл умолк, как-то непоследовательно отмахнувшись.

— Пусть их! — сказал он. — Это всего лишь мимолетная зарисовка с комедийным оттенком, если мы верим в то, что именуется прогрессом. Давайте-ка присмотримся к невыносимой безотрадности бытия среднестатистического человека в наши дни.

Спешу пояснить, поскольку мисс Кэннон уже не терпится заговорить, что речь пойдет не о том, какое правительство нынче у власти. Это просто результат мирового катаклизма. Ни одно правительство за пределами Утопии не смогло бы исправить все за такой короткий срок. Однако же взглянем на среднестатистического человека!

Его уровень жизни, без сомнения, повысился! Он не голодает, хотя и получает ровно столько пищи, чтобы не протянуть ноги. Даже если у него имеются деньги, он не может ничего купить. Нечего покупать. Он выстаивает длинные очереди за сигаретами, когда удается их найти. Даже реклама в газетах глумится над ним, превознося

достоинства какого-нибудь заварного крема, который он все равно не сможет попробовать, потому что и без него слишком много желающих.

Его давят в толпе, стискивают в очередях до полной покорности, зажимают в бюрократических тисках, его унижают торговцы, с которыми он вынужден иметь дело. Его нервы, истрепанные за пять лет войны и воздушных налетов, саднят от попыток достигнуть того, чего здесь нет. Доводилось вам видеть такие длинные очереди в кинотеатры, где люди с пустыми лицами, словно стадо баранов, стоят на холоде в ожидании того момента, когда смогут на время забыться среди слащавых движущихся картинок?

В каком состоянии ума они пребывают тогда?

Итак, давайте снова вернемся к тем чахлым — но таким знакомым — фигурам из Средних веков. Для многих из них, в их кошмарном бытии, Господь господствующих оставался непостижимой тайной. Но имелся и другой бог, такой же подлинный и куда более волнующий. И сила у него имелась. Он мог раздавать богатые дары. Он вознаграждал верующих, не то что церковь и государство. И потому они могли…

Доктор Фелл выдержал паузу.

— Могли… что? — не вытерпела Люсия, хвата-

ясь за спинку в изножье кровати.

— Они могли поклоняться Сатане, — ответил доктор Фелл. — Тогда, ровно как и теперь, из одной лишь жажды острых ощущений.

Молчание длилось, кажется, бесконечно, усугубленное странным выражением на четырех лицах, залитых причудливым светом.

— Вы способны признать тот факт, — сказал доктор Фелл, — что все возвращается на круги своя?

Первой ответила мисс Кэннон.

— Нет, в самом деле! — произнесла она пронзительным тонким голосом. — Если вы предлагаете нам серьезно отнестись к каким-то глупым сказкам…

Доктор Фелл закрыл глаза.

— «Без сомнения, вы читали — я цитирую мистера Мэйчена — о ведьмовских шабашах и смеялись над теми историями, которые ужасали наших предков: о черных кошках и летающих метлах, о порче, наведенной на корову какой-нибудь старушки. Поскольку я знал правду, я часто думал: даже славно, что люди верят в такие пародии»[18].

---

[18] Notes: 18
Цитата из рассказа Артура Мэйчена (1863–1947) «Белый порошок».

Доктор Фелл открыл глаза. Кончики его разбойничьих усов поникли. Он заговорил веско.

— Мэм, — обратился он к мисс Кэннон, — вам известно, что такое на самом деле черная месса?

— Ну, я…

— Ни один из писателей не запечатлел ее в точности, за исключением Гюисманса в его «Там внизу». Только церковь осмеливалась говорить об этом и сообщать подробности, и я не буду щепетильнее церкви. Черная месса, которая проводится на теле обнаженной женщины в качестве алтаря, начинается с церемонии…

Два голоса заговорили резко, наложившись один на другой.

— В самом деле, — произнесла мисс Кэннон, — кто-то отличается широтой взглядов, и ему это нравится. Однако хороший вкус еще никто не отменял.

— Антихрист! — воскликнул доктор Бирс, словно молясь. — Пусть горит и будет уничтожен!

И тут Батлер, оглядевшись по сторонам, понял, кого напоминает ему Артур Бирс. Он давно уже должен был бы заметить. Бирс, кем бы он ни был по происхождению, казался не столько целителем тел, сколько шотландским пуританином из семнадцатого столетия, врачующим души. Даже

его внешность — этот узкий лысеющий череп и задумчивые карие глаза на худом аскетичном лице казались в полумраке словно написанными на старинном портрете.

Батлер отметил это, до конца не сознавая, сраженный откровением. Он посмотрел на Люсию.

— Ведовство! — произнесла Люсия, задрожав. — Поклонение Сатане! Но… в наши дни?

— В наши дни, — подтвердил доктор Фелл, — больше, чем когда-либо.

— Почему?

— Потому, что мир обратился в хаос. Потому, что после недавней аферы Адольфа Гитлера многие уверовали, что благопристойности в наши дни уже не существует. Ужасы больше не трогают. Что до религии, заметьте, ее место заняла политика. Нам доводилось наблюдать юных девочек лет пятнадцати, которые пьяные визжат на Лестер-сквер. Приличные люди с радостью идут на уловки и обман, потому что их заставила жизнь. Все это переменится, обещаю вам! А между тем у нас тут секта сатанистов.

— Широко распространенная? — уточнил Патрик Батлер.

— Не особенно широко, нет. Зато до крайности порочная и вдвойне опасная. Поскольку в нее

входят подлинные любители острых ощущений и потенциальные убийцы.

— Убийцы? — воскликнула Люсия.

— Разве вы не поняли? — негромко переспросил доктор Фелл. — Секта сатанистов все это время и служила прикрытием для нашего оптового отравителя.

Глава четырнадцатая

— Видите ли, несколько лет назад, — продолжал доктор Фелл, явно не сознавая, как напряглись его слушатели, — мы с инспектором Эллиотом были уверены, что натолкнулись на сатанинскую секту в деле об изогнутой петле. Но это оказалось не так, секта существовала лишь в воображении одного человека. Однако на этот раз, гром и молния, реальность отплатила с лихвой! Э… мне объяснить, как я обнаружил все это?

— Да, да, да! — повторяла Люсия, понизив голос. Она развернула один из старых стульев, набитых конским волосом, и села, чтобы оказаться с доктором лицом к лицу. Мисс Кэннон, все еще взбудораженная и, очевидно, потрясенная, застыла над ней.

Доктор Фелл хлопал глазами, глядя на Патрика Батлера.

— Прошлым вечером в доме миссис Реншоу, — начал он, — я признался вам, что уверен в существовании организации, которая распространяет отраву. Но я не мог, хоть ты тресни, понять, как она умудряется действовать так скрытно, чтобы

никто и словечка не проронил.

Архонты Афин, вот дырявая башка! — прибавил доктор Фелл, постучав себя ладонью по лбу. — Я позабыл историю, какую не имеет права забывать ни один криминалист. Поскольку сразу же увидел тогда на столе в гостиной очень большой серебряный подсвечник с семью рожками.

Минуту все молчали.

— Но вы всего-навсего, — возразил Батлер, хотя и видел, как поблизости роятся многочисленные опасности, — выскребли из одного рожка немного парафина. Парафина, совершенно почерневшего от пыли.

— Ну нет! — сказал доктор Фелл. — Не от пыли! Как я услышал сразу после того, мисс Кэннон, присутствующая здесь, слишком хорошая домоправительница, чтобы позволить пыли скопиться где-либо. Да и шарик парафина, если его поскрести, не будет черным и внутри тоже. Вы хоть раз в жизни видели черные свечи, которые подходили бы по размеру к большим рожкам того канделябра? Не видели, их не выпускают, если только кустарно. Там были черные свечи…

— Для черной мессы, — завершил доктор Бирс с леденящим кровь спокойствием.

— Могу сообщить, — вставила мисс Кэннон

пронзительным голосом, — что рожки подсвечников были совершенно чистыми. Я осматривала их сегодня утром.

— Мне рассказал об этом Хэдли. Он виделся с миссис Реншоу за ланчем. — Доктор Фелл поглядел на Люсию. — Иными словами, миссис Реншоу, кто-то в вашем доме вычистил подсвечники ночью. Я повторяю: в вашем доме. Разве вы не замечаете, как это все ближе подводит нас к сути?

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — Горло у Люсии пересохло. — В самом деле, я ничего не понимаю.

— Ла-адно, — задумчиво протянул доктор Фелл, отмахнувшись и продолжая свой рассказ: — Сразу после яркого озарения, вызванного канделябрами, я получил много новой информации, которая, как вы могли бы заметить, буквально заставила меня подскочить.

— Что это была за информация? — встрял Артур Бирс, который замер в тени со сжатыми кулаками. — Я… э… я ушел из дома после знакомства с вами. Что за информация?

— На подоконнике одного из окон в спальне мистера Реншоу, — пояснил доктор Фелл, — кто-то начертил в пыли несколько небольших линий.

Мисс Кэннон любезно сообщила мне, что каждая линия была похожа на перевернутую букву «Т», вероятно с маленьким хвостиком внизу. Гм… да.

— К несчастью, — вставила мисс Кэннон, — рисунки в пыли пропали.

— К счастью, — отозвался доктор Фелл, — полиция сфотографировала их при первом осмотре комнаты.

Покопавшись во внутреннем кармане пиджака, где было столько старых писем, что хватило бы набить ими коробку из-под обуви, доктор Фелл извлек смятую глянцевую фотографию. Он протянул ее Люсии, приглашая взглянуть.

— Но все в точности, как описывала Агнес! — воскликнула Люсия. — Небольшой хвостик — это продолжение, короткое продолжение вертикальной линии.

— Вам это ничего не напоминает? А?

— Нет!

— Сейчас фотографии лежат правильно, так и надо на них смотреть, — продолжал доктор Фелл. — А теперь взгляните вверх ногами!

Он перевернул фотографии, и Люсия вскрикнула:

— Не может быть… это же кресты! Я имею в виду, похоже на христианские распятия!

— Ага! — проворчал доктор Фелл и сунул фотографии обратно в карман. — На стене той комнаты, как мы помним, висело распятие из слоновой кости. Кто-то, приготовив яд, смотрел на него с глумливой насмешкой. Кто-то начертил в пыли в качестве комментария — начертил несколько раз, охваченный ненавистью, — главный символ всех поклонников дьявола — перевернутое распятие Сатаны! — Трость доктора Фелла с силой ударила в пол.

— «Приготовив яд»… — повторила Люсия.

— Да. Очень важный момент.

— Помните, вчера вечером… — голубые глаза Люсии высматривали новые опасности, — вы задали мне два вопроса, очень важные, как вы сказали. Вы спрашивали, ссорилась ли я с тетей Милдред Тейлор по поводу религии. И я по-прежнему утверждаю, что она говорила о католической церкви!

— Вы уверены? — мягко переспросил доктор Фелл.

— Доктор Фелл, я уверена! Она при этом выглядела ужасно странно, как я тоже говорила. Но если точно, она сказала так: «Какую же радость ты испытаешь, дорогая моя, когда обратишься к старой религии».

— Старая религия! — довольно пробурчал доктор Фелл. — Вот так-то лучше! Я примерно так и думал!

— Но вы же не хотите сказать…

— Именно так называют это многие адепты Антихриста и его поклонники, — подтвердил доктор Фелл. — Что до второго важного вопроса, который я задал, я убедился в полной вашей невиновности, когда он, похоже, вызвал у вас искреннее недоумение… Вот послушайте!

Доктор Фелл хмыкнул, но в его смешке не было веселости. Он вскинул седеющую голову, обремененную грузом знаний, и по очереди оглядел всех четырех собеседников, окружавших его.

— Позвольте напомнить вам одну историю, — начал он. — Вы все с нею знакомы. Она напечатана в половине школьных учебников и прочитана почти всем нашим народом, несмотря на один любопытный сопутствующий факт: ни один автор, готовивший ее к печати, ни один читатель, прекрасно запомнивший ее, не имеет ни малейшего понятия, какой смысл заключен в ней на самом деле.

История относится ко временам правления Эдуарда Третьего, к четырнадцатому веку, когда некая дама — в большинстве источников ее

называют графиней Солсбери — танцевала на королевском балу. Во время танца у нее упала с ноги подвязка, что привело ее в страшное смущение. Король Эдуард моментально поднял подвязку и натянул на собственную ногу со словами: «Honi soit qui mal y pense»[19], и после этого инцидента он учредил орден Подвязки, высший рыцарский орден во всей Европе.

Доктор Фелл надул и сдул губы под разбойничьими усами, насмешливо фыркнув.

— Так вот, эта маленькая история интересна не тем, правда это или же наполовину легенда. Просто за века повторений утратился ее главный смысл.

Здесь лицо доктора Фелла приобрело еще более насмешливое выражение.

— Уж поверьте мне, потребовалось бы нечто гораздо большее, чтобы сконфузить даму из четырнадцатого столетия. На самом деле подобный инцидент даже и при королеве Виктории вызвал бы лишь мимолетное смущение. И любой ребенок в наши дни может перевести слова «Honi soit qui mal y pense» как: «Зло тому, кто зло помыслит». Да при чем тут вообще какое-либо

---

[19] Notes: 19

«Позор тому, кто дурно об этом подумает». Фраза на англо-нормандском диалекте, ставшая девизом ордена Подвязки.

упоминание зла?

А вот король Эдуард знал. Он знал, какие чувства испытала леди Солсбери и что нагнало ужас на гостей. И только его сообразительность, на которую особо напирает мисс Мюррей[20], вероятнее всего, спасла леди жизнь. Ибо подвязка, которую впоследствии символизировали шнур, тесьма или лента…

Люсия Реншоу поднялась с места. Не сознавая грациозности собственных движений, она вышла на несколько шагов вперед, прижимая ладони к щекам.

— Продолжайте! — потребовал Патрик Батлер.

— Подвязка, — продолжал доктор Фелл, — была атрибутом ведьмы. Она принадлежала созданию, сведущему в разврате и убийствах, чей образ вырисовывается на фоне мрачного неба Средневековья. А красная подвязка, помимо прочего, обозначала еще и главу группы, или конвента, высшее положение в совете нечестивых, самое приближенное к персоне, как правило мужчине, который возвышался над всеми ими, исполняя роль Сатаны.

---

[20] Notes: 20

Мюррей Маргарет Элис (1863–1963) — британский антрополог, археолог, фольклорист, автор книги «Культ ведьм в Западной Европе» (1921).

Озноб пробрал слушателей до костей, словно даже из лампы с круглым плафоном изошло тепло и покойная миссис Тейлор присоединилась к обществу.

— Да, посмотрите все на меня! — проговорила Люсия отчетливо и с вызовом. — Я больше года носила эти мерзкие штуковины время от времени. Они были на мне даже вчера вечером.

Доктор Фелл испустил глубокий вздох.

— Мэм, — пробурчал он, снова забеспокоившись, — я рад, что вы сказали об этом. В ящике вашего туалетного столика полиция обнаружила…

— Да, естественно! Потому-то я так испугалась, когда Агнес сказала, что дом обыскивали. Они же искали…

— Нет, нет и нет! — запальчиво возразил доктор Фелл. — Они искали кое-что поважнее, чем пять пар аляповатых красных подвязок, уверяю вас. Но зачем же вы солгали мне вчера вечером?

— Просто я не знала, что они означают! У вас это прозвучало так ужасно загадочно и многозначительно, что я замкнулась… можете считать, интуитивно! И вообще, меня заставил Дик.

— Ваш муж заставлял вас носить красные подвязки?

— Да! Это было вроде бы в шутку. Однако с каким-то подтекстом. Он часто приговаривал: «Моя радость надела свое украшение?» Он всегда называл их «украшением» и каждый раз смеялся при этом. И мне было никак не угадать, в какой момент он спросит об этом. — Люсия облизнула губы. — Я… я говорила, помните, — ее взгляд устремился на Батлера, — что Дик всегда выбирал мне одежду. Намекнуть откровеннее я не осмелилась. Но я же не понимала, что это значит! Клянусь, не понимала! Пат, дорогой! — Она хотела было протянуть к нему руки, но передумала. — Ты мне не веришь?

— Конечно верю. — Смех Батлера зазвенел в этой безобразной комнате, не встретив поддержки. — И все остальные поверят. Что вы сказали, мисс Кэннон?

Мисс Кэннон, снявшая свое пенсне, чтобы потереть глаза, близоруко сощурилась на него.

— Я говорю, — повторила она самым благовоспитанным своим тоном, — что если услышу еще раз обо всех этих неприличностях, то покину этот дом. Я считаю, что подобный предмет непристоен и обсуждению не подлежит.

— Один момент! — крайне резко возразил доктор Фелл.

Люсия слабо развела руками, словно умоляя Батлера подойти и встать с нею рядом. Он так и сделал, незаметно коснувшись ее плеча. Теперь он видел широко раскрытые глаза доктора Фелла, ясные, серые, нисколько не затуманенные возрастом или чрезмерным количеством выпитого пива.

— Ваш супруг, миссис Реншоу, был посвящен в духовный сан. Это, — пояснил доктор Фелл, — было весьма быстро установлено в ходе рутинной полицейской проверки. Вы знали об этом?

— Нет. Не знала до сегодняшнего вечера. Мне сказал доктор Бирс. Но у меня были смутные — даже не знаю, как бы это объяснить? — подозрения подобного рода…

— Вы подозревали — а я почти уверен, — что он стоял во главе ведьмовской секты?

«Так я был прав!» — подумал Батлер.

— Нет! — воскликнула Люсия. — Никогда! Все, что я думала… ну, что существуют какие-то потешные религиозные секты, не несущие никому вреда. Вроде поклонения деревьям, или солнцу, или чему-то в этом роде.

— Ваш муж когда-либо проводил вас через обряды, необходимые для посвящения в ведьмовскую секту? Не обязательно краснеть, словно

школьница, миссис Реншоу. Если он это делал, поверьте мне, вы бы запомнили.

— Я не помню. Значит, нет.

— А он никогда не намекал на подобное?

— Я обязана отвечать на этот вопрос?

— Дорогая моя, вам нет необходимости отвечать мне вовсе. Можете покинуть этот дом, как того желает мисс Кэннон, ступайте с миром. Я всего-навсего, как и говорил вам, старый дилетант, который хочет вам помочь.

Батлер, чья ненависть к Дику Реншоу достигла новых высот или глубин, сжал Люсии плечо так проникновенно, что ей пришлось ответить. Дик Реншоу подступал к ним, охватывал со всех сторон, словно черными крылами.

— Может быть… — Люсия переплела изящные пальцы, — может быть, мне только чудится в этом какой-то намек, потому что теперь я кое-что знаю. Но как-то раз он сказал мне, — тут она умолкла, сомневаясь, — он сказал: «Милая, ты Венера только внешне, в душе ты настоящая тетушка викария». Я ответила: «А может быть, просто ты не тот мужчина?» Тогда был один из тех случаев, когда он ударил меня. Не могли бы мы уже оставить эту тему?

— Потерпите еще минуту. Я тоже не в восторге,

гром и молния! Вы знали, что только рукоположенный священник может отправлять черную мессу?

— Доктор Фелл, я никогда не слышала о черной мессе, если не считать рассказов о сверхъестественном, где и не уточнялось вовсе, что это и зачем. — Очевидно, против ее воли, в глазах Люсии промелькнуло любопытство. — А что происходит?

— И вы не знали, — не отставал доктор Фелл, пропустив ее вопрос мимо ушей, чтобы задать собственный, — что подобные обряды проводились здесь?

И снова два голоса заговорили одновременно, наложившись друг на друга.

— Здесь? — воскликнула мисс Кэннон.

— В этом доме? — уточнил доктор Бирс.

Бирс, сжав кулаки, медленно обогнул кровать и встал лицом к лицу с доктором Феллом.

— Не в этом доме, — ответил доктор Фелл, позволив взгляду блуждать по полутемной комнате, все еще слабо источавшей аромат духов миссис Тейлор. — Но очень близко отсюда. В небольшом строении, принадлежащем теперь миссис Люсии Реншоу.

И снова мисс Агнес Кэннон попятилась, втянув

голову в плечи. Доктор Фелл обернулся к Люсии.

— Кажется, я вам говорил, — продолжал он, — что интересовался у мистера Чарльза Денхэма завещанием миссис Тейлор. Миссис Реншоу унаследовала три дома. «Приорат», «Дом аббата» и третий, под названием «Часовня».

— И что же?

— Кто-то заметил, доктор Бирс, как нелепо мы именуем свои дома. Маленькую коробочку возводим в ранг виллы, поместье, где в радиусе сотни ярдов ни одного дерева, величаем «Вязами», и никто даже не задумывается. Этот дом не приорат. Ни один монах никогда не входил в «Дом аббата». Однако — какая ирония, гром и молния! — место, названное «Часовней», действительно часовня.

На худом лице Бирса как будто проступили все кости. Он сдерживал себя с видимым усилием.

— Если вы заявите, что это часовня нонконформистов, — проговорил он невнятно, — я сразу скажу, что это ложь.

— Нет же! Я имею в виду частную часовню, некогда стоявшую при большом доме, который давно снесен. Но она была освящена. Ее можно использовать, и ее используют, для поклонения Сатане.

Батлеру показалось, что на губах Бирса снова

готовы задрожать слова: «Пусть горит и будет уничтожен!» Однако врач лишь указал на кровать и произнес тем же сиплым голосом:

— Миссис Тейлор?

— По моему мнению, сэр, она была главной помощницей главы секты, Ричарда Реншоу.

— И она участвовала в обрядах в этой… часовне?

— Дорогой сэр, — отвечал доктор Фелл, — вы ведь сами, давая показания в суде, сказали, что ей хватило бы сил пешком дойти до Китая, да еще и с чемоданами. Она вовсе не инвалид.

— А когда ей казалось, что от нее что-то прячут, она могла обшарить весь дом. Эта чертова баба, — прорычал Бирс, дав понять, что использует определение в буквальном смысле, — настаивала на том, чтобы ночевать в доме одной, только с компаньонкой-секретаршей где-то в дальней комнате. Если бы она захотела выйти через парадную дверь, об этом не узнала бы ни одна живая душа.

— Да.

— Доктор Фелл, почему вас так интересует эта… часовня?

— Да будь оно неладно, неужели вам непонятно? — доктор Фелл снова встревожился и

рассердился, словно все и так было совершенно очевидно. — Мы расследуем не случай сатанизма. Мы расследуем случай массового отравления. Что касается часовни…

Он повернул голову, обводя взглядом всех остальных собеседников. И прибавил:

— Я отведу всех вас туда сегодня же вечером.

Где-то в недрах темного дома послышался грохот разбившегося стекла.

Все четверо застыли на месте. Этот звук, как показалось Патрику Батлеру, раздался — совсем близко.

— Фонарик у вас все еще под рукой? — спросил он доктора Бирса. — Отлично! Дайте его мне!

Врач взял фонарик со стула, куда положил его вместе с кепи и чемоданчиком. Люсия вышла вперед:

— Пат, что ты делаешь?

— О, просто пойду осмотрюсь.

— Пат, будь осторожен!

— Осторожен? Осторожен с чем? — переспросил озадаченный Батлер и торопливо вышел в коридор.

Поскольку, покидая комнату, он никак не думал, что в самом деле может натолкнуться на взломщика или вора. Он просто хотел на несколь-

ко минут остаться один, в темноте, наедине со своими мыслями, и чтобы никакое выражение лица не выдало его; он закрыл за собой дверь.

Батлер мимоходом провел лучом фонарика по четырем дверям в коридоре, по одной за другой, и вдоль стены с выцветшими желтыми обоями. Затем он прошел по коридору.

За последние полчаса он испытал такую тоску (не признавая того), какой не знал раньше. Ему хотелось лупить кулаком по стенам от неуемной боли в душе.

Сатанизм. Плоть и дьявол. Черные свечи, горящие на алтаре из человеческого тела, под перевернутым крестом. Красные подвязки, шнуры и ленты, поблекшие от былого зла. Ирландские поверья наделяли подвязки магической силой. И, как он помнил из «Дневника Пеписа», по традиции на свадьбах дрались за подвязку невесты…

Свадьба. Люсия. Часовня.

Совершенно очевидно, что Люсия этим вечером собиралась отвести его в эту часовню. Он помнил Люсию в «Клариджe»: «Настоящее приключение!» Люсия в клубе «Любовная маска»: «Но у меня в сумочке… в сумочке ключ. От настоящего приключения». Люсия в полумраке быстро едущей машины: «Может быть, ты найдешь там

больше, чем ожидаешь».

Погодите-ка минутку! Возможно ли, что черная месса назначена на сегодняшний вечер? Именно поэтому доктор Фелл захотел отвести всех туда?

Все, что ему было известно о такой церемонии — она завершается свальным грехом. От замелькавших картинок он моментально закрыл свой разум, словно дверь захлопнул.

Чепуха какая! Это невозможно!

Люсия ни в чем не виновата, в особенности в убийстве. Его совершенная убежденность в этом, после того как у него было время все обдумать, лишь увеличилась и укрепилась. Если бы ему пришлось обращаться к жюри присяжных, он сказал бы так: «Доводилось ли вам когда-нибудь слышать, чтобы какая-либо женщина отвечала более ясно и рассудительно, а еще чистосердечно на вопросы доктора Фелла, заданные ей несколько минут назад? Эти инфернальные подвязки были придумкой Дика Реншоу, пусть горит в аду его душа прямо сейчас!»

И даже если предположить, что она действительно собиралась пригласить его в часовню? В ее собственных словах содержалось объяснение, хотя она и не выдвигала это как объяснение. Она считала, что ее муж был в некотором роде

священником, вероятнее всего, фальшивым священником, и, как она сказала: «Есть же разные потешные религиозные секты, которые никому не причиняют вреда».

Вот именно! Если осмотреть этот третий дом, доставшийся ей («На самом деле там никто никогда не жил!»), можно отыскать доказательства по делу об убийстве Реншоу и заодно разделить с Люсией безобидное приключение и доставить ей удовольствие. Это же так просто, когда поймешь! Это ведь…

Патрик Батлер остановился и прислушался.

Между прочим, где это он очутился?

Палец соскользнул с кнопки электрического фонарика, — должно быть, он простоял в темноте много секунд. Он настолько погрузился в свой безмолвный монолог, что не замечал даже, куда идет.

Воздух здесь был свежее, деревянный пол и, судя по ощущениям под одной ногой, небольшой ковер, — должно быть, он в просторном дальнем холле с галереей над ним. На мгновение Батлера охватила паника человека, внезапно разбуженного ото сна. Было бы неприятно встретиться с покойным и проклятым Диком Реншоу, словно увидев собственное отражение в зеркале.

Где-то совсем близко скрипнула половица.

— Кто здесь?

— Кто здесь?

Два вопроса схлестнулись в воздухе. Батлер нажал кнопку фонарика и направил его вверх. Кто-то еще, стоявший лицом к нему на сравнительно небольшим расстоянии, сделал то же самое. Два луча света пересеклись над столом, как раз между двумя серебряными подсвечниками, в точности такими, как в доме Люсии Реншоу. Батлер увидел крупную, вселяющую уверенность фигуру полисмена.

— Вот как? — произнес представитель закона, который держал в руках фонарь с выпуклым стеклом. — И кто же вы такой, сэр?

— Моя фамилия Батлер, — улыбнулся адвокат. — Я здесь с доктором Феллом, который остался в передней гостиной. Э… кажется, у меня имеется визитная карточка.

Он нашел карточку и протянул ее через стол. Полисмен взял ее с невозмутимым видом, бросил короткий взгляд и вернул обратно.

— Батлер, — произнес представитель закона так, словно имя было ему знакомо, но ассоциировалось с чем-то нехорошим. — Вам известно, что задняя дверь открыта нараспашку, сэр?

— Должно быть, это доктор Фелл не закрыл! Я проверю. Я слышал, как где-то здесь разбилось стекло…

— Это был злоумышленник, сэр.

— Злоумышленник?

— Он натолкнулся на большую стеклянную вазу на постаменте у задней двери. Затем он увидел мой фонарь и удрал. Мы получили указания проследить за ним.

— В каком это смысле, указания?

— Просто указания, сэр. И я бы на вашем месте поостерегся. У него два передних зуба золотые.

Глава пятнадцатая

— Так это и есть часовня? — пробормотал доктор Бирс.

— Но я уже несколько раз говорила, — продолжала твердить Люсия вполголоса, — у меня нет ключа! Он остался в моей сумочке в том ночном клубе.

— Не беспокойтесь. У меня свой ключ, — сказал доктор Фелл, извлекая наружу большой железный ключ с привязанной к нему картонной биркой. — Я раздобыл его в мэрии. Как и все сведения по этому вопросу.

Агнес Кэннон и Патрик Батлер ничего не сказали.

Они находились в восточной части общинных земель, почти на самой южной их оконечности. Общинные земли, при свете дня скучное зеленовато-коричневое пространство, с наступлением ночи сделались черными и пустынными, ограниченные редкими далекими фонарями или голыми деревьями.

Часовня середины восемнадцатого века привлекала к себе внимание, но не вызывала особого

любопытства. Узкая, маленькая, сложенная из темно-серого камня, она была увенчана островерхой крышей, похожей на церковную, только без шпиля. Ни кусочка стекла не сохранилось в ее сводчатых окнах, пострадавших еще до всех авианалетов. Одно большое окно, заколоченное изнутри досками, ставшими серо-черными от времени, смотрело на них, узкая сторона здания была обращена на тротуар за высокой живой изгородью из тиса.

По бокам от часовни, примерно в дюжине шагов в каждую сторону, возвышались два весьма респектабельных пригородных дома с темными из-за экономии электричества окнами. Снова сгущался белесый туман. Все, к чему ни прикоснись, было холодным, словно жаба.

И только голос доктора Фелла, катившийся впереди них, единственный прокладывал им дорожку сквозь просвет в живой изгороди и в обход часовни слева.

— Примерно двести лет назад, — вещал рокочущий шепот, — бóльшая часть общинных земель составляла поместье баронета Флетчера. Крытый переход соединял дом с часовней. И потому-то дверь здесь, с этой стороны… Что там у вас случилось?

— Все в полном порядке, — отозвался Батлер, шагавший в конце их вереницы. — Продолжайте.

Он просто задел спиной соседнюю живую изгородь. Но ему показалось, что пальцы Златозуба стиснули шею.

Люсия, шедшая перед ним, была в пиджаке Батлера — он настоял, чтобы она его надела. И таким сильным было ощущение взаимной симпатии, что Люсия, словно услышав его мысли, обернулась.

— Пат, — прошептала она, — что там было? Когда стекло разбилось и ты пошел посмотреть?

— Я ведь уже десять раз говорил: ничего, — ответил он.

— Ты мне не доверяешь?

— Полисмен обнаружил, что задняя дверь открыта, вот и все. Доктор Фелл чуть позже признался, что это он не закрыл дверь, разве ты не слышала? Полисмен, входя, натолкнулся на стеклянную вазу на постаменте. Все, конец истории.

Впереди заскрежетал в замке ключ. Готическая дверь открылась в стене обветшавшей маленькой часовни. Все протиснулись внутрь, и даже громадный доктор Фелл, который теперь нес фонарик доктора Бирса. Когда доктор Фелл запер

за ними дверь и опустил ключ в карман, мисс Кэннон заговорила каким-то странным голосом.

— Подумаешь, это же обычная часовня, — произнесла она, пока луч света блуждал по сторонам. — Скамьи только сломаны и все в ужасном запустении, но все равно. Это просто обычная часовня!

— Верно, — согласился доктор Фелл. И прибавил, словно невзначай: — Сэр Томас Флетчер, первый баронет, не значится в Национальном биографическом словаре, зато его сын Гарри, имевший отношение к этому странному обществу почитателей дьявола, известному под названием «Монахи из Медменхэма», удостоился пары дюймов печатного текста. Идите за мной.

Батлер, глубоко погруженный в собственные мысли, так и не вспомнил потом, куда привел их доктор Фелл. Уже довольно поздно, размышлял Батлер. Силы, должно быть, покидают его. Иначе он вовсе не думал бы о Златозубе. Встреться они лицом к лицу при свете дня, Златозуб не представлял бы никакой проблемы. Но здесь…

Где-то под окном обнаружился большой люк, его крышку подняли. Все они спустились друг за другом по лестнице, ширины которой хватило как раз, чтобы вместить громаду доктора Фел-

ла. Бирс, последний в цепочке, закрыл за ними крышку люка.

«Да проснись ты, болван!»

Все совершенно преобразилось! Лестница была застелена мягким и толстым ковром. Справа, скрывая каменные стены, висели драпировки, тоже из некой мягкой и плотной ткани. В коротких проблесках света фонарика и ковер, и драпировки показались темно-красными. Слева узкую лестницу ограждали перила из какой-то черной лоснящейся древесины, похожей на эбеновое дерево.

Если рассмотреть что-либо в искажавших восприятие вспышках света было сложно, то застоявшийся запах благовоний в помещении внизу ощущался отчетливо — сладковатый и смешанный с еще одним ароматом, послабее, которому Батлер не мог подобрать названия, пока не вспомнил Эрлингтонское дело. Отдавало марихуаной.

У подножия короткой лестницы, на чем-то вроде опорной стойки, возвышалась тяжелая скульптурная группа из бронзы — сейчас просто сгусток теней, — которая, вероятно, весила фунтов сорок-пятьдесят.

Они все спустились в невысокую вытянутую

комнату, когда раздался щелчок — как будто бы выключателя. В центре потолка засветился человеческий глаз.

На стеклянном плафоне, большом, но тусклом, был нарисован смотрящий глаз: светлый белок, как будто начинавший наливаться кровью, красная радужка и черный зрачок. Хотя он смотрел сверху вниз, словно пытаясь заглянуть вам в сознание, комнату он почти не освещал, не считая слабого отблеска красного и черного на драпировках. Дальние углы застеленного ковром помещения терялись в тени.

— Доктор Фелл, — Люсия озиралась, словно завороженная, — это ведь электрический свет, правда?

— О, несомненно. Это так же точно, как и то, что стены под этими драпировками бетонные.

— Но кто…

— Эта часовня, не слишком удачное капиталовложение, была куплена дедом миссис Тейлор. Миссис Тейлор унаследовала ее от отца. В общем, три поколения.

Бирс глядел назад, на бронзовую скульптурную группу на стойке лестницы из эбенового дерева. Патрик Батлер проследил за его взглядом. Композиция, выполненная в духе реалистической

итальянской школы, изображала нимфу в объятиях сатира, и каждая черточка, каждый мускул как будто дышали жизнью.

— Доктор Фелл, вы уже бывали здесь! — Мисс Кэннон едва не кричала на него.

— О да. Сегодня утром.

— Так зачем же вы притащили сюда нас?

— Затем, что необходимо обыскать в этом помещении каждый дюйм. Разве я не твержу вам без устали, что вся история с ведьмовской сектой является прикрытием для отравителя?

— Но я не понимаю… — начала Люсия.

Она сбросила с плеч пиджак Батлера, потому что теперь стало слишком тепло, и отдала ему. Доктор Фелл, необъятный силуэт, подсвеченный пристально глядящим глазом, наставил на Люсию трость.

— Давайте предположим, чисто теоретически, — предложил он, — что вы являетесь членом секты. Вы, для начала, либо ищете сильных ощущений, либо наполовину верите. Но вот вы приходите сюда и вдыхаете здешний воздух. По углам горят жаровни, запах трав смешивается с…

— Марихуаной? — негромко уточнил Батлер.

Доктор Фелл кивнул:

— И самое первое и самое важное воздействие, о чем нам редко рассказывают газетчики или писатели, состоит вовсе не в том, что вы теряете контроль над собой. Суть в том, чтобы убрать то, что именуется привычными барьерами.

Вон там… — доктор Фелл указал на темноту в дальнем углу, — на алтаре горят свечи. Вы падаете ниц перед Люцифером. Вы в самом деле отринули все ограничения; вы опустились на самое дно и потому достигаете некоего инфернального экстаза. Есть ли что-либо невозможное для повелителя ада? А теперь смотрите.

Он снова указал тростью. В центре каждой стены, занавешенной красно-черной тканью, по обеим сторонам от рядов черных, отделанных золотом подушек, служивших скамьями для молящихся, стояли просторные будки с резными стенками, делавшими их полупрозрачными.

— Исповедальни, — произнес доктор Фелл.

— Вы хотите сказать, они признаются в своих… — Люсия осеклась.

— Они украдкой проскальзывают внутрь, в масках, не для того, чтобы исповедоваться в грехах. А признаваться в том, как хотели бы согрешить. Они обращаются к главе секты, представителю Сатаны, который может воплотить их желания.

С грехами ординарными, или даже экстраординарными, нет нужды тянуть. Их можно совершить сразу же. Но предположим, женщина хочет, чтобы ее муж умер. Или же муж хочет избавиться от жены. Или выживший из ума старикашка все коптит небо и отказывается умирать.

У нас налицо две проблемы, — продолжал доктор Фелл, — в этом деле с девятью отравлениями за шесть месяцев. Первая: каким образом участникам удалось сохранить такую секретность? И сатанизм дает нам все ответы. Участники секты внешне респектабельны, поскольку, чтобы в нее вступить, они должны быть по меньшей мере зажиточными. Они, разумеется, появляются в масках. Однако маска может соскользнуть в моменты безумной…

— Маски! — с горечью прервал Батлер. — Опять маски! Вечно маски!

— И так оно и будет, — колко отвечал доктор Фелл, — если только мы не сорвем маску с нынешнего главы секты.

— А вторая проблема? — спросил Бирс, который источал ненависть и омерзение столь же ощутимые, как запах в этой глухой комнате.

— Как получилось, — спросил доктор Фелл, —

что во всех девяти случаях полиция не смогла проследить, откуда взялся яд, и связать его хоть с кем-то из подозреваемых?

— Меня как профессионала, тоже это интересует, благодарю вас.

— Давайте предположим, что вы архитектор, который живет, скажем, в Оксфорде. Да какая вообще разница — в этом изможденном и озлобленном мире? Зачем же довольствоваться собственной женой, когда радость сатанизма играет во всех ваших клетках?

— Я никогда не мог позволить себе, — проговорил доктор Бирс, скривив рот, — такой роскоши, как жена. Но я согласен! Что же дальше?

Доктор Фелл снова указал на нелепые исповедальни.

— Вы шепчете о своем желании, — сказал он. — И все спланировано, подготовлено, начертано для вас. В определенный день вы едете, к примеру, в такой город, как Волвергэмптон. Вам назовут улицу, адрес, имя некоего, совершенно ни в чем не замешанного аптекаря. У него вы, изложив тщательно подготовленную легенду, купите отраву под названием аконитин.

И вы его получите, не бойтесь! Вы запишете в журнале регистрации фамилию настоящего

жителя этого города. Вы вернетесь из своей поездки. И ваша жена спустя некоторое время будет отравлена…

— Аконитином?

— Нет! — тяжко вздохнул доктор Фелл. Он казался обширной накидкой, трепещущей на фоне налитого кровью глаза. — В этом-то весь секрет. Она будет отравлена мышьяком.

— Мышьяком?

— Все же подготовлено, как вы знаете. Вы возвращаетесь сюда и снова нашептываете о чем-то представителю Сатаны. За ваш аконитин, который вы просовываете через решетку, вы получаете мышьяк. Какой-нибудь другой будущий убийца, милая миниатюрная женщина из Лондона, купила мышьяк в Лидсе. Когда есть много желающих, это такой утонченный, такой ловкий обмен. Никаких подозрительных ядов никогда не применяется — только те, что используются для простых домашних нужд, и их многие покупают. Когда ваша жена умрет от мышьяка в Оксфорде, кто станет выяснять, не покупали ли вы аконитин в Волвергэмптоне?

Наступила тишина. Люсия понурилась, дрожа всем телом.

— Да чтоб их, эти хитроумные новомодные

изобретения! — вспылил Батлер.

— Новомодные? — повторил доктор Фелл устало. — Дорогой мой, да этот прием использовала еще секта сатанистов имени Джона Ичарда в тысяча семьсот сорок шестом году. Разве странно, что я нисколько не удивился?

Артур Бирс дико озирался по сторонам:

— Но что, ради всего святого, мы здесь ищем?

— Записи, — пояснил доктор Фелл. — Разве вы не понимаете, что когда такая сложная организация находится в руках одного человека… У Ричарда Реншоу было три банковских счета на шестизначную сумму… разве записей в таком случае не должно хватить на целый шкаф? Там должны содержаться имена, даты, указания места. Только вот где они?

Бирс проговорил сухо:

— Позвольте заметить, у Реншоу была контора в Сити.

— Да.

— Вероятно даже и наименование какого-нибудь «посредника»?

— Совершенно верно, — буркнул доктор Фелл. — Только полиция ничего там не нашла. Сегодня днем, — он выразительно поглядел на Люсию, — они обыскали его дом — не ради под-

вязок. Две ночи подряд, — здесь доктор Фелл вскинул испачканные в пыли руки ладонями вверх, — я обшаривал дом миссис Тейлор, но без всякого результата. И в таком случае можно прийти лишь к одному выводу: записи должны храниться здесь.

Послышался шум. Мисс Кэннон, которая уже какое-то время рассеяно созерцала бронзовую нимфу с сатиром, неожиданно взбежала по застеленным ковром ступенькам и скрылась в люке.

— Пусть уходит, — проворчал доктор Фелл негромко. — Она довольно насмотрелась.

— А я нет? — спросила Люсия.

В ответ раздалось лишь ворчание. Доктор Фелл заковылял по комнате, обходя ее по кругу и снова осматривая. Затем он двинулся по проходу между рядами в этой красно-черной часовне.

Остальные, постепенно привыкая к неровному свету, последовали за ним. Мягкий красный ковер, заодно с тяжелыми бархатными драпировками, приглушал все звуки. Невысокий потолок поддерживали колонны и резные балки, тоже напоминавшие эбеновое дерево. Черные с золотом подушки, лежавшие по обеим сторонам прохода и служившие скамьями для паствы, сбились в кучи, словно в волнении. Но до алтаря, куда и ко-

вылял сейчас доктор Фелл, было совсем близко.

Батлеру, шедшему к алтарю вместе с Люсией, державшейся за его руку, пришла нелепая фантазия, что они с Люсией участвуют в подобии свадебной церемонии. Эта мысль рассмешила и довольно сильно шокировала его. Кроме того, жених и невеста не идут по проходу рука об руку.

И кроме того…

В слабом сладковатом запахе, стоявшем в помещении, который как будто обострял все чувства, вместо того чтобы спутывать их, он различил еще один, едва уловимый оттенок.

— Керосин? — пробормотал он.

— Что ты сказал? — быстро переспросила Люсия.

— Да просто бурчу себе под нос, зайка.

Возможно, ему просто почудилось. Стоит лишь чиркнуть спичкой или зажигалкой в этой теплой и душной, завешенной тряпками часовне — и она превратится в достойное подношение лорду тьмы и отравы. У них за спиной Бирс тоже бубнил что-то себе под нос.

Доктор Фелл добрался до апсиды или же глубокого полукруглого алькова, где на возвышении стоял алтарь, похожий на кушетку, накрытую мягчайшей ризой. По бокам от алтаря на поста-

ментах возвышались канделябры, в каждом по семь черных свечей. Вся дальняя часть алькова вроде бы была закрыта большим, терявшимся в темноте гобеленом.

Затем доктор Фелл чиркнул спичкой и неспешно зажег все четырнадцать черных свечей. И тут они узрели настоящую дьявольщину.

Мягкий мерцающий свет, разгораясь, заполнил альков и черно-красную часовню. На большом гобелене, французском или итальянском, сотканном в семнадцатом веке, красовались слова — «Lucifer Triumphans». Люсия Реншоу бросила всего один взгляд на изображение и торопливо отвела глаза.

— Зачем вы привели нас сюда? — воскликнула Люсия почти с теми же интонациями, что и мисс Кэннон. — Если вы хотели что-то искать, искали бы сами!

— Прошу меня простить, — серьезно произнес доктор Фелл, — но обратили вы внимание на канделябры?

— Я не удосужилась на них посмотреть, спасибо.

— Это подделка под серебро, изрядно потускневшая. Я нашел их в шкафу за драпировкой слева от апсиды.

— И что же? Что в них такого?

— Дорогая моя, — пояснил доктор Фелл, — собрание прихожан, если не настоящая черная месса, проходило в этом помещении не далее чем четыре ночи назад. Канделябры, которые использовались на церемонии, были из вашего дома.

Люсия стояла, развернувшись спиной к алтарю и гобелену. Но она вздернула плечи, и выражение ее лица означало, что она держится из последних сил. Патрик Батлер тронул ее локоть, чтобы подбодрить.

— Может быть, вы докажете это? — с вызовом обратился он к доктору Феллу.

— Да тьфу ты! Слушайте, сегодня, — с негодованием ответил доктор Фелл, — среда, двадцать первое. Вчера был вторник, двадцатое. Позавчера — понедельник, девятнадцатое.

— Я не ставлю под сомнение календарь, сэр. Я ставлю под сомнение ваше утверждение.

— Дика Реншоу, — не сдавался доктор Фелл, — отравили в ночь на понедельник, девятнадцатое число. И кто-то по какой-то причине принес подсвечники обратно в дом. У меня имеются свои соображения, кто был этот человек. Однако же держатели для свечей были плохо вычищены, и мы с вами видели остатки черного парафина

вчера вечером, двадцатого.

— Но называть Люсию убийцей на основании…

— Ах, вы об убийце! — фыркнул доктор Фелл, отмахнувшись, словно это были сущие пустяки. — Я не считаю ее убийцей, если вас это утешит. Однако, — прибавил доктор Фелл свирепо, — вы же не улавливаете сути. Некто, в промежуток между вчерашним вечером и сегодняшним утром, прокрался в гостиную и вычистил канделябры. Только никто не признается, что сделал эту обыденную домашнюю работу. Вывод: кто-то в «Доме аббата» тесно связан с ведьмовской сектой. Второй вывод: вероятно, причастен только один человек.

Люсия, тяжко вздохнув, обернулась к доктору Феллу, горящим свечам и гобелену.

— Нас в доме всего трое, — заметила она. — Которую из нас вы выбрали?

— Н-ну, ладно, — протянул доктор Фелл, выпячивая нижнюю губу, — вы вообще хоть раз подумали о вашей горничной? О Китти Оуэн? А?

— Китти! — эхом откликнулась Люсия, словно в недоуменном ошеломлении.

— Ну да, мэм, — сухо подтвердил ученый доктор. — А кого выбрали бы вы?

— Я не выбирала бы никого, — ответила Люсия. — Все это дело кажется глупым, омерзительным и… и жутким!

— И тем не менее, — доктор Фелл поморщился, — эта девица такая тощая, с таким голодным взглядом. Мне показалось, она вовсе не то, что в мое время называли наивной простотой, и еще мне не понравились отдельные моменты, которые я наблюдал собственными глазами. И совершенно очевидно, что она поклоняется Кое-Кому.

— Мне кажется, все это глупо, омерзительно и жутко! — повторила Люсия. — Ты согласен, Пат?

В свете свечей волосы Люсии походили на золотой нимб, когда она обернулась, глядя этим своим умоляющим взглядом маленькой девочки.

В кои-то веки Батлер не обратил на это внимания. От слов «наивная простота», сказанных доктором Феллом, в мозгу словно щелкнуло и свет залил темную сцену. Точно так же еще раньше, вечером, его охватило вдохновение, только теперь ощущения были ярче и сильнее — он увидел то, что должен был увидеть уже давно. Он собрался с мыслями, сознавая, что рисуется сейчас, но ему было плевать.

— Прошу прощения, — произнес он, — если

покажется, что я проигнорировал твой вопрос. Но я теперь знаю, как на самом деле был убит твой муж и кто его убил.

— Да неужели, гром и молния! — пробормотал доктор Фелл, чье пенсне снова сидело на носу сикось-накось. — Видите ли, — прибавил он извиняющимся тоном, — я был уверен все это время, что тоже знаю.

Батлер был великолепен.

— Прежде чем я перейду к неопровержимым доказательствам, — продолжал он, — позвольте мне коснуться одного момента, который оправдает Люсию, если ее когда-либо обвинят в убийстве миссис Тейлор. Я подумал об этом сегодня в начале вечера. И я имею в виду транспортную проблему.

Доктор Фелл захлопал на него глазами из-за алтаря:

— Транспортную проблему?

— Да. Никакое такси не поехало бы из Хэмпстеда в Бэлхэм и обратно. Бензина бы не хватило. Если бы она вообще выбралась из дома среди ночи, ей пришлось бы взять автомобиль напрокат, и тогда осталась бы запись. Вы же никакой записи не найдете.

— О Бахус! — протянул доктор Фелл, и рот его

раскрылся под разбойничьими усами. — И вы предполагали сделать это аргументом — гм — защиты?

— Естественно!

— Сэр, — продолжал доктор Фелл, — я должен сообщить вам некоторые конфиденциальные сведения. Вы сейчас изложили один из главных аргументов старшего инспектора Сомса со стороны обвинения.

— Как так?

— Может быть, вы заметили, когда вчера вечером подъезжали к Хэмпстеду, — в волнении заговорил доктор Фелл, — станцию метро «Хэмпстед»? Она напротив светофора около местной школы, очень близко к Кэннон-Роу?

— Да. Я, конечно, помню.

— И вы, несомненно, видели и станцию метро «Бэлхэм»? Рядом с домом миссис Тейлор?

Батлер раскрыл рот, чтобы ответить, но передумал.

— Это Северная ветка, — продолжал разжевывать доктор Фелл. — В большинстве случаев, поскольку наше метро настоящий лабиринт, вы были бы совершенно правы. Но здесь нет нужды пересаживаться на другую линию, возвращаться или блуждать где-нибудь по «Эрлс-Корт», клокоча

от негодования. Между Хэмпстедом и Бэлхэмом тридцать пять минут по прямой. И если вы отравили миссис Тейлор в какой-то момент времени до половины двенадцатого ночи, вы успели бы на последний поезд в обратную сторону.

Батлер, сунув одну руку в карман, стоял, слабо улыбаясь. Он и глазом не моргнул. Сколько же раз в суде какой-нибудь ушлый коллега уже считал, что загнал его в угол. Сейчас он докажет им, в особенности Люсии.

— Это не имеет особенного значения, — заявил он, понимая в глубине души, что на самом деле имеет. — Хотя я мог бы поспорить по поводу этого возвращения на последнем поезде. — Голос его резко взлетел: — Так вы хотите услышать, как именно был отравлен в действительности муж Люсии?

Никто не ответил. Батлер все еще улыбался.

— «Если миссис Реншоу не делала этого, — услышим мы, — то кто же еще мог это сделать?» Этот вопрос кажется неразрешимым. Но это не так. — Позвякивая монетками в кармане, Батлер позволил себе выдержать паузу. — Настоящая убийца, — сообщил он, — Китти Оуэн. И доказательства — которые с самого начала лежали у нас перед носом — в большой серо-зеленой корзинке

для рукоделия.

Люсия в недоумении смотрела на него.

— Ты имеешь в виду мою корзинку для рукоделия? — воскликнула она.

— Именно. Ты ведь сама говорила нам, что Китти вечно ходит по дому с этой корзинкой?

— Да, конечно!

— Еще ты говорила, — указательный палец Батлера поднялся против его воли, словно в зале суда, — что эта корзинка висела у нее на руке, пока она подметала ковер в спальне?

— Я… да, кажется, я говорила об этом. А что?

— И наконец, оба мы с доктором Феллом были там, когда Китти вошла в спальню, уличенная в подслушивании. Она нехорошо посмотрела на тебя, что мне не понравилось. Потом она забрала корзинку и выскочила из комнаты.

— Не совсем понимаю, что ты имеешь в виду под «нехорошо посмотрела», дорогой. Но насчет всего остального — чистая правда.

— Только не волнуйся, Люсия! — спешно произнес Батлер, который понял, что вся картина складывается так отчетливо, словно он своими глазами видел ночь убийства. Он видел, как Китти подметает ковер, видел графин, стоявший под распятием из слоновой кости, и все это дожида-

лось возвращения Дика Реншоу.

— Ты велела Китти в начале того вечера прибрать комнату? Но она приступила к уборке только в одиннадцать часов?

— Все верно. Потому что…

— Потому что она знала, что тогда либо ты, либо неутомимая мисс Кэннон будет следить за каждым ее движением.

— Ну… наверное. Агнес каким-то образом всегда оказывается рядом.

— А теперь скажи мне, Люсия, — голос Батлера подкрадывался к ней, словно тигр, — в каких-нибудь еще комнатах в доме есть графины для воды и стаканы, такие же, как в спальне твоего мужа?

Батлер заметил краем глаза, что доктор Фелл слушает его с интересом и очевидным одобрением. Теперь же добрый доктор напряженно ждал ответа Люсии.

— Да! Во всех комнатах! Дик, — и ненависть, отразившаяся на лице Люсии, была почти пугающей, — Дик считал, что всем стоит перенять его привычку пить воду.

— Теперь сосредоточься на Китти. До того как Китти приступила к уборке, у нее было ведь полно времени, чтобы растворить дозу сурьмы в каком-нибудь другом графине? И спрятать этот

графин в корзинке для рукоделия?

Снова наступила тишина.

Люсия заметно дрожала, словно ее трясла невидимая рука. Рот ее приоткрылся. Понимание начало постепенно отражаться в голубых глазах.

— Пат, да какого черта ты…

— Не пытайся рассуждать. Предоставь это мне. Просто закрой глаза и вспомни!

— Н-ну… хорошо. Я попробую.

— Китти вошла, чтобы прибраться в комнате. Она взяла графин с прикроватного столика. Она прошла в ванную, вылила остатки воды в раковину, сполоснула графин и снова наполнила его. В этот момент у нее была при себе корзинка для рукоделия?

— Да!

— И ты — вместе с мисс Кэннон, я подозреваю, — наблюдала за ней из спальни? Отлично! Я заметил, — Батлер и сам закрыл глаза, мысленно представляя себе картину, — я заметил, что раковина в ванной находится прямо напротив двери в спальню.

— Прямо напротив, Пат. Ты можешь…

— Значит, ты видела спину Китти, пока она стояла над раковиной?

— Да, конечно!

— И где же в тот момент находилась корзинка для рукоделия? Китти держала ее сбоку или перед собой?

— Э… перед собой, наверное. Да, словно фартук.

— Значит, на самом деле ты не видела, чем именно она занимается?

— Не совсем, нет.

— На самом деле ты слышала безошибочно узнаваемые звуки льющейся воды, которой споласкивают графин и наполняют снова. И это все, что ты можешь утверждать наверняка?

— Да!

Черные свечи ровно горели в неподвижном воздухе. Батлер расправил плечи. Он не задавал вопрос — он утверждал.

— То, что она сделала, как мы понимаем теперь, очень просто. Она сунула один графин, полный чистой воды, в корзинку для рукоделия. Из корзинки она вынула другой графин, спрятанный там заранее, — графин с отравой. Этот второй графин она и принесла на прикроватный столик, поставила и надела на горлышко стакан, чтобы довершить картину.

Пот выступил у Батлера на висках, но сам он оставался холодным, словно судья, когда медлен-

но повернулся к доктору Феллу.

— Чудо объяснилось, — подытожил он. — Что вы думаете по этому поводу?

Глава шестнадцатая

Доктор Фелл, беззвучно, несмотря на свои объемы и стучащую трость, прошел по ковру и медленно обогнул алтарь, остановившись перед Батлером. Пока он стоял под тем зловещим гобеленом, его зримое присутствие, такое английское, словно присутствие старого короля Коля, сглаживало эффект.

Но стоило ему отойти, словно яд разлился по воздуху. Им снова не давал покоя этот налитый кровью глаз над ними, тусклый свет, несмотря на целых четырнадцать свечей, и зловоние самого сатанизма.

Доктор Фелл, кажется в легком смятении и даже чуть побледневший, смерил Батлера взглядом с головы до ног.

— Сэр, вы меня удивляете, — сообщил он.

— Надеюсь, приятно.

— Да. И даже слегка восхищаете.

— Я, несомненно, докопался до истины?

— Ну… не совсем. Погодите! — торопливо произнес доктор Фелл, пока его собеседник не успел запротестовать, крепко зажмурился и запустил

пальцы в густую копну волос. — Никогда еще я не видел человека, — заявил он, глядя на Батлера, — который подошел бы к истине так близко. Вы стоите лицом к лицу — лоб в лоб, глаз в глаз, нос к носу — с этой простой, однако безобразной правдой. Архонты Афин! Ваши рассуждения были точными и логичными. Стоило повернуть голову на дюйм, оторвав пристальный взгляд от правды, и вы бы ее увидели. Но не наоборот.

— Китти Оуэн, говорю вам, она виновата…

— Ах да, Китти. Если полиция как следует ее прижмет, а я скажу Хэдли, чтобы занялся этим, она, возможно, сломается. А возможно, вы и не узнаете имени убийцы, он же глава ведьмовской секты, хотя шансы шестьдесят к сорока в вашу пользу. Однако вы, вероятно, снимете с миссис Реншоу всякие обвинения в убийстве.

— Пат, — прошептала Люсия, — я все равно ничего не понимаю. Зато точно знаю, что ты потрясающий.

И снова Батлер в кои-то веки принял комплимент и не стал отнекиваться, в душе он был горд.

— Послушайте! — сказал он. — Это Китти положила яд в тот графин?

— Нет.

— Тогда о чем мы, черт побери, вообще гово-

рим?

— Об аде, — просто ответил доктор Фелл.

— Если вам столько известно об этом деле, — завопил Батлер, — почему вы не расскажете мне?

— Я могу рассказать, — колко отозвался доктор Фелл, — и расскажу завтра утром. Только это приведет, как я опасаюсь, к моим вечным блужданиям кружными путями. Давайте не будем смешивать все в одну кучу, сэр: мы пришли сюда, чтобы найти записи, касающиеся ведьмовской секты! Мы должны их найти, иначе не придем вообще ни к чему! Мы…

Здесь его взгляд упал на доктора Артура Бирса. Все трое успели забыть о Бирсе. А Бирс, сдвинув свое кепи на затылок и сведя к переносице рыжеватые брови, никак не мог отвести глаз от гобелена за алтарем.

— Прошу прощения, — произнес он вполне нормальным голосом, дернув кадыком, — я прискорбно плохой помощник для вашего расследования.

— Плохой помощник? — воскликнул доктор Фелл. — Дорогой мой, если не считать воссозданных мистером Батлером событий, вы сегодня вечером сделали самое важное замечание.

— Благодарю вас, — произнес доктор, который

либо не поверил его словам, либо вовсе не обратил на них внимания. — Зато я могу помочь с поисками. Надо сорвать драпировки и разорвать подушки! Разгромить алтарь! Вы только посмотрите сюда!

Его костлявый палец задрожал, когда он поднял его, указывая.

— Это же просто роскошный аналой, — произнес он. — Не люблю аналои, от них попахивает папизмом, но даже это не повод для осквернения. Сжечь все!

— Ну-ну, не кипятитесь! — пророкотал доктор Фелл, смутно встревожившись. — Это место надо сохранить точно в таком виде для полиции. И подушки со стульями оставьте в покое — мы ищем большую кипу бумаг. Может, приступим?

И они приступили к поискам.

Когда они начали, часы Батлера как раз показали полночь. Черные свечи, поначалу окутанные такой тонкой дымкой, что ее едва различал глаз, теперь начали источать аромат, который странным образом действовал на разум, если подойти поближе; но свечи были им необходимы как дополнительный источник света в этом обманчивом красноватом мерцании часовни.

Стены и пол, скрытые драпировками и ковром,

были из сплошного бетона, что исключало наличие тайников. Подушки после тщательного изучения они собрали в кучу, очистив таким образом большую часть пола. В шкафу, вмурованном в бетон, слева от апсиды, Бирс обнаружил священнические облачения превосходного качества: несколько риз, одна с оккультными символами, вышитыми серебром, еще одна — с вышитым нитками телесного оттенка изображением свиньи и женщины.

На полке обнаружился один из драгоценных «молитвенников» для черной мессы с красными письменами на пергаменте. Бирс перевел одну из сентенций на латыни: «Мы спасемся через плоть» — после чего зашвырнул молитвенник через всю комнату.

— Полегче! — попросил доктор Фелл из-за тонко благоухающей дымной завесы.

Но на следующей полке, откуда ее можно было переставлять в алтарь на время службы, обнаружилась тяжелая статуэтка Сатаны в образе черного козла. Бирс тут же попытался разбить ее, швырнув об пол. Однако она лишь отскочила, покатилась и замерла лицом вверх, ухмыляясь под пристально глядящим с потолка глазом.

Сцены, разыгрывавшиеся в красном свечении,

становились все более дикими. Люсия была уверена, что записи должны находиться в какой-нибудь сумке или футляре, спрятанные за драпировками, и сказала об этом. Драпировки колыхались и ходили ходуном, пока она торопливо шарила за ними, время от времени выскакивая обратно, чтобы снова нырнуть под них.

— Лично я считаю, — заявил Батлер, — они в какой-нибудь из исповедален.

— Дорогой мой, — возразил доктор Фелл, изучавший колонны из черного дерева, поддерживавшие потолок, — невозможно же спрятать…

И, судя по всему, действительно невозможно. Батлер стоял перед одной из исповедален, расположенной посередине правой стены. Эта гротескная пародия почему-то напоминала ему два высоких, поставленных бок о бок ящика иллюзиониста. Две их дверцы, покрытые резными сценами, изображавшими победу Сатаны, открывались внутрь. С одной стороны усаживался главный жрец в маске черного козла, голова его склонялась к окошку соседней будки, где какая-нибудь женщина нашептывала ему…

Только пол здесь был слишком тонкий, резные потолки тоже, и они никак не могли скрывать тайники.

Дважды раздавался приглушенный грохот, когда Люсия намеренно сбивала на пол металлические жаровни в углах, как будто возненавидев их за то, что не помогают ей. Доктор Фелл, каким-то образом умудрившийся встать на стул, изучал густо покрытые резьбой потолочные балки. Доктор Бирс со скальпелем в руке — теперь уже ничто не казалось фантастическим — старательно вспарывал не особенно мягкую кушетку, служившую алтарем, чтобы найти зашитые в ней бумаги. Половина первого ночи. Без десяти час…

— Нет, — с тоской произнес доктор Фелл. — Ничего не получается.

В час ночи они сошлись, четверо перепачканных сыщиков в не вполне здравом рассудке, перед алтарем.

Бирс все еще сжимал в руке скальпель, с помощью которого экспериментировал с подушками и ковром. Люсия потеряла где-то свой шарф, ее старое черное платье, как и обнаженные руки и плечи, было покрыто пылью. Дымка от догоравших черных свечей проплывала мимо них, разносясь по часовне.

— Записей здесь нет, — подытожил доктор Фелл тем же тоскливым голосом. — Они должны быть здесь, но их нет. С сожалением сообщаю

вам, что я проиграл. Возможно, их спрятали в какой-нибудь банковской ячейке…

Люсия резко обернулась.

— Чья это тень сейчас была? — спросила она.

— Какая тень? — Доктор Бирс оторвал взгляд от своего скальпеля.

— Только что! Она промелькнула за одной из колонн. Она… она показалась мне больше нормальной.

Было бы неверно сказать, что всех их охватила паника. И все же Сатана, даже если мы считаем его некой абстракцией, давил на них своим присутствием.

— Здесь никого нет, — коротко ответил Бирс. Однако же убрал свой скальпель и звучно защелкнуть медицинский чемоданчик. — Из-за этих свечей колыхаются наши собственные тени. А что касается свечей, я хотел бы отправить их на экспертизу. Они источают какой-то окаянный иллюзорный запах, у меня от него видения и… Идемте отсюда! — воскликнул он глухо.

— Согласен, — буркнул доктор Фелл.

— Я тоже! — согласилась Люсия, прижимая руку к шее. — Ты готов идти, Пат?

— «Иллюзорный», — пробормотал Батлер, таращась куда-то в пустоту. Затем он очнулся, и

все его театральные манеры вернулись. — Нет, милая, — улыбнулся он. — Вы все идите наверх и подождите у входной двери. А я догоню вас ровно через три минуты.

— Пат, что не так? Зачем ты хочешь остаться здесь?

— Затем, — отвечал Батлер, — что я знаю, где спрятаны записи.

Слово «сенсация» было бы слишком слабым, чтобы описать эффект от его слов.

— Некоторое время назад, — произнес Батлер, делая глубокий вдох, но продолжая говорить тем же легковесным тоном, — я продемонстрировал, каким именно образом был отравлен твой муж. Когда я предложил высказаться доктору Феллу, он ответил своей обычной околесицей или же откровенной мистификацией. Ладно. Но теперь, с вашего позволения, я сам хочу для разнообразия немного помистифицировать вас. Обещаю передать вам бумаги из рук в руки через три минуты. Так что же, подождете меня наверху? Или отложим все, как и объяснения доктора Фелла, до завтра?

И он прислонился спиной к черно-красной портьере на стене, скрестив руки на груди.

— Послушайте, будь оно неладно! — возмутил-

ся искренне сбитый с толку доктор Фелл. — Я всего лишь имел в виду…

— Сэр, так вы уходите или нет?

— Мы уходим, — ответил вместо него доктор Бирс, крепко взяв Люсию за руку, когда та начала было оборачиваться. — Три минуты, вы сказали?

— Три минуты.

Со скрещенными на груди руками, прислонившись к стене у алтаря, Батлер наблюдал, как они удаляются в красноватом свечении. Люсия сопротивлялась. Вот они уже на узкой лестнице с перилами из эбенового дерева, почти неразличимые. Вот он остался один.

Батлер надеялся, что, оставшись в одиночестве, не начнет дергаться, словно наркоман. Бояться здесь можно лишь собственного воображения. Когда он впервые сравнил про себя исповедальни с ящиком иллюзиониста на сцене, мысль так и засела у него в голове и не уходила, пока он не вернулся в действительность от слова «иллюзорный», произнесенного доктором Бирсом.

Крышки ящиков иллюзиониста, как ему рассказывали, всегда делают с виду тонкими, чтобы казалось, что в таком узком пространстве ничего нельзя спрятать. И при беглом взгляде, в особенности на резную деревянную поверхность, глаз

обманывается.

Батлер, по-кошачьи проворный, ринулся к гротескной исповедальне, которую уже осматривал раньше. Он уселся в ту ее половину, где должен находиться мистический козел. Закрыл дверцу, украшенную черным изображением развернутого свитка. Выудив из кармана зажигалку, он высек пламя и приподнялся на цыпочки, изучая потолок.

Потолок, по крайней мере в этой части будки, оказался всего лишь куском фанеры, выкрашенным в черный цвет.

Сердце Батлера тяжко билось в предвкушении. Он провел пальцами правой руки по периметру фанеры…

И весь тонкий потолок откинулся на петлях. Увидев, как падает потолок, демонстрируя все скрытые под ним стопки бумаг, документы, записные книжки, Батлер инстинктивно отшатнулся и сел, словно спасаясь от удара.

— Нашел! — произнес он громко, едва сознавая, что действительно нашел.

Бумаги, отдельными листами и стопками всех размеров, шлепались и трепетали вокруг него, опускаясь на пол будки. Они легли ему под ноги немаленькой кучей, а он сидел на месте исповед-

ника и смотрел на них. В какой-то миг он поднял голову, взглянув на дверь, и так и оцепенел.

За ажурным изображением черного сатанинского свитка, совсем близко, прямо перед ним маячило лицо Златозуба.

Златозуб, и даже со своими съемными коронками. Под его верхней губой, ужасно распухшей и в запекшихся трещинах, поблескивали два золотых зуба.

Наверное, секунды две, пока оба они замерли в оцепенении, каждая деталь этой картины и его размышления во всех подробностях запечатлелись в сознании Батлера.

Златозуба здесь быть не может! Нет, еще как может! Ключ Люсии, от двери верхней часовни, остался в ее сумочке. А эту сумочку, брошенную вместе с пальто в клубе «Любовная маска», наверняка быстро связали с той женщиной, которая убежала из клуба с Патриком Батлером. Если Златозубу что-то известно об этой красной часовне…

Ему известно.

Батлер, всматриваясь сквозь резное изображение свитка, увидел, что Златозуб немного отвел правую руку. В ней была зажата небольшая стопка бумаг, некоторые белые, другие серые или зеленоватые, соединенные канцелярской

скрепкой.

Златозуб явно бывал здесь раньше. Бумаги, которые он держал, были единственно опасными или компрометирующими документами в хранилище клуба убийств. И они сейчас у него, только они недолго у него останутся. А все эти бумажки в исповедальне — просто мусор.

— Приветики, — произнес Златозуб сквозь отверстия в черной резьбе.

— Привет, — ответил Батлер и в тот же миг ринулся к выходу.

Он вылетел из этой будки, словно взбешенный бык, и хлипкая дверца стукнулась о стенку. Златозуб, все еще стоя к нему лицом, отступал назад, работая ногами так, что любой, кроме Батлера, узнал бы по этому движению боксера.

Внезапно Батлер подавил в себе злость, остановил блуждающий взгляд; он сделался безразлично-вежливым и глядел с полуулыбкой. Оба они находились на открытом пространстве перед алтарем — никаких черных колонн или подушек на темно-красном ковре. Чуть поодаль, справа от Батлера, лежала на ковре статуэтка Сатаны в образе черного козла и ухмылялась в свете глаза.

— Отдай их мне, — велел Батлер.

— Чё?

— Эти письма, или что там.

Златозуб, все еще в своем замызганном вечернем костюме, только без воротничка и галстука, кажется, имел на этот счет иные соображения.

— Ты мне вдарил, — заявил он, коснувшись распухшей губы. Его жестокие глаза глядели в одну точку.

— Совершенно верно. Хочешь получить еще?

— Ты мне вдарил, — повторил Златозуб. — Сделал это, когда я не был готов. Но ты это сделал как любитель. — Верхняя губа задралась. — Ты никогда толком не дрался. Так же, мистер?

Батлер улыбнулся. Златозуб был на полголовы ниже, Златозуб был худой, жилистый, костлявый. Никто не рассказал его сопернику, что Боб Фицсиммонс, несмотря на свой рост, почти всегда не дотягивал до веса соперника.

— Я сказал, — повторил Златозуб, — ты никогда толком не дрался. Так ведь, мистер?

— Никогда не удосуживался научиться.

— Он не удосуживался! — передразнил Златозуб так похоже, что мог бы вывести из себя кого угодно. — Сможешь меня побить?

Батлер лишь взглянул на него и засмеялся.

Первый раз на лице Златозуба появилось человеческое выражение, нормальное человеческое

выражение.

— Богом клянусь! — вырвалось у него, и вены набрякли у него на лбу.

Он неловко затолкнул стопку бумаг в карман. Правая рука метнулась к левому рукаву и выдернула сложенную опасную бритву. Но он взял бритву за край и отшвырнул куда-то в полумрак — та упала, не издав ни звука.

— У меня нет лезвия, — сообщил Златозуб. — И моли нет. Я и голыми руками тебя уделаю.

— Думаешь, получится?

Златозуб похлопал по бумагам в кармане.

— Иди и возьми их, — предложил он.

Батлер медленно двинулся к нему. И в тот же самый миг в дальнем углу комнаты у стены, за спиной Батлера, послышался очень мягкий хлопок и полыхнуло голубовато-желтое пламя. Струйка огня потекла по краю портьеры, заливая светом сумрачную часовню.

— Это-то? — осклабился Златозуб. — Это всего лишь такие маленькие штуковины с будильниками, расставленные в разных местах, чтобы взорваться. Что, струхнул, мистер?

Как раз в этот момент Батлер бросился на него, занеся правую руку, удар которой был бы убийственным, если бы попал в цель.

Только он не попал. Произошло кое-что другое.

Следующие тридцать секунд он сознавал не столько жгучую боль, сколько смятение. Глаза как будто отказывали. Откуда-то спереди, пока он старался пригнуть голову и отвернуться, на него обрушилась серия мощных ударов. И каждый в лицо, каждый в лицо, в какую бы сторону он ни дергал головой и как бы ни старался оттолкнуть Златозуба. Новая серия ударов, со всех сторон сразу, и каждый в цель, каждый в цель…

Неожиданно, к его удивлению, он обнаружил, что лежит на боку на ковре. Он смутно сознавал запах дыма и видел желтый свет, который ассоциировался у него с ощущениями в собственной голове.

— Нет, — произнес полный ненависти голос, тяжко дыша, — ты никогда толком…

Затем накатила волна унижения.

Она захлестнула Батлера раньше, чем голос завершил предложение. Никогда за всю жизнь, даже в школьные годы, он не падал так низко. Его выставил дураком, доказал его неуклюжесть, неумелость и бахвальство тот, кого он презрительно считал грязью под ногами. Мысленно он видел своих друзей, и все они ревели от хохота.

— …Не дрался. Так ведь, мистер?

Патрик Батлер вскочил и исключительно по счастливой случайности врезал противнику в живот так, что поединок едва не закончился. Однако отступление Златозуба, пока он уклонялся и пригибался, длилось недолго. Град ударов обрушился снова. Они попада́ли Батлеру в голову, крушили челюсть, вбивали ему живот в позвоночник. Вот если бы только удалось обхватить Златозуба руками…

Только ему не удавалось. Он снова оказался на полу.

«Батлер — комическое зрелище. Побитый каким-то пройдохой. Смешнее не придумаешь. Помнишь, как он тебя?»

Патрик Батлер снова был на ногах, хотя и пошатывался. Из-за этих мысленных образов его едва не тошнило по-настоящему. Он хотел кинуться на Златозуба, затем, оглушенный, с мутным взглядом, инстинктивно остановился.

Златозуб тоже растерялся и позабыл, где он находится. И теперь бестолково озирался по сторонам.

Ухнув расширившимися газами, гигантский гобелен раздулся, словно парус, когда пламя взметнулось над ним. Он растянулся, сжался и рухнул на алтарь, сбив канделябры и рассеяв

искры над ковром.

Три стороны комнаты были объяты пламенем. На стене справа, с которой все началось, горели ошметки гобелена, сползая с закопченного бетона, но огонь перекинулся на две потолочные балки, треща лаковым покрытием. Черный дым, клубясь, держался под потолком, но тонкая коричневатая завеса расползалась, забивая ноздри и рот.

Батлер со Златозубом переглянулись.

— Да что с тобой? — выкрикнул Батлер, старательно выговаривая слова. — Давай продолжай!

— Ты чё, чокнутый?

Батлер ударил правой (вечно эта правая!), Златозуб уклонился, потому что он уже бежал к ступенькам. Батлер, поднырнув, вцепился ему в лодыжку и с грохотом опрокинул на пол.

Всполохи огня от упавших свечей расцветали на ковре. Целый ряд нетронутых подушек, протянувшийся по часовне почти до задней стены, превратился в единую стену пламени. Златозуб, безумно отбиваясь ногами, барахтался по полу, словно выброшенная на берег рыбина, и снова вопил:

— Чокнутый!

Затем у него лопнули шнурки на ботинке. Зла-

тозуб, вырвавшийся на свободу, в одном белом носке к вечернему костюму, рванулся к лестнице. Но самый прямой и короткий путь ему преграждала стена горящих подушек. Он был человек благоразумный, он свернул вправо, чтобы обогнуть их.

Батлер, человек неблагоразумный, рванул прямо через подушки; пошатнувшись и расшвыряв их по сторонам, он прыгнул, приземлился, потеряв равновесие, и завалился набок у подножия лестницы.

Собравшись с силами, которых почти не осталось, он все-таки сделал это. Схватил бронзовую статую нимфы и сатира и вскинул над головой, держа обеими руками. Затем поднялся на три ступеньки и развернулся, когда Златозуб только добрался до подножия лестницы.

Они снова стояли лицом к лицу. Оба кашляли; слова вырывались короткими всплесками. Оба ничего не видели из-за слез, вызванных едким дымом. Златозуб оскалился:

— Чё за игрушки?

— Ни с места!

— Почему это?

— Потому что эта бронза полетит тебе в башку. Промахнуться я не смогу.

— Убирайся с дороги, мистер! Ты тут не устоишь!

— Почему это?

Златозуб был в исступлении от собственной рассудительности.

— Потому что мы оба зажаримся до смерти!

— Значит, зажаримся.

Закопченное от дыма лицо Златозуба слегка переменилось.

Потрескивание огня у него за спиной перешло в негромкий рев, когда потолочные балки запылали ярко, словно рождественские поленья, и волна огня по драпировкам перекинулась на четвертую стену, невыносимо яркую, за исключением мест, затянутых быстро чернеющим дымом. И кашляющий, безумный диалог продолжался:

— Чё те надо?

— Эти письма.

— Ты псих!

— Тогда стой, где стоишь.

Златозуб напряженно всматривался вверх слезящимися глазами.

— Потолочные балки все в огне!.. — Его крик задохнулся. Но он вскинул руку к чему-то над головой Батлера и так и стоял, пока не восстановилось дыхание. — Сейчас свалится! Грохнется

прямо тебе на башку!

— Знаю. Письма!

До сих пор Батлер едва чувствовал жар, точно так же как не чувствовал полученные в драке ранения. Теперь же жар обдувал его, окутывал его, льнул огненной маской к лицу. Черный дым, уже стелившийся ниже, подступал. Внезапно с треском взорвался ливший свет глаз под потолком.

— Письма! — предложил Батлер. Он с трудом видел и дышал.

Златозуб попытался рвануться к лестнице, но снова отпрянул, увидев, как напряглись руки Батлера, готовые швырнуть статую.

— Господи помилуй! — закашлялся Златозуб, трясясь от праведного негодования. Он внезапно ткнул в потолок. — Она падает! Она уже…

Под потолком что-то заскользило долгим движением и лопнуло. Горящая балка обрушилась.

Она пролетела перед Батлером дюймах в пяти от его лица, в ореоле искр. Выбила лестничные балясины, не сломав перил, потому что другой ее конец приземлился первым. Затем она понеслась дальше огненным колесом — прямо на Златозуба, однако прошла над головой, чтобы взметнуться гейзером огня у него за спиной.

И нервы у Златозуба не выдержали, сломались,

словно спичка. Он вытащил из кармана стопку бумаги на скрепке.

— Чё дальше?

— Бросай… — (пелена дыма ползла вверх по лестнице), — на мою ступеньку.

— Не пойдет! Откуда мне знать, что ты все равно не разобьешь мне башку?

Батлер, хотя горло саднило, умудрился набрать воздуха и проговорить отчетливо, словно в суде:

— Слово джентльмена.

Златозуб не понял, не догадался, что гримаса, исказившая его лицо при слове «джентльмен», едва не стоила ему жизни. Руки Батлера, сжимавшие бронзовую тяжесть над головой, задрожали, однако он сдержал себя.

Стопка бумаг, белых, серых и зеленоватых, пролетела сквозь мглу и приземлилась на ступеньку под его правой ногой. Батлер прижал ее ботинком. Затем, освобождаясь от невыносимой тяжести, он перекинул статую влево через перила.

— Убирайся.

Златозуб покачнулся, почти парализованный:

— Как так?

— Ты дрался честно. Все обвинения сняты. Убирайся.

Златозуб сомневался мгновение. Но затем, спотыкаясь, побежал вверх по ступенькам, не в силах даже кашлянуть, ослепленный и побитый, мимо Батлера к люку на верхней площадке лестницы и на свежий воздух.

Батлер, попытавшись передвинуть ногу, пошатнулся и едва не скатился по ступенькам. Он наклонился, и, как показалось ему самому, прошли минуты, прежде чем он нащупал и подобрал горячую стопку бумаг. Пока огонь подползал к нему по драпировкам, он поднялся по лестнице.

В комнате, теперь неразличимой из-за дыма, если не считать желтых всполохов, выстреливавших вверх и перекатывавшихся, лишь одна черная статуэтка Сатаны ухмылялась среди огня.

Глава семнадцатая

На следующий день, в половине третьего, мистер Чарльз Денхэм сидел у себя в конторе, переваривая ланч и просматривая газеты, которые утром ему помешали прочесть разные дела.

Был четверг, двадцать второе марта, ровно месяц со смерти миссис Тейлор. Хотя после воздушных налетов и сброшенных «фау» адвокаты и стряпчие то и дело переезжали из одной конторы в другую по всему Темплу, Чарли Денхэм упорно умудрялся сохранять за собой свои прежние комнаты в начале Джонсонс-Корт.

В личном кабинете, за письменным столом у окна, которое выходило в узкий переулок, Чарли Денхэм сидел такой аккуратный, словно кошка: тонкая полоска черных усов, черные волосы разделены пробором и напомажены, и сам он надежен как скала. В камине ярко горел уголь.

Денхэм, чтобы производить хорошее впечатление, всегда приносил с собой в контору «Дейли телеграф». Однако неизменно читал «Дейли фладлайт», которая, хоть в ней было не так много страниц, умудрялась быть более американской —

и бесконечно хуже, — чем любая американская бульварная пресса.

Денхэм нахмурился, наткнувшись на один заголовок:

ЧАСТНЫЙ СЫЩИК ЗАДУШЕН КРАСНОЙ ЛЕНТОЙ

И чуть ниже:

Полиция говорит, есть зацепка

День за окном был пронзительно холодным, зато ясным, и раза два даже проглядывало солнце. Денхэм быстро пробежал глазами заметку:

Вчера вечером, вскоре после шести, тело мистера Люка Парсонса, возглавлявшего частное сыскное агентство, было обнаружено уборщицей, которая работала в конторах дома номер 42 на Шафтсбери-авеню. Жертва найдена сидящей на стуле за письменным столом. Детектив был задушен красной лентой, или шнуром, наброшенной ему на шею, а затем медленно затянутой с помощью карандаша, который повернули несколько раз. Перед тем, по словам полиции, Люк

Парсонс был оглушен ударом по голове.

Денхэм, хмурясь так, словно его недоумение только усилилось, раздраженно хмыкнул. Затем дочитал до конца, но уже по диагонали.

> Мисс Маргарет Вилларс, секретарь покойного (фото на первой странице), утверждает, что мистер Парсонс выглядел до крайности взволнованным после визита одного клиента, назвавшегося Робертом Реншоу, который заходил в половине четвертого. В пять часов мистер Парсонс сказал мисс Вилларс, что она может уйти пораньше. Время смерти…

На столе под локтем Денхэма зазвонил телефон. Он пришел в раздражение. Однако, услышав от секретаря, кто хочет с ним поговорить, разволновался, словно школьник, сгорая от нетерпения.

— Алло? — произнес в трубке голос Джойс Эллис.

— Здравствуйте, Джойс, — ответил Денхэм, высматривая свою записную книжку. Словно желая скрыть безжалостно подавленное чувство, пусть даже наедине с собой, он взял карандаш и принялся что-то рисовать.

— Вы уже видели газеты? — спросила Джойс.

— Да. — Денхэм слегка встревожился. Он нарисовал пару крестов и начал изображать дом. — Печально, конечно. Я немного знал его, Джойс.

Если напрячь воображение, можно было увидеть, как Джойс, с ее коротко подстриженными темными волосами, серьезным лицом и большими серыми глазами, откинулась на стуле, пристально глядя на телефон.

— Немного знали его? Разве он не один из ваших близких друзей?

— Боже мой, Джойс, я никогда… — Денхэм умолк. — Вы о ком говорите?

— О Па… о мистере Батлере!

— Пат Батлер? — Денхэм выронил карандаш. — А что с ним?

— В газетах никогда не печатают всю правду. Может быть, все хуже, чем они утверждают. Конечно, меня это не особенно волнует, — быстро прибавила Джойс, — но у меня такое чувство… У вас там есть «Дейли телеграф»?

— Э… да. Где-то была.

— Не ищите! У меня как раз под рукой. — В трубке послышалось шуршание газеты. — Это всего лишь крохотная заметка внизу одной из

внутренних страниц. Озаглавлена: «Королевский адвокат ранен при пожаре».

— И что же?

— Я вам прочту. Тут сказано: «Мистер Патрик Батлер, знаменитый королевский адвокат, известный как „Великий Защитник“… — тут голос Джойс сделался натянутым, и в нем прозвучало что-то похожее на рыдание, но затем она продолжила ровно: — …Был легко ранен при пожаре, вспыхнувшем ранним утром в церкви в Бэлхэме, на юго-западе Лондона. Мистер Батлер получил множественные синяки, помогая другим выбраться из церкви. Причина пожара пока не установлена…»

Джойс умолкла.

— Чарли, как его вообще занесло в какую-то церковь ранним утром?

— Понятия не имею.

— Вы же друзья. Вы не могли бы как-нибудь невзначай убедиться, что он не сильно пострадал?

— Я, конечно, очень сочувствую Пату. — Денхэм крепко вцепился в карандаш. — Но нам обязательно все время говорить только о нем?

Пауза.

— Извините.

— Вы ведь и сами можете его навестить, правда? — спросил Денхэм, и на его лице отразилась страстная надежда, что она скажет «нет».

— Я не могу. Не сейчас.

— Прекрасно! Я хотел сказать, какая досада. Но почему же нет?

— Потому что я туда не пойду. Я хотела раздобыть для него некоторую информацию. — Джойс помолчала. — Я знаю, что он человек бесцеремонный и ничего не может с этим поделать. Но когда он начал позерствовать, я практически отчитала его. В общем, я сказала, что не вернусь, пока не буду знать имя настоящего убийцы.

— Убийцы? Но что вам об этом известно?

— Мне кажется, я о многом догадываюсь, — медленно проговорила Джойс. — Только не могу пока доказать.

Денхэм размышлял, катая карандаш, затем отбросил его в сторону.

— Послушайте, Джойс! — (Если бы сейчас в кабинет заглянул секретарь, то изумился бы, поняв, что Чарльз Эварт Денхэм почти умоляет.) — Давайте забудем уже о Пате, а? Может быть, поужинаете со мной сегодня вечером? А я до того зайду к Пату, если хотите.

— Огромное вам спасибо, Чарли. Ужин — это

чудесная идея. — Джойс прибавила: — Он живет на Кливленд-Роу. Интересно, что там сейчас происходит?

То, что происходило в доме на Кливленд-Роу, вполне можно было описать как скандал или даже бунт.

Доктору Гидеону Феллу, поднявшемуся на крыльцо вслед за водителем такси, который тащил ящик с книгами, открыла миссис Пастернак, впустив его в небольшой коридор обставленный в стиле восемнадцатого века. Здоровенный деревянный ящик с грохотом опустился на пол. Водителя такси словно ветром сдуло, когда доктор Фелл рассеянно протянул ему фунтовую банкноту за поездку стоимостью шесть шиллингов девять пенсов и миссис Пастернак закрыла за ним входную дверь.

Из-за закрытой белой двери слева доносилось сразу несколько сердитых голосов.

— Там просто доктор, сэр, — извиняющимся шепотом пояснила миссис Пастернак.

— Посуди сам, — говорил голос врача, судя по всему старинного друга. — Все припухлости на лице практически сошли. Тебе повезло, что ты отделался всего одним подбитым глазом и не лишился зубов. Но тем не менее синяки на теле у

тебя болят, руки ободраны.

Ему отвечал голос с дублинским говором.

— А, да боже ж мой! — прорычал Патрик Батлер. — И что такие, как ты, понимают в медицине?

— Не важно, что я там понимаю. Факт в том, что мистер… мистер…

— О'Брайен, сэр-р-р, — проворчал добродушный и уверенный голос. — Теренс О'Брайен.

— Мистер О'Брайен, — повторил доктор, — не будет сегодня давать тебе урок бокса.

— Суть-то не в том, доктор! — с достоинством проговорил мистер О'Брайен. — Вы ж только подумайте! Этот болван считает, я смогу обучить его благородному спорту за один урок!

— И почему же нет, гад ты этакий? — возопил Патрик Батлер.

— Да чтоб тебя! — простонал мистер О'Брайен. — Я приду завтра.

— Да, и я тоже, — подхватил доктор.

Оба они прошли мимо доктора Фелла, направляясь к выходу. Миссис Пастернак постучала в белую дверь. Доктор Фелл, протиснувшись внутрь, оказался в довольно маленькой, но совершенно восхитительной библиотеке, где по всем стенам и до самого потолка поднимались

белые стеллажи, оставлявшие свободными лишь два окна с видом на Кливленд-Роу и часть стены напротив, где в камине в неоклассическом стиле потрескивали поленья.

Патрик Батлер, в халате и не в лучшей своей форме, стоял спиной к камину. Когда вошел доктор Фелл, он вернулся к нормативной речи и принял непринужденный вид, однако что-то его тревожило. Указав на просторное кожаное кресло по одну сторону от камина, Батлер опустился в другое такое же, рядом с фонографом.

Некоторое время стояла тишина, нарушаемая только сиплым дыханием доктора Фелла.

— Вам уже… гм… лучше? — спросил ученый доктор.

— Откровенно говоря, — мрачно признался Батлер, — не особенно. Во-первых, мне больно говорить. Но говорение, сэр, это та роскошь, в которой я не откажу себе даже тогда, когда катафалк повезет меня на кладбище.

— Кстати, о разговорах, — заметил доктор Фелл. — Вы сегодня утром не звонили миссис Реншоу?

Батлер скрипнул зубами — еще один болезненный процесс. Однако прошедшей ночью ему снова снилась Джойс Эллис, и он целовал ее,

как целовал наяву Люсию. Это выводило его из равновесия.

— Никаким женщинам я не звонил, — ответил он.

— Дорогой мой! Подумайте о том, что произошло ночью!

— Я еще как об этом думаю, поверьте мне!

— Нет-нет! Миссис Реншоу, доктор Бирс и я стояли за пределами обеих часовен, и верхней, и подземной. Мы не подозревали ни о драке, ни о пожаре, вообще ни о чем. И вот внезапно из двери вырывается какой-то человек с закопченным лицом и, как показалось, в вечернем костюме и несется к воротам. А спустя несколько мгновений появляетесь вы. Вы хотя бы представляете себе, как все это выглядело со стороны?

— Как ни странно, у меня не было времени об этом подумать.

— Вы сунули мне в руки стопку бумаг, — не отставал доктор Фелл, — произнесли замысловатое извинение, что задержались дольше, чем на три минуты, после чего рухнули без сознания как подкошенный!

— Я никогда в жизни не терял сознания, — холодно проговорил Батлер.

Доктор Фелл скроил страшную физиономию и

раздраженно отмахнулся:

— Хорошо, скажем, что вы на некоторое время вышли из строя. Миссис Реншоу — хватит уже скрипеть зубами! — лишь взглянула на вас и ваши бумаги, после чего просто ушла. Она была потрясена и огорчена. Архонты Афин! Неужели вы не можете видеть в женщинах просто женщин…

— Это как раз моя неизменная привычка.

— …А не себя самого в женском обличье? Каким образом она добралась вчера до дома, — нахмурился доктор Фелл, — даже не представляю себе. Но она, совершенно точно, не поехала с нами. — Доктор Фелл немного поразмыслил, блуждая взглядом по комнате. — В итоге, — прибавил он колко, — я выяснил уже у Хэдли, что вы отказались выдвигать какие-либо обвинения против Джорджа Грейса, которого величаете Златозубом.

Настроение Батлера изменилось. Всякие мысли о Люсии начисто вымело из головы.

— Златозуб, — повторил он негромко и со злорадством.

После чего поглядел на доктора Фелла с таким выражением лица, что даже этого видавшего виды человека проняло.

— Я не знал, что этого парня зовут Джорджем Грейсом, — начал Батлер, — пока не позвонил Хэдли сегодня утром. Знаете, что сегодня поутру было заткнуто мне в оконные рамы? Две штуки, по одной на каждое окно рядом с входной дверью. Миссис Пастернак нашла. Взгляните!

Из кармана своего халата он едва ли не с нежностью вынул скрученную в трубочку и слегка надорванную бумагу, слова на которой — написанные печатными буквами — немного размазались после пребывания в оконной раме.

Послание гласило:

МЫ С ТОБОЙ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛИ. ДЖ. Г.

Уголек громко щелкнул в камине. Становилось все прохладнее, поскольку день догорал и за окнами сгущался туман.

— Это будет генеральное сражение, — заявил Батлер, барабаня по подлокотнику кресла. — Третий, и последний, раунд.

— Да, — согласился доктор Фелл и часто заморгал, глядя в пол.

Голос Батлера зазвучал громче:

— Помните, что предложил мне вчера вечером Хэдли? Сказал, они запросто выпишут для меня разрешение на оружие, если я зайду в Скотленд-Ярд?

— Да, я помню.

— Я отправил к ним Джонсона. Джонсон заодно купил пистолет и патроны. Я, видите ли, — продолжал Батлер, — передумал, после того как беседовал с Хэдли в «Кларидже» в среду. Эти черви не понимают, когда ты просто превосходишь их интеллектом. Они попросту не имеют об этом понятия. Они понимают только одно.

Батлер, морщась от боли, выудил с другой стороны кресла револьвер «уэбли» 38-го калибра в кожаной кобуре.

— Да пусть приходит, чтоб его! — выдохнул он сквозь зубы. — Пусть приходит прямо сегодня вечером. Я больше не играю. Либо я его, либо он меня.

— Если Златозуб навестит вас сегодня вечером, — произнес доктор Фелл каким-то странным тоном, — вы же сознаёте, что он придет не один?

— Прекрасно! Пусть приводит своих дружков. Я не возражаю.

Доктор Фелл покачал головой. Какое-то дурное предчувствие, близкое к настоящей тревоге, бродившее в нем, снова сделалось таким же осязаемым, как жар от печи.

— Дружки Златозуба! — произнес он. — Очень хорошо. Только я имел в виду не их. Разве вы не

понимаете, что если кто-то попытается убить вас этим вечером, то это будут две разные шайки врагов и две совпадающие линии атаки?

— В каком это смысле — две?

— Так ведь остается еще глава секты! — с негодованием произнес доктор Фелл, начиная закипать все сильнее. — Да какого черта, приятель! Златозуб, Эм, еще несколько безымянных — их можно считать простыми гангстерами. И я спрашиваю: разве кто-нибудь из них, за исключением Златозуба, знает о сатанинской секте?

— Но Златозуб-то определенно знает!

— Точно. Он знал достаточно, чтобы выбрать нужные бумаги из всей массы из тайника наверху исповедальни, бросив остальные.

У Батлера голова пошла кругом. Среди всех треволнений он почти позабыл о документах, которые едва не стали причиной его гибели.

— Что было в бумагах? — спросил он.

— Достаточно, — сказал доктор Фелл, — чтобы разгромить секту и по меньшей мере надолго засадить ее нынешнего главу.

— И следовательно, вы считаете…

Доктор Фелл надул и сдул щеки, отчего разбойничьи усы встали дыбом, и поерзал в кожаном кресле.

— Глава секты и другие, может быть, тоже, — подчеркнул он, — будут в бешенстве. Кто, предположительно, заполучил и прочел эти бумаги? Вы же! Златозуб, вырвавшись из часовни, никого из нас не заметил. Если он передал информацию кому-то вышестоящему, то только о вас. Мишенью будете вы.

Респектабельность! — неожиданно загромыхал он с презрением. — Говорю вам, мой дорогой Батлер, что все гангстеры на свете не опаснее этого, — он прищелкнул пальцами, — по сравнению с ханжеской респектабельностью, с которой вот-вот сорвут маску. Первым делом ищите кого-то респектабельного! И вы разгадаете загадку!

Батлер, любовно взвешивавший «уэбли» 38-го калибра на руке, слегка улыбнулся.

— И все же, — произнес он, — эта козлиная маска сатанинской секты кажется годной в основном для того, чтобы травить народ в других городах.

Доктор Фелл, пытаясь раскурить сигару, покосился на него в полном смятении.

— Разве Хэдли ничего не сказал вам? — спросил доктор Фелл, выдувая клуб дыма. — И вы не заглядывали сегодня в газеты?

— Нет.

— Ваш приятель Люк Парсонс, он же Конфи-

денциальность Гарантирована, — сообщил ему доктор, — был задушен вчера ближе к вечеру, между пятью и шестью часами. Это случилось прямо у него в конторе. Его оглушили, а потом удавили с помощью длинного куска эластичной тесьмы, окрашенной кустарным способом в красный цвет.

Патрик Батлер отложил револьвер и вскочил на ноги. У него в голове уже много часов — периодически затихая, но время от времени возвращаясь — крутились слова «лента, или шнур, или тесьма». Он стоял, сунув руки в карманы синего халата, ощущая, что угодил в какой-то кошмар.

— Но это же не подвязка? — уточнил он.

— В некотором смысле, разумеется. В ведьмовских сектах ее всегда использовали для удушения — за определенное преступление.

— Какое преступление?

— Предательство, — ответил доктор Фелл, выдувая вытянутое облако сигарного дыма.

Повисло молчание. Батлер, ощущая свою вину за то, что оплатил предательство, вызвал в памяти образ потного, искаженного ужасом лица с обвисшими крашеными усами. Он прогнал его — он не станет на него смотреть.

— Современные тайные общества, видите ли, —

размышлял вслух доктор Фелл, — сущие сосунки по части того, чтобы быстро отреагировать и убить. В Шотландии в тысяча шестьсот восемнадцатом году одного человека, по имени Джон Стюарт, судили за ведовство. Он был брошен в темницу в оковах, и два святых отца — шотландские священники, заметьте! — навестили его в тюрьме. Только священники успели уйти, как за Стюартом пришли, чтобы конвоировать его в суд. Но стражники обнаружили его уже мертвым, задушенным (тут я цитирую) «куделью пеньки, или шнурком из пеньки, предположительно его собственной подвязкой или же шнуром со шляпы».

Доктор Фелл надул щеки и выпустил колечко дыма.

— Потом, — продолжал он, — было еще странное дело Джона Рида. И снова в Шотландии, Ренфрушир, в тысяча шестьсот девяносто восьмом году. Его должны были судить за ведовство, и его нашли удавленным собственным шейным платком. Я снова цитирую:

«Был сделан вывод, что это совершил некий сверхъестественный Посредник, в особенности если учесть, что дверь камеры была заперта, а окно закрыто доской, которой не было накануне

вечером, перед тем как его оставили одного».

Гром и молния, — воскликнул доктор Фелл, — это ведь самые первые загадочные убийства в запертой комнате! Запертая комната, ничего не ведающие люди — предполагается, что все это существует только в воображении писателей. Даже такой старый болван, как я сам, может перечислить навскидку с полдюжины реальных дел. Э… кстати…

Батлер не слушал его.

— Я вам тут принес, — не отставал доктор Фелл, — ящик специально подобранных книг по ведовству и связанных с ним искусствах. Некоторые из ранних авторов, вроде Скотта или Гранвиля, могут показаться сложными для восприятия. Но более поздние авторитеты в этой области, Нотштейн, Саммерс, Мюррей, Л'Эстранж Эвен и Олливер, одновременно и содержательные, и более легкие для чтения, чем большинство старинных источников.

— Доктор Фелл! Стойте! Погодите!

Снова огонь в камине затрещал, выстрелив угольком. Весь день Батлер старался видеть просто огонь в камине, не позволяя тому напоминать о событиях прошлой ночи. Но среди поленьев ему представлялась черная козлиная голова ста-

туэтки в пожаре. А теперь появилось и кое-что похуже.

— Люк Парсонс! — произнес он. — В котором часу, вы сказали, он погиб? Между пятью и шестью часами?

— Да. Примерно так.

— Но я ушел от него в четыре!

— Хэдли мне так и сказал. Вас верно описали. — Здесь доктор Фелл заговорил резким тоном, сосредоточившись. — Секретарша Парсонса показала, что он не покидал контору и посетителей у него больше не было. Но он, совершенно точно, звонил кому-то, как только вы ушли, номер секретарша не запомнила. В течение двух часов, может быть, даже меньше…

Доктор Фелл яростно рубанул рукой воздух.

— Весьма быстро сработано. А? — прибавил он.

— Но откуда у вас такая абсолютная уверенность, что это был убийца из ведьмовской секты?

— У полиции имеется улика. В смысле, действительное доказательство, хотя об этом не сообщалось прессе. — Доктор Фелл снова сделал глубокий сиплый вдох и поднял глаза. — Вы, вероятно, заметили, что контора Парсонса не блистала чистотой или аккуратностью? О, ага!

И в пыли на его письменном столе кто-то начертил еще три перевернутых креста.

— Это последняя капля, — произнес Батлер после паузы.

— Боюсь, что так. В ту часть здания мог проникнуть кто угодно и совершенно незаметно, после того как секретарша ушла в пять часов. Там всего один лестничный пролет. И нет более безликого места, чем здание, где располагаются конторы.

Батлер поглядел в огонь, и увидел там лицо Парсонса, заодно с козлиной головой.

— Один убийца. — Он поворошил поленья. — Миссис Тейлор, Дик Реншоу и Люк Парсонс — и один убийца!

— Убийство Парсонса, — сухо произнес доктор Фелл, — нельзя было доверить кому-нибудь вроде Златозуба или Эма. Потому вы понимаете, дорогой друг, что когда две линии атаки сойдутся на вас…

Батлер взял с кресла кожаную кобуру с «уэбли». После чего позвал своего шофера.

— Джонсон! — проорал он. — Джонсон!

Когда Джонсон вошел, уверенный и невозмутимый, как и всегда, с шоферской фуражкой в руке, Батлер стоял, прислонившись к каминной полке, в непринужденной позе джентльмена из

восемнадцатого столетия.

— Между прочим, Джонсон, — произнес он голосом, способным очаровать кого угодно, — вы повесили в подвале учебные мишени?

— Да, сэр. И уложил позади них мешки с песком. Так что не о чем беспокоиться.

— Послушайте, старина. — Батлер был сейчас похож на старшего брата. — Сегодня четверг, у вас выходной, и у миссис Пастернак тоже. Разве я не предлагал вам обоим пойти по домам еще три часа назад?

Джонсон старательно изучал фуражку у себя в руке.

— Я б лучше остался, сэр, если вы не против. Я много где могу пригодиться.

— Но ведь Нелли будет сердиться.

— Нелли может подождать.

— Не могу согласиться, старина. Разве вы не слышали, о чем я говорил мистеру Хэдли по телефону?

— Но, сэр…

— Я ему сказал, — пояснил Батлер любезно, — что, если он посмеет приставить ко мне какую-то там «полицейскую защиту», я с удовольствием отстрелю уши любому копу, который появится в поле зрения. Это мое шоу, Джонсон. Вы ведь

англичанин. Неужели вы не понимаете?

— Очень хорошо, сэр.

— В таком случае пообещайте, что вы с миссис Пастернак исчезнете из дома через десять минут.

Джонсон кивнул. Он дошел до двери и обернулся. Он говорил негромко, зато голосом, полным чувств.

— Задайте им, этим… сэр. — Голос его звенел. — Засуньте им их… в их же!..

— Благодарю вас, Джонсон. — Батлер пришел в восторг. — Я постараюсь.

Дверь закрылась. Батлер вынул «уэбли» из кобуры, открыл барабан так, что сверкнули медным блеском капсюли патронов, снова защелкнул его, и этот щелчок прозвучал особенно громко в тихой комнате.

— Златозуб! — прибавил он.

— Во имя Бахуса, — прорычал доктор Фелл, — объясните мне, почему вы до сих пор питаете такую враждебность к Златозубу? Из того… э… как я подозреваю, сильно выхолощенного отчета, который вы выдали нам прошлой ночью, получается, что у него сдали нервы…

— О да. Это было просто.

— И вы получили то, чего хотели. В таком слу-

чае — чего еще вам надо?

«Он дважды сбил меня с ног. Он мог и дальше мутузить меня, пока я не лишился бы сознания. Он выставил меня неуклюжим идиотом, беспомощным. У моих предков имелось прекрасное правило: на некоторые оскорбления можно отвечать только сталью или пулей».

Вслух же Батлер сказал:

— Как вы понимаете, у нас имеются и другие противоречия.

— С чего вы решили, что он придет сюда сегодня?

— Прежде всего, эти записки в окне. И я, конечно же, отправил ему в ответ самую оскорбительную телеграмму на адрес клуба «Любовная маска». Даже если он не получит телеграмму лично, ему передадут ее содержание. Я предупредил о том, чего ему ждать.

— Огнестрельное оружие?

— Разумеется! — Брови Батлера поднялись. — Я посоветовал ему прихватить с собой что-нибудь.

Тут Батлер хмыкнул.

— Пришлось, правда, приврать, — прибавил он, — чтобы на почте все это сочли шуткой. Однако же получилось.

Судя по оттенку лица доктора Фелла, поблед-

неть ему в ближайшее время было не суждено. Однако между клубами сигарного дыма говорил он сравнительно мягко:

— И вот теперь, в довершение к возможной перестрелке на Кливленд-Роу, с другой стороны к вам приближается, пусть не такой сильный, глава ведьмовской секты. Боже, да вы этого не понимаете!

— Нет, — произнес Батлер, растягивая слог. — Нет, не понимаю. Но я пойму, как вы сами мне обещали.

— Правда?

— Прошлой ночью, — заявил Батлер, старательно выговаривая слова, — я продемонстрировал, что Дика Реншоу могли убить единственным способом — если мы исключаем Люсию, а лично я исключаю. Я доказал, что в преступлении может быть виновна только Китти Оуэн. Я объяснил, как унести в корзинке для рукоделия графин с водой, подменив его на отравленный. А вы лишь невнятно бубнили что-то бессмысленное. Однако же вы клятвенно заверили, что все объясните завтра. Очень хорошо — завтра наступило.

— Да, — вздохнул доктор Фелл с тоской. — Наверное, мне лучше объяснить.

Батлер уселся в кресло, свесив с подлокотни-

ка одну руку и касаясь указательным пальцем предохранителя «уэбли».

— Начнем с самого существенного, — предложил Батлер. — У нас, как я уже говорил, три убийства и один убийца.

Доктор Фелл нахмурился:

— В некотором смысле, да.

— В некотором смысле?

— Да. Один из предполагаемых убийц… — Он умолк, встревожившись. — Кроме того, остается еще вопрос прислуги. В данном деле у нас имеются две горничные с необычайно разными характерами.

Одна из них, горничная миссис Тейлор, Элис Гриффитс, самая заурядная домашняя прислуга средних лет. Теперь я знаю, что Элис Гриффитс говорила правду, так же как знаю, что Джойс Эллис невиновна. А вот другая горничная — служанка миссис Реншоу, Китти Оуэн. И Китти Оуэн вовсе не заурядная домашняя прислуга, и она не говорит правду. Поскольку она все равно должна остаться ниже подозрений.

— Вот что мне особенно в вас нравится, — заметил Батлер, неподдельно заинтересованный, — так это кристальная ясность вашего стиля. Эддисон — пустое место. Маколея обошли

на самом старте. Анатоль Франс лишился чувств от зависти. Черт побери, неужели вы не можете просто объяснить простым языком?

— Конечно могу.

— В таком случае, что вы подразумеваете под этим «ниже подозрений»?

— В детективном романе… — доктор Фелл пыхнул сигарой, — подозрения не снимаются ни с кого. Однако же имеются некоторые типажи ниже подозрений. Любой, кто выступает в качестве детектива, например. Любой второстепенный персонаж. Любая прислуга, поскольку слуга, который всего-навсего приходит сообщить: «Архиепископ вас ждет», — это картонная маска, характер которой не читается. Только вот Китти Оуэн, разрази меня гром, совершенно из иной категории. И в итоге… Но лучше я расскажу вам. Я, возможно… э… невольно сбил вас с толку прошлой ночью.

И доктор Фелл пустился в объяснения.

Глава восемнадцатая

Когда доктор Фелл начал говорить, стрелки небольших мраморных часов на каминной полке показывали без десяти четыре. Когда он закончил, часы только что пробили половину шестого.

Патрик Батлер, у которого, как он с собой ни боролся, было гадко на душе, сидел, уронив голову на руки и закрыв глаза.

В самом деле, картина сложилась такая живая. Острый ум Батлера, получивший дополнительные сведения и сделавший точные выводы, воссоздал все дело не хуже доктора Фелла. Это было интеллектуальное упражнение; ему пришлось его выполнить.

За исключением некоторых деталей, которые требовалось уточнить, все дело лежало перед ним, словно головоломка-пазл на столе. Однако, в отличие от пазла, все было просто. В отличие от паззла, все улики были очевидными и сами бросались в глаза. И наконец, факт, неизвестный тем, кто несет разную чушь о пазлах: здесь все подкреплялось поступками и соответствовало

личности подозреваемого.

Дзинь! — сказали часы на каминной полке.

— Понятно? — спросил доктор Фелл.

Пламя погасло, осталась лишь белесая зола с красными прожилками и несколько черных головешек на подставке. В комнате стало зябко и почти темно, когда Батлер, вздрогнув, осознал это. Половина шестого. Он должен привести себя в боевое настроение перед…

Он встал, не без труда из-за боли, которую причиняли синяки. Взял из большой плетеной корзины несколько поленьев и подкинул их в камин, подняв облачко искр. Поскольку прошлой ночью ему не удалось нанести ни одного достойного удара, было странно, что кисти рук так немеют. Он включил светильники под абажурами, висевшие на стене по бокам от камина.

— Лучше задерну шторы, — сказал он.

На душе было все так же гадко, когда он перешел к стене напротив камина и посмотрел в окно. В этой части Кливленд-Роу протянулось открытое мощеное пространство Конюшенного двора, безжизненное, словно пустынная древнеримская дорога. Справа тусклый уличный фонарь высвечивал закопченную стену из красного кирпича — пустующее западное крыло Йорк-Хауса.

Напротив и чуть поодаль восставали призрачные арки того, что когда-то было музеем.

Рядом с одной аркой шевельнулась и растаяла тень. Они уже наблюдают.

Батлер резко задернул шторы и вернулся к камину.

— Да что же за мерзость! — выпалил он. — И речь даже не об убийствах, но как подумаю, кто теперь стоит во главе секты! Это же… — он коснулся груди, подыскивая слова, — о том, что у человека внутри.

— О, ага, — согласился доктор Фелл.

Доктор устало поднялся на ноги, тяжело опираясь на свою трость.

— Сэр, — протяжно произнес он, — помощник из меня примерно такой же, как альпинист. Но вы не позволите мне остаться?

— Нет, прошу меня простить. Вы же понимаете почему.

Доктор Фелл с тревогой смотрел на него:

— Но послушайте, дружище! Нет причин, чтобы так огорчаться!

— Я не огорчен, — ответил Батлер, глядя ему прямо в глаза. — У меня нет для этого причин.

— Документы, которые вы передали мне ночью, убедительно доказывают, что Ричард Реншоу

стоял во главе секты, а миссис Тейлор была его помощницей. Ну и третий в списке, естественно, сменил Реншоу! Получается…

— Прошу прощения, доктор Фелл, но уже довольно поздно.

Батлер среди прочего держал в уме и движение той тени в мрачном Конюшенном дворе.

— Тогда я ухожу, — сказал доктор Фелл, кажется понимая его чувства. — Вот мой телефонный номер в Хэмпстеде, если вдруг понадобится.

— Благодарю вас, — отозвался Батлер, опустив клочок бумаги в карман.

Он повел доктора к двери, чувствуя, как натянуты нервы. Револьвер лежал в глубоком кармане его халата под правой рукой, впрочем, ткань халата не скрывала оружия и рука на рукояти орехового дерева была так же красноречива, как развевающийся флаг. Доктор Фелл, разумеется, тут же споткнулся о ящик с книгами на полу в коридоре, когда подходил к двери.

— Я такой неуклюжий, — извинился доктор Фелл, хотя в том не было необходимости. — Между тем, можете пока скоротать время за чтением этих книг. Большую часть я нашел в доме миссис Тейлор. Интересно, будет ее призрак сегодня ночью витать здесь?

— Кто-то здесь точно витает, — сообщил Батлер, взявшись левой рукой за ручку двери.

— Уже появились визитеры?

— Да так, ничего особенного. Однако, когда окажетесь на улице, не мешкайте. Сразу же идите налево, а потом поверните налево еще раз — на Сент-Джеймс-стрит. Если получится, возьмите такси. — И он открыл входную дверь.

— Сэр, — ответил доктор Фелл, сняв свою пасторскую шляпу, — я желаю спокойной ночи человеку, которым, несмотря на некоторую… гм… эксцентричность, восхищаюсь.

Минуты две Патрик Батлер стоял в дверном проеме, силуэт на фоне тускло освещенного прямоугольника. Его снова пробрала нервная дрожь, не коснувшаяся рассудка. Хотя он презирал любой спорт, он был отличным наездником и первоклассным стрелком. И с каким же удовольствием он, несмотря на одну гнетущую его мысль, встретится со Златозубом!

Холодный ветер продувал его халат. Он ощущал запах тумана, хотя не видел его, если не считать тонкой расплывчатой дымки вокруг фонарей. И когда слоновья поступь доктора Фелла и стук его трости стихли, он снова взглянул на мрачный, терявшийся в темноте квадрат Конюшенного

двора.

Музей, разумеется. Одна из опор арки, разумеется! Едва заметно выступая из тени, кто-то стоял там и смотрел на него.

Вдалеке негромко просигналило такси.

Правая рука Батлера не шевельнулась: никогда не цельсь, если не собираешься стрелять. Секунды тикали, уходя…

Очень неспешно, оставляя достаточно времени, чтобы что-нибудь или кто-нибудь сдвинулся с места, Батлер шагнул обратно в дом и закрыл дверь. Немного подумав, он повернул в замке ключ.

И почему бы, пришла ему сардоническая мысль, не устроить на Кливленд-Роу перестрелку? В конце концов, разве совсем недавно в Вест-Энде не стреляли прямо из машин на ходу? До войны лондонцы сочли бы подобный эпизод совершенно фантастическим: сцена из американского фильма, — вероятно, даже в Америке такого по-настоящему не бывает.

Отступив от входной двери, Батлер и сам споткнулся о ящик с книгами. Это вернуло его к той гнетущей мысли о главе секты, которая мешала сосредоточиться на будущей встрече со Златозубом.

Взгляд зацепился за обложку верхнего в ящике

сочинения, посеревшего от пыли за три века, за часть его названия: «...непристойные и нечестивые пути...»

— Это необходимо прекратить, — сказал Батлер вслух.

В столовой, расположенной напротив библиотеки, зазвонил телефон.

С тех пор как уже вечность назад ушли Джонсон и миссис Пастернак, дом стоял такой тихий, что даже звон маленьких часов в библиотеке слышался везде. А трель телефонного звонка разбила тишину вдребезги.

Батлер поспешил в столовую. Миссис Пастернак задернула здесь шторы и оставила холодный ужин под тускло поблескивавшей хрустальной люстрой. Батлер после некоторого сомнения поднял трубку.

— Пат? — прозвучал ровный голос Чарльза Денхэма.

Батлер на секунду задумался. А затем заговорил самым добросердечным и оживленным своим тоном:

— Привет, Чарли! Что случилось?

— Я обещал навестить тебя, Пат. Но так замотался с делами, что... Как ты?

— Лучше не бывает, старик! А почему ты спро-

сил?

Небольшая пауза.

— Просто в газете напечатали, что ты пострадал при пожаре! Да еще и в какой-то церкви посреди ночи! Вот уж не знал, что ты вообще заходишь в церкви, — прибавил Денхэм, религиозность которого была притчей во языцех.

— Это была частная часовня в старом поместье, — пояснил Батлер. — Мы просто болтались по окрестностям, ничего более. Никто не пострадал.

— В таком случае мне не о чем беспокоиться? — Тон был ледяным.

— По крайней мере, не об этом. Спасибо, что позвонил. До свидания.

Батлер положил трубку и немного посидел, погруженный в глубокие раздумья. Когда он поднялся, то поглядел на холодный ужин на столе. За этими продуктами миссис Пастернак выстаивала многочасовые очереди, но трапеза была такой скудной, что имела комичный и едва ли не извиняющийся вид. Патрику Батлеру это было все равно. Что его выводило из душевного равновесия, так это воспоминание о радостном масляном голосе, звучавшем по радио, который уверял слушателей, что еще никогда в жизни они

не были здоровее, чем на нынешней диете.

Батлер поднялся. Шторы были задернуты, но он посмотрел в щель.

Теперь в Конюшенном дворе было два человека, наблюдавших за домом.

Проворно, но без спешки Батлер занялся приготовлениями. Первым делом он закрыл и запер все ставни в комнатах нижнего этажа. После чего запер заднюю дверь.

Лучшие защитники дома, как однажды сообщил ему словоохотливый взломщик, — это самые обычные старомодные ставни — их невозможно открыть без шума. Патрик Батлер не собирался предотвращать нападение, он хотел знать точно, с какой стороны оно последует.

В доме слышались только его собственные шаги по скрипучим старым половицам, когда он поднялся на второй этаж. Даже деревянная обшивка, против своего обыкновения, молчала. Наверху он закрыл и запер ставни, завершив своей спальней.

Хотя под халатом у него была пижама, он решил, что не стоит утруждать себя переодеванием. Так его презрение к Златозубу и компании (он снова ощутил удовольствие) будет заметнее. Пропустив кожаный ремень в прорези в кобуре,

он затянул его на поясе и сунул в кобуру «уэбли». А еще…

— Однако в халате-то неудобно, — произнес он вслух. — Если бы мне…

Вот оно! Выдернув кушак, он завязал им воротник халата над вырезом пижамы и закрепил с изнанки английскими булавками. Халат развевался на плечах, словно плащ дуэлянта, оставляя руки свободными. Вполне в его духе.

Все еще недовольный задней дверью, он спустился вниз. К запертой двери приставил спинкой стул, на него сложил горку из тяжелой кухонной утвари: кастрюли, горшки, сковородки, которые обрушатся от малейшего движения двери и устроят настоящий тарарам. Батлер ощутил гордость творца, водрузив на самый верх кухонную воронку в качестве шляпы.

Вот теперь пусть приходят!

С мрачным удовлетворением он подошел к парадной двери и открыл ее. Он стоял в дверном проеме, словно человек, решивший подышать перед сном, и всматривался в Конюшенный двор. Там, где еще недавно таились два соглядатая, теперь было три.

Значит, холодная война? Однако требуется лишь супертерпение суперинтеллекта.

Притворив дверь, но не запирая ее, Батлер вернулся в библиотеку. Оставив библиотечную дверь открытой, он мог наблюдать за входной дверью, сидя в другом конце у камина.

Они весь вечер будут собираться и подглядывать, словно затаившиеся кошки, почему-то уверенные, что у него сдадут нервы. Такое у них представление о нем? В таком случае он продемонстрирует свое хладнокровие, уютно устроившись дома, а заодно надиктует на фонограф отчет обо всем этом деле и о настоящем убийце. Если только — о господи! — если только ему перестанет мерещиться лицо со снятой маской.

Кроме того, он ведь не сможет, в самом деле, применить огнестрельное оружие против…

«Хватит уже!»

Батлер, несколько раз сморщившись от боли, развернул свое мягкое кресло к огню так, чтобы боковым зрением видеть входную дверь через открытую дверь библиотеки. Огонь снова ярко пылал. Небольшие часы пробили половину седьмого.

— Я не говорил с тобой, — обратился он к фонографу, — потому что вчера днем записал кое-что на бумаге. Ну-ка посмотрим!

Он переставил иглу немного дальше, чтобы поймать нить рассуждений, записанных до того, как он отключился в прошлый раз. Затем он запустил агрегат, чтобы цилиндр крутился в обратную сторону и воспроизводил звук, а не записывал его.

Его собственный голос — микрокосм из зала суда в Лилипутии — вырвался из рупора:

«Люсия Реншоу с самого начала выказывала благосклонность, переходящую в страстную привязанность к… к П. Б. — В этом месте рупор умолк, и послышалось смущенное покашливание. — Не потому ли, — продолжал он, — что П. Б. сильно напоминает, голосом и внешностью в целом покойного мужа Л. Р., Дика Реншоу? Может быть, она безотчетно переносит свою привязанность на другого мужчину, похожего на него?»

Внезапно Батлер выключил машину.

Неверными руками снял с оси навощенный цилиндр. Он встал, развернулся на месте и швырнул цилиндр о каменный камин. Воск не заглушил получившегося звука — осколки разлетелись, падая в огонь.

Батлер сел на место, поставив новый цилиндр. Его собственная глупость! Его собственная бестолковость!

— Сейчас я надиктую, — начал он самым звучным своим голосом, — полную запись с перечислением фактов по делу, которое далее мы будем называть «Убийства сатанинской секты».

Он сразу же позабыл и о входной двери, и о «уэбли» у бедра, и о коробке с патронами по другую сторону от кресла. И в то же время его голос лил безупречно логичные и точеные фразы. Он заполнил один цилиндр, положил его в коробку на полку, поставил новый.

Голос продолжал литься. Сколько уже неподвижных фигур поджидает теперь в Конюшенном дворе или на Кливленд-Роу? Попытаются ли они ворваться в незапертую входную дверь? Однако же голос, и разум, держали все эти заботы в отдельном отсеке.

— …Таким образом, мы начали понимать, — говорил он, — как рассуждает этот убийца. Новый абзац.

Давайте предположим, к примеру, что я совершаю убийство. Оно занимает все мои мысли; оно затрагивает всё. Если только я не блистательный актер, в какой-то момент я непременно выдам — оговоркой, жестом ли, выражением лица — чувство вины, меня переполняющее, хотя все это может остаться незамеченным.

Но давайте теперь предположим, тоже к примеру, что кто-то искренне полагает и верит, что он или она не совершал убийства? Такой человек вовсе не станет думать о преступлении. Поскольку чувства вины нет и в помине, никакое движение руки, глаз или рта в ответ на любой вопрос, заданный частными сыщиками или полицией, не изобличит его.

Внезапно Батлер умолк, его пальцы отпустили кнопку.

Мысль, осенившая его, внушала разом и негодование, и смех, из-за нее он пронесся через комнату, прежде чем вспомнил, что надо вернуться и выключить фонограф.

Эти наблюдатели перед домом, а что, если они вовсе не враги, а затаившиеся в засаде полицейские? Сомнительно, чтобы Хэдли отправил сюда сразу троих, но, с другой стороны, этим объясняется их молчание.

Батлер ринулся к входной двери, распахнул ее и вышел. Ему было плевать (если он вообще подумал об этом), что он пересекает Кливленд-Роу и направляется в Конюшенный двор, облаченный в халат, пижаму и тапочки. Кроме того, место здесь было укромное, где редко встречались прохожие.

Туман сгустился, уличный фонарь казался искрой в темноте. Входя в Конюшенный двор, Батлер ощущал под тапочками жесткий асфальт и собственное одиночество среди мертвых домов. Теперь за ним наблюдали уже четверо.

Двое стояли под арками музея. Один таился на дальнем конце Йорк-Хауса, всего лишь силуэт в тени. Четвертый был едва заметен на фоне железной ограды, за воротами которой начинался тротуар в сторону Мэлл.

— Есть кто-нибудь из полиции? — начал Батлер. Его голос здесь, кажется, обрел эхо. — Если есть, отзовитесь!

Никто не заговорил. Никто не шевельнулся. Послышалось легкое шарканье башмаков.

Правая пола халата Батлера откинулась назад. Он держал револьвер на боевом взводе, перенеся его вес на вторую фалангу среднего пальца.

— Последний шанс, если это шутка!

Это была не шутка.

В то же время до Батлера дошло, что он от злости совершил две глупости: теперь его могли окружить, если у них есть еще люди; при таком освещении трудно попасть в цель.

Он услышал шарканье собственных тапочек, когда начал поворачивать обратно. Маленький

камешек покатился, подскакивая. Привычные лондонские дымоходы обступали невидимую в темноте арену. За ней, в этом самом музее, однажды выставлялись настоящие ворота Ньюгейтской тюрьмы, а еще воссозданная камера смертников.

«Это не полицейские. Это даже не головорезы Златозуба. Это члены секты, потеющие от собственной респектабельности. Но они считают, что о них известно только мне. И они пришли, чтобы меня убить».

Батлер добрался до своей парадной двери. На этот раз он быстро запер ее. Он тоже потел, однако не от какого-то там страха. В его воображении, во всяком случае, они все собирались и собирались снаружи, направляя на этот дом безмолвные потоки зла.

«Респектабельность! — вспомнился ему голос доктора Фелла, полный презрения и насмешки. — Говорю вам, мой дорогой Батлер, что все гангстеры на свете не опаснее этой, — щелчок пальцами, — ханжеской респектабельности, с которой вот-вот сорвут маску».

Батлер медленно поставил револьвер на предохранитель, убрал в кобуру и поправил халат.

Может быть, оружие ему не потребуется. Может

быть, у них там оружия нет. Однако… кто-то же должен прийти, чтобы убить его.

Между тем…

Надо бы завершить запись. Он был терпим: если бы не эти молчаливые убийства, он, может, даже не стал бы винить участников секты. Они искали способ хоть как-то отвлечься от своего унылого бытия. В былые времена, когда индивидуалисты были национальной гордостью, Англия единственная сияла в ореоле славы и от ее легчайшего дыхания сотрясался весь мир. Теперь же личность покорилась массе, и презрение Батлера находило выход, обращаясь на (скажем) Агнес Кэннон как на лучшее проявление этого и на Златозуба — как на проявление худшее.

Он снова уселся у фонографа, развернулся так, чтобы все-таки присматривать за входной дверью. Заметив, что второй навощенный цилиндр почти закончился, он поставил третий и взялся за рупор.

— Заключительные пункты для вынесения приговора убийце, — произнес он.

Затем он закурил сигарету и снова заговорил тем же отрешенным, мертвящим тоном.

— Рассмотрев образ мысли убийцы, — продолжал он, — я теперь перехожу к следующему и,

возможно, самому важному с психологической точки зрения моменту: Китти Оуэн и ее зеленая корзинка для рукоделия.

Ричард Реншоу, как нам известно, обладал большим влиянием на женщин. У него имелась привычка превозносить их, а затем отшвыривать от себя в один момент, как в случае, — Батлер поморщился, — с его женой.

Китти Оуэн всего восемнадцать, она из Уэльса, предположительно с норовом. Однако же нет никаких доказательств, хотя бы предположений, связывающих Китти с Реншоу. Напротив, ее высказывания и реакции заставляют заподозрить не более чем легкое влечение, даже страх. У нас имеются убедительные доказательства (смотри вышеизложенное), что Китти, словно школьница, обожала кое-кого другого.

Китти в самом деле заменила графин с отравой на графин с обычной водой. Моя первая догадка была верной, однако же я неверно истолковал эпизод в целом и его смысл истолковал неверно — как и многое в этом деле, все оказалось перевернутым с ног на голову, словно крест Сатаны.

И потому фактический метод…

— Добрый вечер, — прервал его голос, раздав-

шийся сзади.

Пока он сидел в оцепенении, обездвиженный, не поворачивая головы, можно было сосчитать до десяти. Было слышно даже, как с шорохом вращается навощенный цилиндр.

Но его удерживал на месте не страх. У него было мало причин бояться того, кто заговорил с ним. Его словно обухом по голове ударило осознание собственной оплошности: он, похоже, совершал одну оплошность за другой с тех пор, как в последний раз виделся со Златозубом.

Ведь он вышел из дома и на несколько минут оставил парадную дверь открытой нараспашку. Да кто угодно мог бы войти и усесться в мягкое кресло напротив него, а он бы, погруженный в свои размышления, не сразу бы заметил.

— Добрый вечер, — машинально отозвался он и отключил фонограф.

Джойс Эллис, в вечернем платье, обогнула камин и остановилась, развернувшись к Батлеру лицом.

— Я говорила вам, — произнесла она негромко и сквозь стиснутые зубы, — что не приду, пока не смогу назвать убийцу. Так вот, я пришла к вам теперь с доказательствами.

— В самом деле, милочка?

Вечернее платье Джойс было из бархата огненного цвета и с пышными короткими рукавами. Оно никоим образом не изменило ее, только подчеркнуло красоту серьезного лица, серых глаз и темных, коротко стриженных волос. Перед собой она сжимала плотно набитую сумочку.

— Я не убивала миссис Тейлор! — сказала Джойс. — И теперь могу это доказать!

Батлер лениво развалился в кресле.

— Конечно, и я это знаю, милашка, — произнес он с улыбкой. — Это был просто несчастный случай, который было уже не предотвратить, красотуля. Так нешто не счастливый случай привел вас сюда?

И снова он словно отвесил ей оплеуху.

Выражение лица Джойс слегка переменилось. Взгляд сделался глубже, рот как-то хитро искривился. Фигура с соблазнительными изгибами словно всколыхнулась пламенем в вечернем платье огненного цвета.

— Я глава секты, — произнесла она. — Я убила Дика Реншоу.

Глава девятнадцатая

В этой библиотеке теперь сошлись силы более опасные, более неуловимые, более взрывные, чем те, с которыми когда-либо имели дело Джойс Эллис или Патрик Батлер. Ибо здесь сошлись два разных темперамента, которые явно тянуло друг к другу, они могли бы быть любовниками или даже мужем и женой.

Голос Джойс, если не обращать внимание на нотки едва уловимого торжества, сделался таким же ровным, каким Батлер его помнил.

— И?.. — спросила Джойс.

— Мне известно и это тоже, — ответил Батлер, коснувшись фонографа.

— Вы знали? — легкое презрение.

Батлер вскочил с места:

— Боже, конечно!

— Вам не удастся вывести меня из равновесия, мистер Батлер. Можно мне присесть?

Она развернула второе кресло, так что теперь они сидели по бокам от камина спиной к огню и вполоборота друг к другу. Полено затрещало и выстрелило. Джойс, упираясь обнаженным

локтем в подлокотник, опустила подбородок на ладонь. Батлер, глядя на эту улыбку Моны Лизы и темные волосы, на огненное платье, подчеркивавшее изгибы фигуры, понял, что на него снова накатывает гнев.

— Когда я впервые увидел вас в Холлоуэе, — произнес он, живо вспоминая маленькую комнату с красным небом за окном, — я мысленно охарактеризовал вас как дьявольски чувственную и страстную…

Джойс улыбнулась.

— А еще, — продолжал Батлер, — как ловкую лгунью, чьи слезы выглядят почти как настоящие. При этом вы до дрожи старались сохранить респектабельность и обладали такой силой актерского мастерства, что не признавали вину даже перед своим адвокатом. Короче говоря, виновная, как сам дьявол. Разве я не говорил вам, — прибавил он, — что никогда не ошибаюсь?

Однако, — продолжал он, глядя прямо в странные серые глаза Джойс, — я должен был заметить больше, чем заметил на деле. Помните, красотуля? Мы сидели на разных концах маленького пустого стола. Вы были погружены в свои мысли, пока я рассуждал о смерти миссис Тейлор.

И пальцем вы чертили на столе какой-то рису-

нок. Вы провели вертикальную линию, а затем пересекли ее горизонтальной, ближе к низу. Перевернутый крест, милашка. Самый главный символ Сатаны. Вы это делали прямо у меня на глазах. И потом повторяли это, пока думали неизвестно о чем.

— Да, я была погружена в свои мысли, — подтвердила Джойс, глаза ее были наполовину прикрыты, щеки горели румянцем.

Батлер наблюдал за ней. Он не стал напоминать ей, что доктор Фелл тоже посещал ее в тюрьме, заметил ту же привычку и сообщил об этом ему. На самом деле он предпочел не примешивать доктора Фелла к этому делу в момент своего торжества.

— Я была поглощена, — Джойс тяжело задышала, — служением моему божеству. — Ее хорошенькое личико снова стало спокойным. — Верите вы в Бога и силу Господню?

— Да, верю.

— Тогда вы должны верить, — просто сказала Джойс, — в Сатану и в силу зла. Они же неразделимы. Кажется, я упоминала, что я дочь священника?

— Да. И еще вы постоянно твердили, какой тоскливой и скучной была ваша жизнь.

— Поклонение одному, — прошептала Джойс, — есть скука и серость. Поклонение другому, — она провела руками по телу, — огонь, экстаз и свет. Он — единственное божество, но в моем сознании даже он был ниже, чем…

— Чем Ричард Реншоу? — вставил Батлер. — Человек, так похожий на меня?

— Да, — сказала Джойс. Ее улыбка сделалась жестокой.

Батлеру стало дурно.

— Любой человек, не лишенный органов чувств, — сказал он, цитируя доктора Фелла, — увидел бы — оценив ситуацию в доме миссис Тейлор, — что вы занимаете высокое положение в секте. Вы прожили там почти два года, как вы мне сказали. Вот Милдред Тейлор, ухмыляющаяся старая сатирша, почти без друзей, живущая в одиночестве. Вот вы, прозябающая в своей скучной жизни. Совершенно очевидно, что она давным-давно нашептала вам о радостях «старой религии» — в точности так, как гораздо позже пыталась нашептывать Люсии Реншоу.

В этом доме, в «Приорате», была атмосфера выгребной ямы, я и сам это заметил в те два раза, когда бывал там. Грязь висела по углам и пропитывала воздух. Во второй свой приход туда, когда

я натолкнулся на полисмена, я увидел на столе в передней два серебряных канделябра, точно такие, как в доме Реншоу, и, вероятно, тоже со следами черного парафина. Когда вы входили сегодня в мой дом, вы обратили внимание на ящик с книгами в коридоре?

— Обратила. Только не остановилась, чтобы их рассмотреть.

— Это книги по ведовству, — коротко пояснил Батлер. — Многие из них открыто стояли на полках у миссис Тейлор, чтобы любой обитатель дома мог их прочесть. Любой образованный обитатель дома; Гриффитсов и кухарку мы можем исключить. Доктор Бирс понимал, что́ не так в этом доме. А вот вы, по вашему собственному утверждению, вы целых два года не замечали ничего и считали миссис Тейлор самой заурядной пожилой леди, которая вам нравилась.

Глаза на этом бесхитростном личике дочки священника ожесточились. Она принялась скрести ногтями по кожаным подлокотникам кресла.

— Рассказать, что случилось ночью двадцать второго февраля, когда умерла миссис Тейлор? — спросил Батлер. — Все очень просто.

Он повернулся в кресле и выбросил окурок в огонь.

— Вы и не думали убивать миссис Тейлор, — продолжал он. — По меньшей мере, пока. В ту ночь вы вышли из дома, чтобы отравить Дика Реншоу.

— Зачем? — Горестное короткое слово обожгло его, словно кислотой.

— Главным образом, — отвечал Батлер, — затем, что он отверг вас. Как отверг стольких женщин до вас.

Он подождал, чтобы эта мысль как следует укоренилась, пока ее грудь тяжко вздымалась, и пальцы на подлокотниках кресла оцепенели.

— Но, если на то пошло, вы понимали, что сможете прибрать к рукам всю секту — вера и проистекающая из нее выгода, дорогуша! — вскоре после его смерти. И только миссис Тейлор стояла у вас на пути.

Здесь Батлер подался вперед.

— Вас вообще не было в доме миссис Тейлор, — произнес он медленно, — в период между половиной десятого и половиной второго в ночь на двадцать третье февраля. Вы ездили в дом Дика Реншоу в Хэмпстеде, чтобы отравить воду в его графине, поскольку знали, что он в отъезде. Вот и вся тайна, и вас едва не отправили на виселицу за смерть другого человека.

Он снова откинулся на спинку кресла. Джойс так и сидела неподвижно.

— Желаете подкрепить фактами? — поинтересовался Батлер. — Да они повсюду. Уильям и Элис Гриффитс, кучер-садовник и горничная, клятвенно заверяли, что слышали, как около полуночи хлопала на сильном ветру дверь. Затем, сказали они, замок, должно быть, защелкнулся — что было совершенной правдой — и хлопать дверь перестала. Я их за язык не тянул. Они были правдивые свидетели.

Вы, разумеется, не могли выйти через переднюю дверь. Она была на засове, на цепочке и на замке, как я заметил, да и как бы вы тогда вернулись обратно? Вот так-то, дражайшая моя!

(Каждый раз, когда он называл ее подобным образом, прибегая к дублинскому говору или же подбирая английские словечки, это производило на нее какое-то странное действие.)

— В половине десятого, — продолжал он, — вы забрали жестянку из-под солей Немо из конюшни и отнесли к себе в комнату. Вы отложили дозу сурьмы, достаточную, чтобы отравить Реншоу, в бумажный пакетик, или что вы там использовали. Вы спрятали банку с сурьмой у себя в комнате. И вышли из дома через заднюю дверь —

прихватив с собой ключ по весьма весомой причине, — однако, зеница моего ока, вы забыли запереть заднюю дверь.

Батлер позволил себе выдержать паузу, чтобы информация дошла.

— А теперь посмотрим, что же творилось в эту ветреную и ненастную ночь? — предложил Батлер. — Давайте на минутку отвлечемся от вас. Взглянем на старую миссис Тейлор, которая рвет и мечет, сидя в постели, потому что не получила соли Немо!

В этом месте тон Батлера сделался слегка саркастичным.

— Давайте же взглянем на миссис Тейлор, убогую старую душу, которая по какой-то непостижимой причине отписала вам в завещании пятьсот фунтов! Миссис Тейлор, которая в момент гнева называет вас, как это деликатно определили, «нехорошим словом», означающим «гулящую девку». Однако же надо отдать вам должное, моя сладкая. Вам не было нужды шляться по улицам.

Джойс улыбалась, улыбалась искренне, с пламенеющими щеками и горящими глазами. У нее на шее висела очень тонкая серебряная цепочка, уходившая под корсаж огненного платья. Она медленно вытянула ее, и оказалось, что на цепоч-

ке висит совсем маленький крест из эбенового дерева, перевернутый вверх тормашками. Джойс поднесла перевернутый крест к губам.

— Я возношу хвалу, — пояснила она в экстазе.

Огонь в камине, треща и стреляя, добавлял красок ее пылающим щекам. В сознание Батлера просочилась жуткая мысль, что эта девушка одержима демонами — в самом исконном смысле этого слова. Однако же он заставил себя вернуться к миссис Тейлор с ее крашеными волосами, которая научила Джойс темной религии, словно ведьма, читающая по гримуару.

— Мы получили от доктора Бирса, — произнес он, и Джойс устремила глаза в пол, — некоторые сведения, которые доктору Фе… которые мне показались самым важным из всего, что мы выяснили прошлой ночью. Когда миссис Тейлор считала, что от нее что-то прячут, она была способна перевернуть вверх дном весь дом, лишь бы это найти.

Ответа не последовало.

— И вот она сидела у себя в постели, — продолжал Батлер, — угрюмо размышляя по поводу солей Немо. Вы ведь сами сказали мне, что она бурчала из-за них и в половине восьмого, когда вы ничего ей не ответили. Все это продолжалось

и продолжалось. Никаких солей Немо! Немыслимо! В ее-то доме? Немыслимо! Кто-то их спрятал! Кто должен был спрятать жестянку? Очевидно, что вы.

Она нажала на кнопку своего звонка — тут я позволю себе немного пофантазировать, — нажала еще раз. Нет ответа. И вот она вихрем понеслась в вашу комнату. Она не удивилась, не застав вас, вы ведь могли уйти в черную часовню, расположенную неподалеку. Зато она обыскала комнату. И она нашла жестяную банку с надписью «Соли Немо» и с точно таким же кристаллическим порошком внутри.

Мы же помним, что на жестянке остались ваши отпечатки пальцев и ее, — сказал Батлер. — Но только ее отпечатки были на стакане. Она размешала порошок в воде в примыкающей к спальне ванной. А потом, уже в собственной постели, умерла жестокой смертью.

Батлер не смотрел на Джойс, которая успела убрать перевернутый крестик обратно под платье. Он вскочил с места, охваченный неудержимым черным гневом и ужасом.

— Что же до вас, милочка, — сказал он, — давайте рассмотрим, чем занимались вы в ту же ночь на двадцать третье февраля, всего лишь ме-

сяц назад. — Затем Батлер умолк, сглотнув комок в горле. — Будь вы прокляты! — произнес он, и Джойс почему-то обрадовалась. — Вы знакомы с Люсией Реншоу?

Выражение лица Джойс изменилось.

— Не особенно хорошо, — ответила она. — На суде я, помню, подумала, что она похожа на маленькую невинную девочку, несмотря на свои формы и макияж. А так я почти не вспоминала о ней, пока… — Джойс умолкла.

Батлер почти не слушал ее.

— До меня никак не доходило, — прорычал он, — что все улики против нее, вплоть до любой мелочи, о которой я думал или записывал на фонограф, — он указал рукой, — с тем же успехом — и даже с бóльшим! — применимы к вам.

Не важно! Я повторяю: вернемся к вам в ту ночь на двадцать третье февраля. Каким образом вы добрались из Бэлхэма в Хэмпстед и вернулись обратно? На метро, разумеется. У вас имелся друг и информатор в доме Реншоу, который сообщал вам по телефону обо всем, что там происходит…

— Кто же это?

— Китти Оуэн. Она точно недолюбливала Люсию; видели бы вы, каким взглядом она одарила Люсию как-то раз в моем присутствии. Зато Кит-

ти с пылкостью школьницы обожала вас. Она поклонялась вам и сделала бы для вас что угодно. И все же могу поклясться, что Китти ничего не знала о вашем визите в дом Дика Реншоу в ночь на двадцать третье февраля. Она всего лишь передавала вам информацию.

Мои доказательства? Вы услышите их позже.

Вам было известно, что в тот вечер в «Доме аббата» не будет никого, кроме Люсии. Люсия не спала в комнате мужа, она ночевала в спальне дальше по галерее. Вы знали, что Дик Реншоу днем раньше отправился в одну из своих поездок, чтобы изучить обстановку в других городах и подготовить почву для новых отравлений. Но главное, вы считали (Люсия рассказывала некоторым), что Реншоу вернется домой через день-другой.

Вы «считали», я сказал. Даже мисс Кэннон не удосужилась бы сделать уборку в комнате и поменять воду в графине до самого его возвращения. И вот вы прокрались в дом — каким образом? Так ведь замок на задней двери — все тот же «Грирсон», такой же, как у миссис Тейлор. И вы растворили порядочную дозу сурьмы в графине Реншоу почти за месяц до того, как он в действительности выпил эту воду.

И картина меняется. Все переворачивается с ног на голову, как этот проклятый крест, который сейчас у вас на шее. На самом деле вы нарисовали перевернутый крест на пыльном подоконнике тогда же, когда растворяли яд в графине.

Батлер помолчал, затем сел.

Его гнев улетучился, голос звучал спокойно и насмешливо. Джойс Эллис, словно вовсе не думая об убийстве, как-то созерцательно улыбалась ему.

— А знаете, в ту ночь все сложилось очень даже удачно, — сообщила она ему, — я доехала до дома на последнем поезде метро. Мне было очень хорошо и хотелось спать. Я заперла заднюю дверь, оставив в замке ключ. И я даже не вспомнила о жестянке с сурьмой, когда ложилась в постель. Зато на следующее утро, после того как я впустила в дом Элис…

— Вы, вероятно, испытали потрясение? — вежливо поинтересовался он.

— Ужасное потрясение! — подтвердила Джойс.

Она обратила к нему лицо, дышавшее невинностью, с чуть приоткрытым ртом и огромными серыми глазами, — точно так же она смотрела на него в тюрьме Холлоуэй. Теперь потрясение испытал уже он, потому что, кажется, во всем

этом не было и намека на издевку.

Но внутренне, всегда только внутренне, она ликовала, торжествовала, упивалась своей способностью так менять маски. Ему этого не понять — это была часть ее религии.

— Помните, — продолжала Джойс своим мягким тоном, — Элис Гриффитс сказала на суде, что, когда она обнаружила тело миссис Тейлор, то побежала к задней лестнице и заговорила с кухаркой, перевесившись через перила. А это совсем рядом с моей комнатой, как вы знаете. Она кричала: «Ради бога, поднимайся сюда, случилось что-то ужасное!» И я вдруг вспомнила о жестянке с сурьмой, которую спрятала у себя. Ее не оказалось на месте. Я поняла, что произошло. Когда зазвенел звонок, я…

— Вы не знали, что делать, невинная бедняжка?

— С вашей стороны было чертовски умно, — заверила его Джойс, лучась торжеством, — так истолковать мои слова: «В чем дело? Умерла она, что ли?» — обращенные к Элис. И запутать Элис и Эмму, чтобы они не смогли клятвенно подтвердить, трогала ли я жестянку тем утром. Сама я никак не могла придумать убедительную версию. Но потом — как только я увидела вас — я

поняла, что вы добьетесь для меня оправдания.

— И почему же это, милашка?

Глаза Джойс сияли от восхищения.

— Из-за вашей уверенности, вашей самоуверенности. Вы обращались со мной почти как…

— Как обращался бы Дик Реншоу?

— Да, эта грязная скотина! — Джойс коснулась перевернутого креста, чтобы успокоиться. — Но, разумеется, — ее настроение снова переменилось, — я не могла сказать вам, как не могла сказать полиции, где именно находилась в ночь смерти миссис Тейлор.

Ведь, по учению моего Повелителя, какая от меня польза, если кто-нибудь будет знать наверняка, что я говорю правду? Потому я и согласилась сказать то, что вы хотели от меня. Ужасный момент настал — вы заметили тогда на суде, как я расстроилась? — когда Элис рассказала о хлопавшей двери. Я подумала, что, конечно же, Дика я еще не убила, но ведь меня могут связать с ним и нашими службами в часовне. А это уже святое.

— Знаете, — вставил Батлер, — хотел бы я прочесть ваши мысли.

Джойс подалась к нему, и в ее глазах горел неприкрытый, безошибочно узнающийся огонек, и он не имел никакого отношения к убийству.

— А я хотела бы прочесть ваши, — ответила она.

Притягательность этой женщины была похожа на гипноз, на наркотик. «Мы спасемся через плоть», — говорилось на ритуалах черной мессы. Какой-то миг Батлер отбивался от соблазна.

— Я имел в виду… — Он умолк. — Полиция с самого начала подозревала вас. Вас арестовали через неделю. Все это время за вами наблюдали, выясняя ваши связи. Вы пытались тогда кому-нибудь звонить?

— Я звонила Китти. Бедняжка Китти! Дик сам привел ее к нам, и я ей нравилась. Я спросила Китти, не вернулся ли мистер Реншоу. Китти сказала, что нет, но точно вернется до конца недели. Я ее предупредила, что воду в графине нельзя, ни в коем случае нельзя менять.

Батлер был взвинчен не меньше Джойс.

— Я так и понял! — сказал он. — После ареста вы не могли позвонить ей и не посмели вызвать ее на свидание. Но вам были доступны газеты. И вы не увидели ни слова — как было бы, если бы это случилось, — о смерти Реншоу. Вы решили, что воду вылили, ведь такое вполне могло произойти.

— О да. Я боялась, что он может остаться в жи-

вых. Я знала это!

— Иными словами, — сказал Батлер, — вы считали себя невиновной. Чувство вины вы ни разу не испытали. Внутренне вы негодовали из-за иронии и такой возмутительной несправедливости, о чем даже сказали мне. Однако, гром и молния — как выразился бы один мой друг, — больше вас ничто не угнетало. Можно было бы записывать ваши мысли до суда и во время, и это было бы совершенно справедливо с точки зрения детективного романа. Но только не после суда — тогда каждая вечерняя газета кричала вам, что Реншоу мертв.

— Мертв, — выдохнула Джойс, — и низвергнут.

— И после суда, — хмыкнул Батлер, — вы по-прежнему пытались уверить меня в своей невиновности. И в той кофейне напротив Олд-Бейли вам даже хватило духу рассказать мне историю, выдававшую вас: о том, что на ветру хлопали ставни, а не задняя дверь. И я обидел вас, я уязвил ваше тщеславие, сказав, что вы виновны, как сам дьявол.

— Какая причудливая фраза! — улыбнулась Джойс. — Но меня ужасно к вам тянуло. Мне хотелось быть рядом с вами. Неужели я ни разу не показалась вам привлекательной?

Батлер, сражавшийся с тенями в своем сознании, вскочил. Он не хотел говорить того, что сказал, — вырвалось само:

— Прошлой ночью вы мне снились.

Джойс тоже поднялась с места. Они стояли так близко, что почти касались друг друга. Джойс придвинулась еще ближе:

— Вот как? И что вам снилось?

— Мне снилось, что я целую вас, как перед тем целовал Люсию.

— Только целовали? — пробормотала Джойс. — Какие скучные у вас, должно быть, сны.

— А когда я на самом деле обнял Люсию, — (желание заключить в объятия Джойс было почти неодолимым), — один-единственный раз я подумал о вас.

Розовые губы изогнулись.

— Почему же так?

— Потому что я знал, — прорычал Батлер, — знал в душе — или каким еще пафосным современным словом, будь оно проклято, вы это называете! — что вы убийца и я должен забыть вас. Только я не догадывался до вчерашнего вечера — и я признаю, это стало шоком, — что вы с удовольствием совершали массовые отравления ради прибыли. Хотя мы вышли на след секты в

тот самый вечер, когда вас оправдали.

— Вот как? — резко произнесла Джойс.

При любом упоминании сатанинской секты, святыни, тайну которой она была готова защищать ценой своей жизни, Джойс становилась холодной и настороженной. Она попятилась от него.

— Вы сказали «мы», — выдохнула Джойс. — Кто вышел на след?

— Поверьте мне, милочка, это был ораторский прием! Никто не знает, кроме меня.

Джойс быстро перевела дух.

— Так на чем мы остановились?

— Итак! Я поехал в дом Люсии в Хэмпстеде. Потом обнаружились черные свечи, перевернутые распятия и упоминание красных подвязок…

У него в голове за короткую паузу, которой хватило бы только, чтобы щелкнуть пальцами, пронеслось все, о чем говорил недавно доктор Фелл.

Доктор Фелл, оказавшись в доме Люсии во вторник вечером, вскоре после Батлера, дал точную оценку этому суду. «Сэр, никто не рассматривал доказательства!» И еще: «Обе стороны смотрели в небо, пытаясь увидеть корни дерева, и копались в земле в поисках ветвей». Джойс Эллис была

невиновна в смерти миссис Тейлор, потому что Джойс не было в доме. Где же она была? Она объяснила бы, если бы ее занятие не было таким смертельно опасным, что она не осмелилась пуститься в объяснения, не осмелилась пытаться объяснить. Что за занятие? Ну, Уильям Гриффитс показал в суде, что из жестяной коробки пропали две большие дозы сурьмы.

Отсюда и то сбивающее с толку восклицание доктора Фелла: «Когда я услышал, что мистер Реншоу был убит, не могу сказать, что я сильно удивился». И: «Это же было по меньшей мере логично, что кого-нибудь должны убить!»

И что запутало ученого доктора, что вынудило его бормотать, стонать и гримасничать, так это показания Люсии: графин с водой, убившей Реншоу, прополоскали и заново наполнили перед смертью Реншоу. Очевидно, что Джойс никак не могла этого сделать.

Батлер, на мгновение оторвавшись от своих размышлений, обратился к Джойс.

— Однако мысль, что вы не могли совершить убийство, поскольку находились в тюрьме, — произнес он, — была тут же отвергнута, как только следователь взглянул на графин на прикроватном столике Реншоу.

— А что с ним не так?

— В нем осталось воды всего на дюйм. И она была затхлая.

— Затхлая?

— Да. В ней было полно крошечных пузырьков воздуха, которые накапливаются в воде, стоит ей постоять несколько дней или даже недель. За сутки, которые, предположительно, вода простояла с того момента, когда Китти налила ее, такого бы не произошло. Это казалось невероятным, ведь сверху был надет еще и стакан. И все же в доме миссис Тейлор был проведен эксперимент.

Графин с водой, накрытый перевернутым стаканом, был оставлен на сутки. По завершении этого срока вода осталась кристально чистой, без единого пузырька. И она явно оставалась бы свежей еще долго.

В воображении Батлера голоса разносились эхом по тому темному дому.

(«Что вы видите?» — «Ничего, о чем рад сообщить. Совершенно ничего». И еще: «Отрава? Этот эксперимент не имеет никакого отношения к ядам!»)

Батлер закурил сигарету. Рука его подрагивала, но он заставил себя произнести:

— Вода в графине Реншоу простояла там до-

вольно долго. Когда рассматриваешь это вкупе с некоторыми странными особенностями вашего дела, оно становится даже более чем странным. Но как же вода в графине могла оказаться затхлой, когда Китти только что налила свежую?

Сам я, красотка, поначалу слегка неверно толковал факты. Я знал, что Китти подменила графин. Я знал, что она принесла другой в корзинке для рукоделия. Но я стоял лицом к лицу с правдой, так и не видя ее.

В понедельник, девятнадцатого марта, пришла телеграмма, сообщавшая, что Реншоу будет вечером дома. Комнату необходимо убрать, графин наполнить свежей водой. Однако Китти, неукоснительно точно выполняя указания, полученные несколько недель назад, не позволила поменять воду. И что же она сделала?

— Она мне рассказала, — холодно вставила Джойс. — Китти преданная, хотя и не мне одной. Ему.

— Ему?

Джойс снова вынула перевернутый крест и поцеловала его.

— Что сделала Китти? — отчеканил Батлер. — Прихватила графин с водой, с чистой водой, из соседней спальни. Его она поставила в корзинку

для рукоделия. Она забрала графин с отравленной водой и, оказавшись в ванной, опустила его в корзинку. А вынутый оттуда графин с чистой водой она опустошила, прополоскала и заново наполнила, чтобы затем спрятать. И на стол она вернула все тот же графин со старой отравленной водой.

Разве я не говорил, — саркастически поинтересовался Батлер, — что мы подходили ко всем доказательствам не с той стороны?

Джойс засмеялась.

— Дик Реншоу был не в духе, когда прибыл домой, — сказал Батлер. — Более того, он поругался с Люсией. Он даже не заметил, что вода затхлая, когда пил ее.

Батлер, докурив сигарету короткими яростными затяжками, швырнул ее в камин.

— Он решил, что это сделала Люсия, — прибавил Батлер. — И почти все подумали бы, что вы теперь вне подозрений.

— Вне подозрений?

— Вы были признаны в суде невиновной в смерти миссис Тейлор. — Батлер воздержался от упоминания, как доктор Фелл постоянно твердил, что в этом Джойс не виновата, и никогда не говорил «убийство», а только «смерть». — Потому

почти все, когда был убит Реншоу, списали вас со счетов, ведь вы не могли быть виновницей обеих смертей.

Но не забывайте о Китти Оуэн! Даже если Китти до сих пор не догадывалась, что вода отравлена, она точно поняла это, когда Реншоу умер. Но она же преданная! О да. Она уже оказала вам услугу, когда за день до смерти Реншоу была назначена черная месса в черной часовне.

Джойс, откинувшись в кресле вместе с плотно набитой сумочкой, снова оцепенела:

— Откуда вам известно, что должна была…

Батлер застонал:

— Остатки черного парафина были свежими. На какую же ночь, очевидно, была назначена месса? Ваша пародия на христианский обряд? Восемнадцатое число пришлось на субботу!

Не знаю, почему Реншоу не вернулся к этой дате, вероятно, мы никогда не узнаем. Миссис Тейлор, вторая по чину, была мертва. Вы, третья в списке, в тюрьме. Не нашлось священника, чтобы провести церемонию, даже если черные свечи зажгли бы на алтаре и выставили статуэтку козла. Кто-то должен был отправиться к пастве в масках и сообщить им об этом.

Кто это сделал? Китти, конечно! Она ведь была

приближена к двоим из трех главных. А те канделябры были персональными сокровищами: Реншоу нравилось держать парочку дома, как и миссис Тейлор, чтобы созерцать их с вожделением. О, Китти всегда была готова продемонстрировать свое превосходство над Люсией Реншоу!

— Вы не правы, когда говорите, что я это делала ради денег, — сказала Джойс. — Мне просто приходилось тратить… чтобы работать на него.

И она тронула крестик на шее. Ее застывшее выражение лица и словно приклеенная полуулыбка снова начали нервировать Батлера. Он, покачнувшись, прошел мимо фонографа и остановился спиной к догоравшему огню.

— Когда вас оправдали двадцатого числа, — спросил он, — что вы сделали, уйдя из кофейни? Связались с Люком Парсонсом? Или со Златозубом? Или с обоими?

— Со Златозубом? О, вы имеете в виду беднягу Джорджа? Я позвонила им обоим, да. Но думала я о вас.

— Вероятно, думали в тот момент. Но на следующее утро, когда вы пришли ко мне, а я без лишних церемоний выставил вас, — уж не тогда ли вы начали меня ненавидеть?

— Я, возможно, была немного раздражена. В тот

момент.

— Разве не в этом подлинная причина, почему вы натравили на меня Златозуба и Эма с кастетом прошлой ночью? Или попытались?

— Я не… я прошу прощения за это! Вы действительно вывели меня из себя.

— Вчера после обеда, — Батлер хлестал словами, словно плетью, без всякого видимого эффекта, — я побывал у Люка Парсонса и подкупил его, чтобы он поделился кое-какой информацией — это стоило две сотни монет — о том, где мне найти Златозуба и Эма. Парсонс позвонил вам сразу же после моего ухода и рассказал о том, что сделал?

— Да.

Джойс сидела, вальяжно развалившись в кресле, и свет настенных ламп играл на ее гладких черных волосах, а на лице отражалась безмятежная серьезность, если не обращать внимания на некоторые движения губ и глаз.

— И за это он был убит?

— Тот, кто предаст тебя в мелочах, — произнесла Джойс, взглянув ему прямо в лицо и прижав к груди перевернутый крест, — предаст в чем угодно. — Затем ее серые глаза широко распахнулись. — Это закон веры.

— Это было женское преступление. Люк Пар-

сонс был старый, напуганный и не очень сильный человек. Мужчина схватил бы его за шею, спереди или сзади. Женщине же пришлось сначала оглушить его и, пока он был без сознания, затянуть подвязку на манер жгута. Вы получили удовольствие, убивая его?

— Дражайший друг, — сказала Джойс, — это необходимо было сделать.

— Он тоже был последователем вашей… веры?

— А как же! Частный сыщик — неужели не понимаете? — такой полезный человек, когда требуется собрать о ком-нибудь сведения.

— А Златозуб?

— Джордж? О, Джордж очень особенный мой друг. — Зубы Джойс блеснули, ее медленная улыбка говорила о многом. Затем ее лицо помрачнело. — Но я никогда не думала… — Она умолкла. — Когда он снимал эти фальшивые золотые коронки, которые использовал для маскировки, он был вполне привлекателен.

— А вы не особенно привередливы?

— Не надо ревновать. Я же не ревную к бедной дурочке Люсии. Самое ужасное, что мне когда-либо приходилось делать, — продолжала Джойс, которая разъярилась бы, если бы жестко себя не контролировала, — отдать Джорджу приказ

поджечь храм под той часовней!

— Так зачем же вы это сделали?

— Люсия ведь собиралась отвести вас туда? Один из людей Джорджа нашел в том клубе ее сумочку, а в ней ключ с картонной биркой. Он сообщил Джорджу, хотя и не понимал, что это такое; Джордж позвонил мне, и…

Джордж, — теперь Джойс приходилось делать такие усилия, чтобы держать себя в руках, что платье огненного цвета пошло складками, — не знал, что вы в Бэлхэме. Но он увидел свет в щели между ставнями и решил проверить. Затем он вошел, чтобы забрать очень опасные документы и… сделать все остальное. Сжечь. Настоящий кошмар.

А что еще я могла? Я знала, что Люсия уже заподозрила что-то. На суде, когда доктор Бирс говорил о «Приорате» и назвал его нездоровым местом, я видела, как она поднялась и замахала руками, словно призывая его молчать. Но я не могла понять, как много ей известно.

Батлер ударил ее всего лишь словесно, зато наотмашь.

— Люсия не знала ничего, — произнес он. — Если бы не доктор Фе… если бы не я, мы, может, никогда и не нашли бы тайный люк, ведущий

вниз.

Несколько мгновений Джойс сидела тихо, очень тихо.

— Вы лжете. — Она улыбнулась ему.

— Нет.

— Я должна бы вас ненавидеть. — Джойс задумчиво всматривалась в него, но ее глаза, неподвижно застывшие, зачаровывали его, словно огонь — ребенка. — Я не могу вас ненавидеть. Никогда не могла. В кофейне я сказала, как отношусь к вам. И мои чувства стали… еще сильнее. Я поняла это сразу, как только снова увидела вас.

Тут улыбка Джойс сделалась шире, и в ней прибавилось и жестокости, и очарования.

— И много ли удовольствия вы получили от Люсии, — мягко поинтересовалась она, — когда думали все время обо мне?

— Я не говорил, что «думал все время»! Это был всего лишь…

И снова выражение ее лица заставило его умолкнуть.

— И я знала, что вы меня не выдадите, — продолжала Джойс. — Потому что знала с самого начала, что вы один из нас.

— Какого черта вы имеете в виду, говоря: один из вас?

— О, вы-то думаете, что это не так! Вам нравится притворяться, будто это вас шокирует. Но оцените верно собственный характер и посмейте сказать, что это неправда!

Джойс встала с кресла. Она медленно двинулась к нему, пока он так и стоял спиной к камину.

— В душе вы знаете, — выдохнула Джойс, — что он действительно существует.

— Не прикидывайтесь идиоткой! Этот ваш Сатана — аллегория, миф, призванный олицетворять…

— Тогда почему вы его боитесь? — спросила Джойс. — Почему ваша церковь его боится? Почему они орут в один голос, но в полном бессилии? Почему с самого начала времен он так и остался непокоренным?

Патрик Батлер оставил всякие попытки думать. Аромат, исходивший от волос и кожи Джойс, ощущение ее дьявольской одержимости… Он понимал, что теперь хочет — в этом мире или в следующем — только Джойс Эллис. Он ударил еще одной, последней фразой:

— Думаете, я стану соперничать со Златозубом?

Раздался легкий смешок.

— С Джорджем? — переспросила она. — О Джор-

дже можете не беспокоиться. Он мертв.

— Мертв?

Рука Батлера соскользнула с плеча Джойс, казавшегося горячим.

— Мертв? — повторил он. — Как же он умер?

— О, дорогой, разве это имеет значение?

— Наверное, нет. Но все же — как он умер?

Голос Джойс, низкий и полный искреннего раскаяния, сделался глуше, когда она опустила голову.

— Прошлой ночью, — сказала она, — я вышла из себя, потому что вы заполучили те бумаги. Но сейчас я уже ничего такого не чувствую! Однако я… я велела Джорджу сегодня утром засунуть записки в ваши окна. Ему, кажется, не понравилось, но он все равно сделал.

— И что же?

— Так вот! Вы отправили ему оскорбительную — она была оскорбительной, милый! — телеграмму, предлагая прийти сюда с оружием. Я все еще была раздражена и потому сказала ему… Только он все равно бы не сделал.

— Что вы имеете в виду? Отвечайте!

— Дорогой, на самом деле это безумно смешно. — Слабый смешок, в котором звучало и недоумение, проплыл над плечом Батлера. Джойс

Эллис, способная надеть любую маску и говорить любым голосом, перешла на чистейший кокни с Коммершл-роуд. Как будто голос самого Златозуба зазвучал в комнате. — «Он сказал, я честно дрался. Сказал, не потащит меня в суд, а он-то слово держит. Уж этот-то настоящий джентльмен, Батлер то есть, и я ему дерьма не сделаю, хошь ты меня убей».

Повисло молчание.

Батлер с трудом сглотнул ком в горле, прежде чем заговорить.

— И что же случилось? — спросил он.

Джойс пожала плечами.

— Ну, само собой… он умер.

Какая-то мелкая дрожь, прошедшая по плечам Батлера, напряжение, охватившее его, заставили Джойс поднять голову. Что-то пробилось сквозь мечтательную дымку к ее чувствам. Она медленно отстранилась, попятившись к своему креслу, и ее взгляд сделался пустым от потрясения. Прошло несколько секунд, прежде чем Батлер заговорил.

— Ну ты и скотина! — произнес он.

Голос его прозвучал негромко. Однако ошеломление Джойс только усилилось.

— Дорогой, в чем дело?

— Не знаю, где сейчас Златозуб, — продолжал

Батлер. — Но я хотел бы пожать ему руку. Я хотел бы с ним выпить. Этот вечно ухмылявшийся полусредневес с рыжей шевелюрой был настоящий спортсмен. А значит, принадлежал к лучшей породе людей. И ты его убила!

— Дорогой, мне и в голову не пришло…

— Да. Тебе и в голову не пришло.

Патрик Батлер не видел ничего ироничного в факте, что Златозуб, единственный человек, которого он так сильно ненавидел, теперь стал единственным человеком, к которому он испытывал такую симпатию. Голос у Батлера сел, в глазах читалась ядовитая насмешка. Он протянул руку и с грохотом опрокинул на пол фонограф.

— А теперь, моя прекрасная ведьма, — прорычал он, — я сообщу тебе кое-что. Ты считаешь, я единственный, кто знает об уликах против тебя? Так вот, ничего подобного!

— Что ты сказал?

— Доктор Фелл все знает. Суперинтендант Хэдли знает. Да вся городская полиция, черт побери, это знает. Твои бумаги не у меня — их забрала полиция. А ты знаешь, что случится завтра утром?

Джойс вылетела из кресла, схватив свою сумочку. Теперь на ее лицо было вовсе не приятно смотреть.

— Китти Оуэн, — продолжал бушевать Батлер, — заберут в Скотленд-Ярд для допроса. В бумагах нет ничего, чтобы тебя осудить. Зато Китти Оуэн сможет дать прямые показания против тебя. Она преданная, не сомневаюсь. Она поклоняется Сатане, в этом я тоже не сомневаюсь. Но она молода, моя прекрасная ведьма, она очень молода. Она сломается вот так, — он щелкнул пальцами, — после восемнадцати часов допроса. А ты знаешь, что случится с тобой потом? Тебя повесят в Холлоуэе, откуда ты только что вышла.

Джойс, которая все это время лихорадочно рылась в сумочке, попятилась и теперь смотрела на него с расстояния в десять футов. Он заметил край автоматического пистолета мелкого калибра.

— Может быть, тебе будет интересно узнать, — заметил Батлер, откинув правую полу своего халата, — что я уже довольно давно держу тебя под прицелом.

Джойс закричала на него — слов он потом так и не смог вспомнить. Он мгновение смотрел на нее. Затем, самодовольно вздохнув, он отбросил «уэбли» в сторону, и тот приземлился на сиденье кожаного кресла.

— А, свезло тебе! — коротко бросил ирландец. — Я по женщинам не пуляю.

Пистолет был теперь в руке Джойс, стоявшей в десяти футах.

— Значит, ты знал, что я убийца! — взвизгнула она.

Патрик Батлер, спиной к камину, выпрямился в полный рост.

— Разве я не говорил? — поинтересовался он вежливо. — Я никогда не ошибаюсь.

И он отвесил ей глубокий поклон, пародируя стиль восемнадцатого столетия, когда она дважды выстрелила ему в грудь.

Глава двадцатая

Письмо от Гидеона Фелла, доктора философии, доктора юридических наук, члена Королевского общества садоводов, Патрику Батлеру, королевскому адвокату, Северо-Запад, Хэмпстед, Круглый Пруд, 13.

Мой дорогой Батлер!

Похоже, у Вас снова возникли проблемы. И не только, как я понял из Вашего послания, с неким высокопоставленным лицом, которое Вы, похоже, обвинили в нечистой игре в покер, но и с делом, где Вы убеждены в невиновности своего клиента. Вы никогда не ошибаетесь, это я знаю, и да, я помогу. Что до Вашего замечания насчет Джойс Эллис, теперь, когда суд завершен, я рискну на него ответить. Нет, девушка не безумна. У нее просто своя религия, такое было недавно в Германии и теперь наблюдается в России: обожествление до немыслимых степеней. Мне кажется, присяжные понимали, что она не безумна. Однако вердикт «ви-

новна, но невменяема» изумил меня как особо милосердный, а заодно и крайне разумный.

На самом деле я написал, чтобы поздравить Вас и миссис Люсию Реншоу с помолвкой. Она поистине очаровательная леди, поздравляю Вас еще раз. Надеюсь только, что Ваш (уж простите) местами незаурядный темперамент все же позволит вам обоим дойти до алтаря.

Никогда не забывайте о галантности, дорогой мой! В конце концов, если бы Вы не отвесили Джойс Эллис тот поклон, когда она выстрелила в Вас, эти пули попали бы Вам в сердце, а не под ключицу. Надеюсь, Вы еще поживете, украшая собой наш скучный мир.

Искренне Ваш,

Гидеон Фелл